Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева»

На правах рукописи

Горбенко Александр Юрьевич

ЖИЗНЕСТРОИТЕЛЬСТВО Г.Д. ГРЕБЕНЩИКОВА: ГЕНЕЗИС, МЕХАНИЗМЫ, СЕМАНТИКА, КОНТЕКСТ

10.01.01 – Русская литература

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научные руководители
доктор филологических наук, профессор
Чмыхало Борис Анатольевич
кандидат филологических наук, доцент
Садырина Татьяна Николаевна

Красноярск – 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение
Глава 1. Формирование литературной биографии Г.Д. Гребенщикова29
1.1. Создание персонального мифа о писателе «из народа»
1.2. Гребенщиков как наследник литературной традиции: конструирование
преемственности в сибирском и общенациональном контекстах55
1.2.1. Автолегитимация в качестве литературного «внука» Г.Н. Потани-
на56
1.2.2. Автоканонизация в роли наследника классической литерату-
ры
1.3. «Егоркина жизнь»: между автобиографической повестью и автоагиогра-
фией80
Глава 2. Мессианский дискурс Г.Д. Гребенщикова98
2.1. Учитель в изгнании: стратегия писателя-«изгоя»100
2.2. Сценарий «Отец и сын»
Глава 3. Чураевка как текст-палимпсест: символизация повседневности
внутри ретроутопического проекта
3.1. Чураевка как автоцитата: от хронотопа к топониму
3.2. Чураевка и Ясная Поляна: реализация толстовской модели литературного
быта153
3.3. Чураевка как реплика скита Сергия Радонежского160
Заключение170
Список использованных источников и литературы175

Введение

Имя Г.Д. Гребенщикова (1883(?)–1964) принадлежит к числу «возвращенных». Причем, это «возвращение» литератора в актуальный читательский контекст, регулярно констатируемое исследователями в 1990–2000-е гг.¹, происходило постепенно. Важным этапом стала первая отечественная послереволюционная публикация тома его сочинений в Иркутске (1982 г.), подготовленная известным сибирским критиком Н.Н. Яновским. Но это издание не изменило положения дел по существу: в 1980-е гг. имя Гребенщикова в пантеоне классиков литературы Сибири не значится. Характерно, что книга того же Яновского «Писатели Сибири» (1988)² охватывает диапазон от «старших» областников (Н.М. Ядринцева и Г.Н, Потанина) до В.П. Астафьева и включает раздел о творчестве старшего современника Гребенщикова В.Я. Шишкова, но в ней нет главы, посвященной Гребенщикову.

С самого начала литературной карьеры Гребенщиков предпринимал активные мифотворческие усилия, призванные обосновать его претензии на особое место в литературном поле (подробнее об этом речь будет идти в главе I). Однако, как известно, в процессе автомифологизации собственных усилий литератора, как правило, оказывается недостаточно. Легитимация биографического мифа напрямую зависит от других участников литературного процесса – критиков, литературоведов, издателей и др. Закономерно поэтому, что второй вектор мифологизации Гребенщикова складывается из действий учеников и последователей писателя (при его жизни), но в первую очередь критики, поскольку в интересующую нас эпоху литературная репутация писателя и, соответственно, успех его карьеры, зависели по преимуществу от критических оценок.

¹ Царегородцева С.С. Роман Г.Д. Гребенщикова «Чураевы» в социокультурном контексте эпохи. Дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2005. С. 3–4 и сл.; Казаркин А.П. Возвращение Георгия Гребенщикова // Наш современник. 2010. № 8. С. 277–281.

² Яновский Н.Н. Писатели Сибири: Избранные статьи. М.: Современник, 1988.

Остановимся на одном репрезентативном примере. В первом номере журнала «Современный мир» за 1916 г. вышла программная статья Л.Н. Клейнборта «Беллетристы-самоучки», которая выполняла задачу легитимации авторов, вынесенных в заглавие, как бы впервые обозначая их присутствие в литературе в виде особой группы, объединенной общностью биографий. Поставив задачу показать, что «беллетрист-пролетарий не миф»³, Клейнборт заявляет, что «[ч]итатель имеет с ним дело, притом в большой литературе, и не вина читателя, если он плохо его рассмотрел, а вина тех, кто не идет навстречу и этому беллетристу, и этому читателю»⁴. Кроме того, Гребенщиков выделен автором статьи в качестве писателя, «который стоит особняком в ряду наших самоучек»⁵ и, таким образом, уже на раннем этапе своего литературного пути поставлен в особое положение среди писателей «из народа».

В этой перспективе закономерно, что фигура активного мифотворца Гребенщикова, последней включенная в пантеон литературы Сибири, и спустя несколько десятилетий после его смерти оказалась мифологизированной более других знаковых сибирских литераторов. В 1990–2000-е гг. книги Г.Д. Гребенщикова начинают издаваться в России, а его имя закрепляется в литературных энциклопедиях и словарях (важнейших формах существования литературного пантеона⁶), посвященных как специально литераторам Сибири⁷, диаспоры⁸, так и русской литературе XX в. вообще⁹.

3

³ При этом финальный пассаж статьи («Правда, что-то стоит на пути, что-то мешает им [«беллетристам-самоучкам». – А.Г.] развернуться... <...> Точно литература эта скорее будет, чем есть. Но тем важнее не отодвигать ее в тень» (Клейнборт Л. Беллетристысамоучки // Современный мир. 1916. № 1. С. 178) с очевидностью противоречит ее основной залаче.

⁴ Там же. Любопытно, что последний тезис, с имплицированным в него образом неназванных «врагов», коррелирует с центральной идеологемой гребенщиковского мифа. Правда, по сравнению с построениями Гребенщикова, у критика «вина» «врагов» значительно преуменьшена (они только «не ид[у]т навстречу <...> беллетристу <...> и <...> читателю», а не «травят» этого беллетриста, «как связанного волка», как это было у Гребенщикова – см. 1.1.).

⁵ Там же.

⁶ Земсков В. Литературный пантеон: автор и произведение в межкультурной коммуникации // Литературный пантеон: национальный и зарубежный. М.: Наследие, 1999. С. 10.

Практически сразу после отмеченного «возвращения» Гребенщикова отечественному читателю возникают концептуализации литератора как «сибирского Горького» («сибирского Толстого», «неизвестного классика» (Очевидно, что концептуализации типа «сибирский Горький» или «сибирский Толстой» содержат в себе отчетливую семантику вторичности, а словосочетание «неизвестный классик» является своего рода оксюмороном. Все это противоречит специфике литературного канона, если понимать его, вслед за М. Гронасом, как мнемотехническую систему, которая стремится к избавлению от эпигонов (Однако такие характеристики четко вписываются в отмеченную Б.В. Дубиным в статье 2009 г. тенденцию оформления «рол[ей] кандидата в классики, "малых" классиков, "забытого" и "возвращенного" классика» (13).

На этом этапе отдельные исследователи, стремясь обосновать понятие «сибирской классики», называют в качестве ее представителя в первую очередь именно Гребенщикова. Так, А.П. Казаркин считает, что Гребенщиков (наряду с В. Астафьевым и В. Распутиным) является «первы[м] претен-

 $^{^7}$ Яновский Н.Н. Гребенщиков Георгий Дмитриевич // Яновский Н.Н. Материалы к словарю «Русские писатели Сибири XX века». Новосибирск: ИД «Горница», 1997. С. 51–52

⁸ Макаров А.А. Гребенщиков Г.Д. // Писатели русского зарубежья (1918–1940). Справочник. Часть 1 / гл. ред. Николюкин А.Н. М.: ИНИОН АН СССР, 1994. С. 172-175; Макаров А.А. Гребенщиков Г.Д. // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). Т. 1. Писатели русского зарубежья / гл. ред. Николюкин А.Н. М.: РОССПЭН, 1997. С. 143–144; Соколов Д.В. Гребенщиков Георгий Дмитриевич // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья, 1918-1940 / гл. ред. Николюкин. М.: РОССПЭН, 1997–2002. М.: РОССПЭН, 2002. Т. 3: Книги. С. 175–177.

⁹ Коростелев О.А. Гребенщиков // Русские писатели XX века: Биографический словарь / гл. ред. и сост. П.А. Николаев. М.: Большая российская энциклопедия; Рандеву-АМ, 2000. С. 210–211.

¹⁰ Впрочем, эта традиция была задана еще при жизни автора. См.: Львов-Рогачевский В. Великое ожидание (Обзор современной литературы) // ГМИЛИКА. ОФ. Ед. хр. 15533/61.

¹¹ Родионов А. Георгий Гребенщиков: «Все равно укочую на Алтай» [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2003. № 3. Режим доступа: http://www.sibogni.ru/content/georgiy-grebenshchikov-vse-ravno-ukochuyu-na-altay (дата обращения: 20.01.2016).

¹² Гронас М. Безымянное узнаваемое, или Канон под микроскопом // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 68–69.

¹³ Дубин Б. Классика, после и вместо: О границах и формах культурного авторитета // Дубин Б. Классика, после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 99.

дент[ом] на звание сибирск[ого] классик[а]»¹⁴. В более категоричной интерпретации В. Ганичева (предложенной им в предисловии ко второму постсоветскому – после иркутской публикации 1991 г. – изданию «Чураевых») Гребенщиков характеризуется как родоначальник сибирской прозы: «С Георгия Гребенщикова началась сибирская проза»¹⁵.

В это же время мифологизация некогда «забытого» литератора производится усилиями исследователей, популяризаторов, журналистов, решавших задачу выбора второго «алтайского классика» (после В.М. Шукшина)¹⁶, пре-

 14 Казаркин А.П. Литературная классика Сибири: подход к дефиниции // Сибирский текст в русской культуре: Сб. статей. Вып. 2 / Под ред. А.П. Казаркина, Н.В. Серебренникова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. С. 32–43. С. 42.

¹⁵ Ганичев В. Возвращение на родину // Гребенщиков Г.Д. Чураевы: Братья Чураевы. Роман в трех частях. Спуск в долину. Роман. Барнаул: [Б.и.], 2006. С. 5. Авторитетность этой ошибочной с историко-литературной точки зрения характеристики подкрепляется статусом В. Ганичева (на тот момент председателя Правления Союза писателей России), обозначенным в предисловии.

¹⁶ Показательно, что в 2009 и 2013 гг. по заказу и при финансовой поддержке Администрации Алтайского края в рамках Губернаторского издательского проекта в Барнауле вышли «юбилейные» собрания сочинений (оформленные в одной стилистике) двух этих авторов, приуроченные соответственно к 80-летию со дня рождения Шукшина и 130-летию со дня рождения автора «Чураевых». Любопытно также, что в ходе «Голосования за символы Года культуры в Алтайском крае» (раздел «Люди»), предложенном на официальном сайте Алтайского края, за Шукшина был отдан 1651 голос, а за Гребенщикова – 184 (http://www.altairegion22.ru/territory/remember/2014-god-kultury/golosovanie-za-simvoly-goda-kultury-v-altayskom-krae/ (дата обращения: 10.01.2016). Впрочем, в алтайских СМИ встречается телеологическая схема «наследования»: «Достоевский – Гребенщиков – "деревенщики" (Шукшин и Распутин)», отчасти автоматически снимающая идею «вторичности» Гребенщикова по отношению к Шукшину. Эта трактовка, предложенная режиссером Р. Григорьевой – автором фильмов по произведениям Ф.М. Достоевского и В.М. Шукшина (см.: Герасимова А. Время Георгия Гребенщикова пришло [Электронный ресурс]. Режим

[.]http://dixipressmos.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=86&Itemid=82 (дата обращения: 10.01.2016), – впоследствии тиражировалась (уже без ссылки на Григорьеву) на различных сайтах (см., например: http://www.tto-novella.ru/films/film/detail.php?ID=210 (дата обращения: 10.01.2016). Замечательны также попытки объединения Гребенщикова и Шукшина на основании «общности» их судьбы, заключающейся в «искренн[ей] люб[ви] к своей малой родине». См.: http://www.altspu.ru/vospit/fdpo/fdpo-vz/17364-v-vystavochnom-zale-altgpu-otkrylas-ekspoziciya-prityazhenie-altaya-gd-grebenschikov-vm-shukshin.html (дата обращения: 10.01.2016).

вращая его, как и автора «Калины красной», в «территориальный литературный "бренд"»¹⁷.

Кульминацией этого процесса можно считать декларации о принадлежности автора «Чураевых» к пантеону не только национальной, но и мировой литературы¹⁸, сопровождавшиеся закономерными в этом случае предложениями включить произведения писателя в школьную программу¹⁹.

Однако, несмотря на подобные инициативы, а также прогнозы относительно вхождения имени писателя в национальный литературный канон или даже констатации этого факта, ни один из текстов Гребенщикова вплоть до сегодняшнего дня не вошел в школьный узус. Это позволяет утверждать, что разрозненные, несистематические попытки помещения фигуры Гребенщикова в канон национальной словесности оказались неудачными. Его имя вошло в пантеон литературы Сибири, причем зачастую все еще воспринимается скорее не как самоценная величина, а в качестве «сибирского» аналога классиков отечественной литературы (Толстой, Горький) или «второго Шукшина».

Однако попытки литературной канонизации и мифологизации Гребенщикова продолжаются. Последние из них связаны с празднованием Года литературы в России. 1 марта 2015 г. в видеохостинге «YouTube» был размещен ролик из серии видеоматериалов, посвященных Году литературы, в котором уполномоченный по правам человека в Алтайском крае Борис Лапин читает отрывок из повести Гребенщикова «Егоркина жизнь», сопровождая его сле-

¹⁷ О превращении «деревенщиков» в такие территориальные «бренды» пишет А.И. Разувалова. См.: Разувалова А. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 33.

¹⁸ Смирнов К. Новое имя в ряду великих писателей (Несколько страниц жизни и посмертной судьбы человека, который мог бы стать первым русским лауреатом Нобелевской премии) // Открытая школа. 1997. № 3. С. 44–46.

¹⁹ Так, литературовед Л.П. Якимова выступила с пожеланием включить в пересматривающиеся в начале 1990-х годов школьные программы публицистическую книгу «Гонец. Письма с Помперага» «с тем, чтобы заставить ее работать в полную силу заложенного в ней духовного содержания» (Якимова Л.П. Творчество Г. Гребенщикова в новом социально-историческом контексте // Известия СО РАН. История, филология и философия, 1993. Вып. 3. С. 60).

дующим комментарием: «Это книга о становлении сибирского характера. <...> И вообще, произведения Георгия Гребенщикова — это классика русской литературы. Прочтите — не пожалеете» ²⁰. Спустя два с половиной месяца,16 мая 2015 г., на канале «Россия 1 — Алтай» вышла передача, посвященная Гребенщикову, открывавшая цикл программ под общим названием «Родная речь». В одном из сюжетов литературовед Т.Г. Черняева объясняла отъезд писателя в США с тем, что «критика <...> высоколобых интеллигентов» из дворян «абсолютно <...> не приняла» вышедший в парижских «Современных записках» первый том роман «Чураевы» ²¹. Это высказывание, наряду с пассажем о «негативной критике» («резкие высказывания Зинаиды Гиппиус и ее друзей, не принимавших в свой круг чужаков (а Гребенщиков, писательсамоучка, из беднейшей семьи, был именно таким)», якобы вынудившей писателя уехать в Америку²²), является примером натурализации ключевых сюжетов персонального мифа писателя, обусловленной полным «доверием» комментатора к гребенщиковской версии собственной биографии.

Такая (авто)мифологизация, начатая при жизни самим Гребенщиковым и по заданной им инерции продолжающаяся после его смерти, «наращивает» слой (ре)интерпретаций писательского мифа и все более отдаляет нас от понимания социокультурных механизмов писательской карьеры, специфики устройства литературного быта эпохи, места автора в литературной истории региона и истории национальной литературы, контексте русской эмиграции. Эти механизмы элиминируются «крестьянским происхождением» Гребенщикова. В этой связи можно говорить о «ломоносовском» субстрате персонального мифа автора «Чураевых», инкорпорированном в (ав-

²⁰ «Егоркина жизнь», авт. Георгий Гребенщиков, исп. Борис Лапин [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=OxCwqvbr_EU (дата обращения: 02.02. 2016). В качестве примера, полярно противоположного такому жесту в рамках канонизации писателя «сверху», предпринятой с участием представителя власти, можно указать 30-томное собрание сочинений Гребенщикова, изданное стараниями барнаульского энтузиаста А.Б. Фирсова.

²¹ «Родная речь»: Алтайский писатель Георгий Гребенщиков [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=peYT7WWSW2A (дата обращения: 02.02.2016).

²² Там же.

то)биографический нарратив им самим (эксплицитно – в книге «Егоркина жизнь»; подробнее об этом см. 1.3.) и впоследствии натурализованном рядом исследователей и популяризаторов²³.

Однако рецепция творческого наследия и биографии Гребенщикова, безусловно, не ограничивалась мифологизацией фигуры писателя.

В двухтомном фундаментальном труде «Очерки русской литературы Сибири» Гребенщикову посвящен один из параграфов главы «Сибирская литература 1895—1917 гг.», в котором наряду с общей характеристикой творчества содержались обусловленные идеологическим давлением оценки эмигрантского периода творчества писателя и соответствующая негативная характеристика «послереволюционного» периода его литературного пути²⁴.

Наиболее активная фаза исследования биографии и творческого наследия Гребенщикова приходится на 1990–2010-е гг. В этот период исследователями изучен ряд вопросов, которые попадают в фокус нашего исследования. Б.А. Чмыхало, которому принадлежит заслуга теоретического обоснования литературного регионализма, рассматривал творчество Г. Гребенщикова (в качестве члена литературной группы «Молодая Сибирь») в общем контек-

²³ В.М. Живов в свое время проницательно отмечал, что «[к]рестьянское происхождение <...> образует мифологический зачин ломоносовского мифа, поскольку в обычном случае происхождение в XVIII в. предопределяло жизненные обстоятельства: по заведенному Петром порядку государственной жизни дети крестьян оставались крестьянами. Ломоносов был исключением. Эта исключительность связывается с его необыкновенной одаренностью, что, видимо, справедливо, но никак не раскрывает работу социального механизма, допустившего это исключение» (Живов В. Первые русские литературные биографии как социальное явление: Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков // Новое литературное обозрение. 1997. № 25. С. 42). Живов использует принципиально иной, нежели в работах Ю.М. Лотмана, подход к жизнестроительству, исходя из изначальной детерминированности возможных путей человека теми условиями, в которых ему приходится действовать. В этом свете любопытна критическая рефлексия исследователя по поводу лотмановской методологии. См.: Живов В.М. Роѕt scriptum к поэтике бытового поведения и к посвященному ей «круглому столу» // Новое литературное обозрение. 2006. № 82. С. 126–127.

²⁴ Очерки русской литературы Сибири. Т. 1. Дореволюционный период. Новосибирск: Наука, 1982. С. 539.

сте взаимодействия литературы сибирского региона с общенациональной литературной системой 25 .

К.В. Анисимову принадлежит структурно-типологический анализ ранних произведений Гребенщикова (до первого тома «Чураевых»), изучение хронотопической организации «Чураевых»²⁶, а также описание специфики процесса самоидентификации писателя в эмиграции в широком контексте проблемы самоопределения сибирских писателей²⁷.

Исследование культуростроительных проектов Гребенщикова эмигрантского периода с акцентом на патриотической установке писателя содержится в работе О.С. Сироты²⁸.

Весомые заслуги в области изучения биографии и творчества Г.Д. Гребенщикова принадлежат Т.Г. Черняевой, которая является автором ряда работ, посвященных изучению сибирского периода творчества писателя²⁹, публикатором и комментатором множества художественных текстов и писем литератора, составителем наиболее полного на данный момент шеститомного собрания сочинений писателя (Барнаул, 2013) и активным популяризатором его фигуры.

²⁵ Чмыхало Б.А. Литературный регионализм: Учебное пособие по спецкурсу. Красноярск: КГПИ, 1990; Чмыхало Б.А. Молодая Сибирь: Регионализм в истории русской литературы. Красноярск: КГПИ, 1992.

²⁶ Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX века: Особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005.

²⁷ Анисимов К.В. Сибирская литература и проблема авторского самоопределения // Материалы научно-практической конференции преподавателей, аспирантов и студентов филологического факультета. Красноярск: Изд-во КГПУ, 1997. С. 11–19.

²⁸ Сирота О.С. Проблемы сохранения и развития русской культуры в условиях эмиграции первой волны: культурно-просветительская деятельность и литературное творчество Г.Д. Гребенщикова. Дисс. ... канд. культур. наук. М., 2007.

 $^{^{29}}$ Черняева Т. Г. Георгий Гребенщиков: начало пути // Бийский Вестник. Барнаул. 2003. № 1. С. 74—96; Черняева Т.Г. Гребенщиков-этнограф // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Вып. IV. Барнаул. 2001. С. 54—61; Черняева Т.Г. Г.Д. Гребенщиков о старообрядцах Алтая // Язык и культура Алтая. Барнаул. 2001. С. 8—26.

С.С. Царегородцевой были описаны связи центрального романа Гребенщикова «Чураевы» с различными контекстами эпохи – литературным, философским, оккультно-теософским³⁰.

Отзывы на произведения Гребенщикова сибирского периода критиковобластников в контексте критической полемики, развернувшейся на страницах сибирских изданий начала XX в., прослежены Б.А. Чмыхало³¹. Также над проблемой «Гребенщиков и областничество» работали Н.В. Серебренников³² и К.В. Анисимов³³. Взаимоотношения Гребенщикова с патриархом областничества Г.Н. Потаниным стали предметом рассмотрения в работе Т.Г. Черняевой³⁴.

Исследователи неоднократно обращались к анализу религиознофилософской позиции Гребенщикова. Однако обсуждение сложных синтетических религиозно-философских взглядов писателя зачастую сводилось к тезису о его принадлежности к православной традиции: автора «Чураевых» характеризовали как ортодоксального христианина, призывавшего к «реставрации православия»³⁵, или сводили траекторию религиозного поиска Гребенщикова к «возвращению» «в лоно традиционного православия» через «юно-

³² Серебренников Н.В. Опыт формирования областнической литературы. Дисс. ... д-ра филол. наук. Великий Новгород, 2005. С. 280–290.

 $^{^{30}}$ Царегородцева С.С. Роман Г.Д. Гребенщикова «Чураевы» в социокультурном контексте эпохи. Дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2005.

³¹ Чмыхало Б. А. Литературно–критическая борьба в сибирских изданиях начала XX в. Красноярск: КГПИ, 1987.

³³ Анисимов К.В. Сибирский областнический роман: от «Тайжан» к «Чураевым» // Филологические страницы: Сборник статей. Вып. 1. Красноярск: КГПУ, 1999. С. 20–33; Анисимов К.В. Старообрядчество и областничество // Филологические страницы: Сборник статей. Вып. 1. Красноярск, 1999. С. 33–47; Анисимов К.В. Сибирское областничество и творчество Г. Д. Гребенщикова: к интерпретации некоторых мотивов романа «Чураевы» (1-я часть) // Алтайский текст в русской культуре: материалы науч. семинара. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. Вып. 2. 2004. С. 18–27.

³⁴ Черняева Т.Г. «Обнимаю Вас как преданный сын Ваш»: Георгий Гребенщиков и Григорий Николаевич Потанин // Г.Д. Гребенщиков и Г.Н. Потанин: диалог поколений (письма, статьи, воспоминания, рецензии) / составитель, автор вступ. статьи, примеч. Т.Г. Черняева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. С. 5–44.

³⁵ Санникова А.А. Чураевка как идеал русской общины (культурно–просветительская деятельность Г.Д. Гребенщикова) // Алтайский текст в русской культуре: Материалы третьей региональной научно-практической конференции / Под ред. Т.Г. Черняевой, Н.В. Халиной. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. Вып. 3. С. 23.

шеск[ий] религиозн[ый] индифферентизм» и «увлечения космизмом рериховского толка»³⁶.

Реактуализация идеологемы «русской идеи», связь практического строительства писателя с идеей преображения жизни, его сотрудничество с семьей Рерихов рассматривались в работе В.Н. Леонова³⁷. К сожалению, спорный характер выводов, игнорирование ключевых работ по обсуждаемой проблематике и принципов научного стиля крайне затрудняет полемику с выводами исследователя.

Круг проблем, связанных с созданием писательской мифологии, затрагивается в ряде работ Т.Г. Черняевой³⁸, диссонирующих с приведенным выше примером комментирования сюжета об «изгнании» Гребенщикова. Особое внимание исследовательницы было сосредоточено на «автобиографическом» письме начинающего автора критику Л. Клейнборту, в котором, по ее мнению, «подводя итоги краткого по времени и насыщенного упорным тру-

 $^{^{36}}$ Лепехин М.П. Гребенщиков // Русские писатели: XX век: в 2 ч.: биоблиографический словарь. Ч. І. А–Л / Под ред. Н.Н. Скатова. М.: Просвещение, 1998. С. 396. Ср.: Царегородцева С.С. Роман Г.Д. Гребенщикова «Чураевы» в социокультурном контексте эпохи. С. 98–112.

 $^{^{37}}$ Леонов В.Н. Культурологическая концепция Г.Д. Гребенщикова. Дисс. ... канд. культур. наук. Барнаул, 2003.

³⁸ Черняева Т.Г. Начало творческой биографии Г.Д. Гребенщикова // Алтайский текст в русской культуре. Вып. 1. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 36–47; Черняева Т.Г. Творчество Г.Д. Гребенщикова: сибирский период: учебное пособие. Барнаул, 2007; Гребенщиков Г.Д. Письма (1907–1917). Книга первая / Составитель, автор предисловия и примечаний (при участии В.К. Корниенко и К.В. Анисимова) Т.Г. Черняева. Бийск: Издательский Дом «Бия», 2008; Гребенщиков Г.Д. Письма (1907–1917). Книга вторая / Составитель, автор предисловия, примечаний (при участии В.К. Корниенко и К.В. Анисимова), указателя имен, Хроники жизни и творчества Т.Г. Черняева. Бийск: Издательский Дом «Бия», 2010. Над этим же аспектом работает и О.А. Толстоноженко, рассматривающая «карьерную траекторию» Гребенщикова (Толстоноженко О.А. Карьерная траектория писателя-автодидакта на рубеже XIX–XX веков: Георгий Гребенщиков // Молодежь и наука: сборник материалов. Красноярск, 2014. Режим доступа: http://conf.sfukras.ru/sites/mn2014/directions.html (дата обращения: 01.09.2015)), связанные с этим проблемы адаптации писателя-самоучки в столичной литературной среде (Толстоноженко О.А. Провинциальный писатель и столичная литературная среда: проблемы адаптации и рефлексии (случаи И.А. Бунина, Г.Д. Гребенщикова, И.Е. Вольнова) // Материалы 53-й Международной студенческой конференции МНСК-2015: Литературоведение. Новосибирск, 2015. С. 38–39) и эстетической рефлексии этого травматичного опыта (Толстоноженко О.А. Провинциальный интеллигент в столице: рефлексия травмы в раннем творчестве Г.Д. Гребенщикова // Алтайский текст в русской культуре: сборник статей / под. ред. М.П. Гребневой. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. Вып. 6. С. 342–357).

дом периода своего вхождения в литературу, Гребенщиков начинает создавать "миф" о рождении писателя из крестьян»³⁹. Однако исследовательница не ставила своей целью целостную реконструкцию автомифотворчества писателя на протяжении всей его литературной карьеры.

На сегодняшний день не существует комплексного исследования не только автомифотворчества Г.Д. Гребенщикова, но и его жизнестроительства в целом⁴⁰, т.е. особенностей взаимопроникновения и взаимоорентированности его биографии и обширного творческого наследия, а также рецепции жизнетекстом писателя чужих художественных и поведенческих текстов.

При определении того, что такое гребенщиковский миф, мы исходим из нескольких посылок. Во-первых, под мифом понимается не свойственное «обиходной речи» обозначение того, что «не признают соответствующим действительности», а также не «фантом, рождаемый наивностью массового человека» С другой стороны, речь идет не о традиционном предмете мифокритики и не об историческом мифе, а о мифе персональном. К примеру, принципиально важный для русской культурной истории сусанинский миф Выстроен вокруг одной фигуры — крестьянина Ивана Сусанина. Однако принципиальная разница состоит в том, что в персональном мифе, в отличие от исторического (пусть даже и организованного вокруг одной персоны), объект и субъект мифологизации совпадают. Общим у всех этих разновидно-

³⁹ Гребенщиков Г.Д. Письма (1907–1917). Книга вторая. С. 4. Ср. несколько более «смягченную» формулировку: «Письмо Гребенщикова Л. Клейнборту является одной из первых попыток выстроить линию собственной судьбы, создать своеобразный биографический "миф"» (Черняева Т.Г. Творчество Г.Д. Гребенщикова: сибирский период. С. 8).

⁴⁰ О принципиальной связи (вплоть до отождествления) жизнестроительства и автомифотворчества см.: Хансен-Леве О. Концепции «жизнетворчества» в русском символизме начала века // Блоковский сборник. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1998. Т. 14. С. 57–85.

⁴¹ Неклюдов С.Ю. Структура и функции мифа // Современная российская мифология / Сост. М.В. Ахметова. М.: РГГУ, 2005. С. 9–10.

⁴² Специально о сусанинском мифе см.: Велижев М.Б., Лавринович М.Б. Сусанинский миф: становление канона // Новое литературное обозрение. 2003. № 63. С. 186–205; Живов В.М. Иван Сусанин и Петр Великий. О константах и переменных в составе исторических персонажей // Новое литературное обозрение. 1999. № 38. С. 51–65; Киселева Л.Н. Становление русской национальной мифологии в николаевскую эпоху (сусанинский сюжет) // Лотмановский сборник. Вып. 2. М., 1997. С. 279–302.

стей мифа остается отмеченная в свое время Р. Бартом претензия на то, чтобы «превратиться в систему фактов», будучи «семиологической системой»⁴³.

Персональный и исторический миф сближает набор задач. Е.Е. Левкиевская выделяет следующие задачи исторического мифа: 1) «самоидентификаци[я] общества (или нации) в мире»; 2) прогноз «предпочтительн[ой] модел[и] будущего»; 3) «борьб[а] различных общественных и политических групп, направленн[ая] на утверждение собственной системы ценностей и дискредитацию противников»; 4) управление обществом⁴⁴. Персональный миф также подчинен задаче самоидентификации в социальном пространстве; является инструментом символической борьбы в поле культуры, направленной на «утверждение собственной системы ценностей и дискредитацию противников»; потенциально может стать способом управления в определенном сообществе.

Принципиально важно, что в основе персонального мифа (как и в основе мифа исторического) «лежат интерпретации реальных фактов, а не вымысел»⁴⁵, а также игнорирование одних фактов и существенная корректировка других⁴⁶. При описании (авто)биографического мифа Гребенщикова мы будем опираться на дефиницию, предложенную Д.М. Магомедовой:

исходная сюжетная модель, получившая в сознании поэта онтологический статус, рассматриваемая им как схема собственной судьбы и постоянно соотносимая со всеми событиями его жизни, а также получающая многообразные трансформации в его творчестве 47 .

 $^{^{43}}$ Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Пер. с фр. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 101.

⁴⁴ Левкиевская Е.Е. Русская идея в контексте исторических мифологических моделей и механизмы их образования // Современная российская мифология. С. 176–177.

⁴⁵ Загидуллина М.В. Мифы о литературных феноменах. К вопросу о методологии изучения // Челябинский гуманитарий. 2012. № 4 (21). С. 24.

⁴⁶ Рейтблат А.И. Буренин и Надсон: как конструируется миф // Рейтблат А.И. Писать поперек: Статьи по биографике, социологии и истории литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 338.

⁴⁷ Магомедова Д.М. «Я один... и разбитое зеркало...»: литературные маски Сергея Есенина (Статья первая) [Электронный ресурс] // Новый филологический вестник. 2005. № 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/ya-odin-i-razbitoe-zerkalo-literaturnye-maski-sergeya-esenina-statya-pervaya (дата обращения: 25.11.2015).

При этом мы рассматриваем персональную мифологию, конструируемую Гребенщиковым на протяжении всей его литературной карьеры, как идеологический инструмент, использовавшийся писателем в первую очередь в целях легитимации собственного литературного статуса и повышения «символического капитала» (П. Бурдьё). В филологической науке неоднократно отмечался определенный риск, сопровождающий применение неомарксистской «полевой теории» Бурдьё⁴⁸. Использование объяснительных моделей французского социолога в нашей работе обусловлено тем, что построение Гребенщиковым писательской карьеры, в основу которой легла тщательная работа по формированию собственной литературной биографии, являлось жизнестроительной практикой в том смысле, что эта работа была в первую очередь направлена на резкий выход за пределы набора традиционных биографических сценариев крестьянства. Помимо этого, писатель (вполне «по-марксистски») регулярно интерпретировал критические оценки в свой адрес в отчетливой идеологической перспективе, а именно – в терминах классовых отношений. Кроме того, методология Бурдьё, с одной стороны, «обозначает собой тот предел, дальше которого не может заходить филология в текстуализации социальной жизни»⁴⁹, с другой же – во многом сближается с формалистской теорией литературного быта⁵⁰, т.е. «граничит» с двумя принципиально важными при анализе жизнестроительных практик подходами.

Феномен жизнестроительства попал в фокус пристального исследовательского внимания в 1970–1980-е годы, когда были написаны впоследствии

⁴⁸ Один из характерных примеров подобной скептической оценки неомаркстистских тенденций в литературоведении последних десятилетий находим в работе, посвященной литературному быту, автор которой небезосновательно, хотя и не без полемического упрощения, усматривает в подобных исследованиях «редукцию ее [литературы. – А.Г.] до социальных, идеологических, экономических механизмов эксплуатации и сопротивления» (Проскурин О.А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. М.: ОГИ, 2000. С. 14).

⁴⁹ Зенкин С. Теория писательства и письмо теории (Филология после Бурдье) // Работы о теории: Статьи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 45.

⁵⁰ Дмитриев А.Н. Русский формализм и перспективы социологического изучения литературы // Проблемы социального и гуманитарного знания. Сборник научных работ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. Вып. II. С. 389.

получившие статус классических работы Ю.М. Лотмана, З.Г. Минц и других ученых московско-тартуской семиотической школы⁵¹. Последующие гуманитарные исследования (в первую очередь — именно литературоведческие) в этой области генетически восходят прежде всего к работам Ю.М. Лотмана, посвященным изучению так называемой «поэтики бытового поведения»⁵².

В научной литературе до сих пор не наблюдается четкого разграничения терминов «поэтика / семиотика бытового поведения», «жизнетворчество», «жизнестроительство» («жизнестроение»). Некоторые авторы, вслед за Лотманом, продолжают использовать понятие «поэтика бытового поведения» или его разновидность — «семиотика поведения» другие оперируют термином «жизнетворчество» 4, но, как правило, эти термины употребляются в качестве синонимичных 55.

⁵¹ При этом выделяется ряд работ 1910–1920-х гг., которые можно отнести к «дотеоретическому» этапу: книги Н. Евреинова «Театр как таковой (Обоснование театральности в смысле положительного начала сценического искусства в жизни)» (1912) и «Театр для себя» (первая часть -1915; части 2 и 3-1916), в которых автор, по словам Л.Я. Гинзбург, стремился подвести «теоретические итоги» символистского жизнестроительства (Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. М.: INTRADA, 1999. С. 25); статья лефовца Н. Чужака «Под знаком жизнестроения» (1923); очерк В.Ф. Ходасевича «Конец Ренаты» (1928). ⁵² См.: Лотман Ю.М. Бытовое поведение и типология культуры в России XVIII в. // Культурное наследие Древней Руси (Истоки. Становление. Традиции). М.: Наука, 1976. С. 292-297; Лотман Ю.М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб.: «Искусство-СПБ», 2002. С. 233–254; Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни // Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII - начало XIX века). СПб.: «Искусство-СПБ», 1994. С. 331–384; Лотман Ю.М. О Хлестакове // Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб.: «Искусство-СПБ», 1997. С. 659-688. Любопытно, что, хотя сам Лотман не использовал терминов «жизнетворчество» или «жизнестроительство» (декларативное заявление ученого на этот счет см. в письме Б.Ф. Егорову: Лотман Ю.М. Письмо Б.Ф. Егорову // Русская литература. 1994. № 1. С. 233), последний регулярно возникал в рецензиях на книгу ученого «Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя». См., например: Егоров Б.Ф. Книги Ю.М. Лотмана о Пушкине // Русская литература. 1994. № 1. С. 227–233. Впрочем, описывая процесс жизнетворчества А.С. Пушкина, Лотман оперировал понятием «строительство личности» (Лотман Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя // Лотман Ю.М. Пушкин. СПб., 2000. С. 79), а говоря о «сотворении Карамзина», подчеркивал, что «"роли", созданные Карамзиным, не пропали в человекостроении русской литературы» (Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина // Лотман Ю.М. Карамзин. СПб.: «Искусство-СПБ», 1997. С. 307).

⁵³ Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский — человек эпохи реализма / Авторизов. пер. с англ. Т.В. Казавчинской. М.: Новое литературное обозрение, 1996.

⁵⁴ См. тематические сборники статей: Lebenskunst – Kunstleben. Жизнетворчество в русской культуре XVIII–XX вв. / Hrsg. Shamma Shahadat. München: Verlag Otto Sagner, 1998;

Учитывая, что в литературоведении наблюдаются различные понимания жизнетворчества/жизнестроительства⁵⁶, связанные с «[м]ногосторонность[ю] явления»⁵⁷, напомним несколько принципиально значимых определений. В свое время Л.Я. Гинзбург предложила такую дефиницию романтического жизнетворчества: «преднамеренно[е] построени[е] в жизни художественных образов и эстетически организованных сюжетов»⁵⁸. Ирина Паперно, в свою очередь, пишет о сочетании в жизнетворчестве «сотворения жизни» и синтезирования «творчества и жизни»⁵⁹. Ей вторит Кирсти Эконен: «Основная идея жизнетворчества заключается в разрушении границы между жизнью и искусством, что содержится уже в самом слове жизнетворчество. Оно характеризует двустороннее явление: с одной стороны, здесь искусство предлагает модели и образцы для преобразования и эстетизации собственной жизни; с другой стороны, собственная жизнь предлагает материал для искусства: жизненные события становятся литературными фактами <...>»⁶⁰.

Нам представляется, что жизнестроительство и жизнетворчество могут быть дифференцированы по критерию наличия или отсутствия практической направленности процесса символизации реальности. Так, жизнетворчество

Creating Life. The Aesthetic Utopia of Russian Modernism / Ed. by I. Paperno and J. D. Grossman. Stanford: Stanford University Press, 1994.

⁵⁵ См.: Иоффе Д. Жизнетворчество русского модернизма sub specie semioticae. Историографические заметки к вопросу типологической реконструкции системы «жизнь — текст» // Критика и семиотика. 2005. № 8. С. 126—179; Живов В.М. Post scriptum к поэтике бытового поведения и к посвященному ей «круглому столу». С. 122—128; Зорин А. Понятие «литературного переживания» и конструкция психологического протонарратива // История и повествование: Сборник статей / Под ред. Г.В. Обатнина и П. Песонена. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 12—27.

⁵⁶ Обзор дефиниций «жизнетворчества» см.: Худенко Е.А. Жизнетворчество Мандельштама, Зощенко, Пришвина 1930–1940-х гг. как метатекст. Дисс. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2012. С. 17–43.

⁵⁷ Эконен К. Миметический кризис: Конструирование жизни, пола и авторства в символистском жизнетворчестве // Эконен К. Творец, субъект, женщина: Стратегии женского письма в русском символизме. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 107.

⁵⁸ Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. М., 1999. С. 25.

⁵⁹ Paperno I. Introduction // Creating life. Aesthetic Utopia of Russian Modernism. Ed. by Irina Paperno and John Delaney Grossman. Stanford: Stanford University Press, 1994. P. 2.

⁶⁰ Эконен К. Миметический кризис: Конструирование жизни, пола и авторства в символистском жизнетворчестве. С. 107. Ср. также: Хансен-Леве О. Концепции «жизнетворчества» в русском символизме начала века. С. 70.

романтиков или символистов было лишено практических резонов, подчиняясь сугубо эстетическим и/или мистическим задачам. Напротив, интересующий нас случай Гребенщикова отмечен отчетливой и регулярно декларируемой установкой на культурное и социальное созидание. Это обусловливает использование в данной работе термина «жизнестроительство». Жизнестроительство при этом мы будем понимать в двух смыслах (не оговаривая это каждый раз специально).

Во-первых, жизнестроительство как элитарный феномен, состоящий в осознанной и преднамеренной организации собственного жизнетекста по моделям, отыскиваемым как в чужих, так и в собственных «текстах искусства» и «текстах жизни» (в терминологии З.Г. Минц⁶²), граница между которыми к началу ХХ в. (период вхождения Гребенщикова в литературу) предельно стирается. Исходя из такого понимания, мы будем вести речь не столько о самоценном (в духе романтизма и модернизма) «смешении» жизни и искусства в жизнестроительном перформансе, сколько в первую очередь о рецепции чужих жизнетекстов в целях культурного строительства со свойственным Гребенщикову отчетливым просветительским пафосом.

Во-вторых, жизнестроительство понимается нами как совокупность «властных» (нередко – манипулятивных) стратегий, реализующихся с помощью мифологизации «жизненного текста», основными средствами которого становятся «отбор и искажение фактов» «с целью реализовать властные устремления харизматического субъекта <...>»⁶³. Прагматические установ-

⁶¹ По мнению В.М. Живова, «[ж]изнестроительство в целом есть занятие весьма индивидуальное <...>. Большинство жизнестроительством не занимается, а живет <...>, реализуя традиционные модели поведения и не предаваясь рефлексии по их поводу» (Живов В.М. Post scriptum к поэтике бытового поведения и к посвященному ей «круглому столу». С. 124–125).

 $^{^{62}}$ Минц З.Г. Понятие текста и символистская эстетика // Минц З.Г. Поэтика русского символизма. СПб.: «Искусство-СПБ», 2004. С. 97–102.

⁶³ Жолковский А. К технологии власти в творчестве и жизнетворчестве Ахматовой // Lebenskunst – Kunstleben. Жизнетворчество в русской культуре XVIII–XX вв. Р. 193. Тезис об инвариантности для жизнестроительных практик «поэтов с позой» властной стратегии последовательно и систематически разработан в серии «ахматовских» работ (в том числе, совместных) А.К. Жолковского и Л.Г. Пановой. К такому типу поэтов исследователи при-

ки автора «Чураевых», систематически и целенаправленно (хотя и не беспрерывно) прилагавшего усилия для построения успешной литературной карьеры, лежали не только в сфере культурно-политического созидания, но и в области улучшения собственного писательского положения.

В основе разнообразных жизнестроительных практик Гребенщикова, объединяющих обе эти прагматические сферы, лежал персональный миф о «писателе из народа», подлежащий реконструкции на основе его разноплановых манифестаций (как дискурсивных, так и поведенческих)⁶⁴.

В работах московско-тартуских семиотиков рассматривалась, в первую очередь, реализация в повседневной практике литературных образцов, причем предполагалось, что реципиент ориентируется на одну стабильную модель. Впоследствии эти методологические принципы были дополнены и развиты. И. Паперно, изучая механизмы трансформации человеческого опыта в литературный текст, обратилась также к другой стороне этого процесса: к роли психологических механизмов и конкретного человека в формировании литературных текстов, культурных моделей и культурных кодов» 65. А.Л. Зорин предложил наряду со стабильными литературными моделями «для подражания» выделить «ситуативную» поэтику «литературного» поведения (которая, «[н]е навязывая единой, сквозной роли, <...> подсказывает рецепты эмоционального и практического освоения тех или иных житейских обстоя-

числяют, помимо Ахматовой, Блока, Маяковского, Северянина (Жолковский А.К. ПЕСНИ ЖЕСТЫ МУЖСКОЕ ЖЕНСКОЕ. О поэтической прагматике Анны Ахматовой // Жолковский А.К. Поэтика за чайным столом и другие разборы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 219). Думается, что рассуждения ученых могут быть экстраполированы и на Гребенщикова (в чьем наследии поэзия занимает сравнительно небольшое место) в силу безусловного наличия устойчивых риторических и поведенческих поз, имевших властноманипулятивный характер, о чем подробнее будет говориться ниже.

⁶⁴ Как отмечает М.В. Загидуллина, от исследователя, работающего с мифологизированными литературными феноменами, требуется «восхождение» от многообразных репрезентаций «к первооснове, мифу-базису, поиску этого базиса за масками его репрезентаций» (Загидуллина М.В. Мифы о литературных феноменах. К вопросу о методологии изучения. С. 25).

⁶⁵ Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. С. 7–8.

тельств») и рассматривать в повседневной практике одного и того же персонажа комбинации различных ситуативных моделей⁶⁶.

Эти идеи принципиально важны для нас, потому что, во-первых, жизнестроительная активность Гребенщикова предполагала последующую рецепцию; во-вторых, в его случае сочетались и стабильные, и ситуативные модели, более того эти модели лежали не только в области словесности. Поэтому при анализе жизнестроительных практик автора «Чураевых» нельзя ограничиться обсуждением реализации им тех или иных литературных моделей или поведенческих образцов авторов литературных текстов. Однако механизм жизнестроительства писателя с необходимостью предполагает рассмотрение в первую очередь процесса «олитературивания» быта.

Генерализуя идеи Б.М. Эйхенбаума и Ю.Н. Тынянова, Ю.М. Лотман определил литературный быт как «особые формы быта, человеческих отношений и поведения, порождаемые литературным процессом и составляющие один из его исторических контекстов» ⁶⁷. Эйхенбаум подчеркивал, что «<...> самый выбор литературно-бытового материала и принципы его включения должны определяться характером связей и соотношений, под знаком которых совершается литературная эволюция данного момента» ⁶⁸. Тынянов также настаивал на том, что «[л]итературный факт – разносоставен, и в этом смысле литература есть [не]прерывно эволюционирующий ряд» ⁶⁹. Однако в понимании ведущими теоретиками ОПОЯЗа «литературного быта» не наблюдалось единодушия. С.Н. Зенкин справедливо определяет объяснительные модели Эйхенбаума и Тынянова как, соответственно, «социологический и семи-

⁶⁶ Зорин А. Новые аспекты старых проблем // Вопросы литературы. 1985. № 7. С. 217. Развитие этого подхода см. в: Зорин А.Л. Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

⁶⁷ Лотман Ю.М. Литературный быт // Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 194. О.А. Проскурин закономерно характеризует это определение как «[н]аиболее удобное для использования» (Проскурин О.А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. С. 11).

⁶⁸ Эйхенбаум Б.М. Литературный быт // Эйхенбаум Б.М. Мой временник. Маршрут в бессмертие. М.: Аграф, 2001. С. 56.

 $^{^{69}}$ Тынянов Ю.Н. Литературный факт // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 270.

отический подходы к культуре»⁷⁰. Мы постарались соединить эти два подхода⁷¹, понимая, в зависимости от контекста, литературный быт как: 1) институциональное окружение литературного творчества, ставшее в интересующем нас случае неотделимым от собственно литературы; 2) результат экспансии литературы во внетекстовую реальность, т.е. организации ее по законам художественного текста, в силу чего факты, подвергаясь текстуализации (или — шире — символизации), перестают принадлежать сфере повседневности. Жизнестроительство в этой перспективе выступает как механизм тотальной символизации быта.

Актуальность работы, помимо указанного отсутствия полноценного исследования жизнестроительства Гребенщикова, определяется напряженным вниманием современной филологической науки к жизнестроительным стратегиям как целых литературных направлений (модернизм⁷², авангард⁷³), так и конкретных литераторов (И.А. Бунин⁷⁴, А.А. Ахматова⁷⁵). Отдельное

⁷⁰ Зенкин С. Открытие «быта» русскими формалистами // Зенкин С. Работы о теории: Статьи. С. 323. Исследователь, предложивший теоретическую реконструкцию термина «литературный быт», делает акцент на том, что «[к]аждый из двух подходов сулит свои удачи и порождает свои проблемы; русские формалисты были одними из первых, кто резко поставил вопрос об их несходстве и, возможно, взаимодополнительности» (Там же). Ср. замечание Я.С. Левченко, подчеркивающего актуальность теории литературного быта, связанную, по мнению учёного, с «вызывающей незавершенност[ью]» и «обили[ем] межеумочных, мерцающих интуиций», отличающими концепцию Эйхенбаума (Левченко Я.С. Другая наука: Русские формалисты в поисках биографии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 179).

⁷¹ Ср. подход Проскурина, понимающего под литературным бытом «не столько форм[у] воздействия социума на литературу [точка зрения Эйхенбаума. — А.Г.] и даже не столько вспомогательный фактор литературной эволюции [методология Тынянова. — А.Г.], сколько канал, через который сама литература воздействует на соседние (а опосредованно — и на более отдаленные) "ряды" или "социальные практики": культуру, политику, формы социальной жизни» (Проскурин О.А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. С. 16).

⁷² Иоффе Д. Жизнетворчество русского модернизма sub specie semioticae. Историографические заметки к вопросу типологической реконструкции системы «жизнь – текст»; Хуттунен Т. Имажинист Мариенгоф: Денди. Монтаж. Циники. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

⁷³ Гройс Б.Е. Утопия и обмен. М.: ЗНАК, 1993.

⁷⁴ Анисимов К.В. «Грамматика любви» И.А. Бунина: текст, контекст, смысл. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015.

 $^{^{75}}$ Кроме целой серии статей А.К. Жолковского, отметим работу: Богомолов Н.А. Этюд об ахматовском жизнетворчестве // Богомолов Н.А. От Пушкина до Кибирова: Статьи о рус-

внимание исследователей обращено на писателей-самоучек, выходцев «из крестьян» или тех, кто использует подобные автохарактеристики в целях мифотворческой самопрезентации⁷⁶. В этом смысле недостаточно изученная фигура Г.Д. Гребенщикова представляется максимально репрезентативной, поскольку являет собой уникальный случай реализации масштабного жизнестроительного проекта выходцем из социальных низов.

Объектом исследования является жизнетекст Г.Д. Гребенщикова.

Предмет исследования – генезис жизнестроительных практик Гребенщикова; автомифотворчество писателя; сумма интертекстуальных связей, придающих жизнетексту Гребенщикова палимпсестную многомерность; функции текстуализации быта.

Материал диссертации составляют роман «Чураевы»; пьесы «Сын народа», «Джаксы джигит»; рассказы «В бору», «Двое»; историко-публицистическая книга «Моя Сибирь»; публицистические книги «Гонец. Письма с Помперага», «Радонега», а также репрезентативные публицистические статьи, очерки и публичные лекции, манифестирующие жизнестроительные установки, религиозно-философские взгляды и утопическую программу автора: «Перед судом фарисеев», «Кто есть мы», «Русский жемчуг», «Толкай телегу к звёздам!», «Русские в далеком Уругвае», «Что такое Чураевка», «План по Чураевке», «О красоте», «Страна великого будущего»; эпистолярий писателя, в частности, переписка с М. Горьким, И.А. Буниным, В.Г. Короленко, Е.А. Ляцким и другими литераторами; мемуарные свидетельства о писателе и принципиально важные примеры рецепции его творчества и жизнетекста: свидетельства жителей Чураевки (П. фон Берга, В. Чистякова, Т. Чистяковой), письма П.Н. Краснова, А. Ачаира; стихотворения М. Доро-

ской литературе, преимущественно о поэзии. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 323–332.

⁷⁶ Магомедова Д.М. «Я один... и разбитое зеркало...»: литературные маски Сергея Есенина (Статья первая); Магомедова Д.М. «Я один... и разбитое зеркало...»: Литературные маски Сергея Есенина (Статья вторая) [Электронный ресурс] // Новый филологический вестник. 2006. № 2. Режим доступа: http://slovorggu.ru/nfv2006_1_2_pdf/07Magomedova.pdf (дата обращения: 25.11.2015); Разувалова А. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов. С. 85 и сл.

жинской, А. Ли, Л. Тульпы и др., посвященные Гребенщикову и деревне Чураевка; иконографические материалы литературных юбилеев Гребенщикова.

Целью диссертационной работы является комплексное изучение литературных сюжетов, риторических и поведенческих сценариев и стратегий Г.Д. Гребенщикова, их значения и механизмов реализации в социально-культурном контексте первой половины XX века.

Данная цель предполагает следующие задачи.

- 1. Определить теоретические рамки понятия «жизнестроительство».
- 2. Изучить этапы формирования биографического нарратива о писателе «из народа», его поэтологические особенности и прагматические функции.
- 3. Проанализировать способы социально-культурной автолегитимации и автоканонизации Гребенщикова через разноплановые (творческие и биографические) самопроекции на классиков сибирского областничества и отечественной литературы XIX начала XX вв.
- 4. Описать стратегию формирования образа писателя-«изгоя» в эмигрантский период творчества Гребенщикова.
- 5. На материале художественных, публицистических, эпистолярных текстов и поведенческих жестов Гребенщикова выявить генезис жизнестроительного сценария «Отец и сын» и его место в мессианском дискурсе писателя.
- 6. Исследовать принципы взаимодействия художественного текста писателя (роман «Чураевы») и центральной манифестации его жизнетекста «русской деревни» Чураевка, основанной Гребенщиковым в США.
- 7. Выявить интертекстуальные аспекты и палимпсестную природу Чураевки как семиотизированного локуса.

Научная новизна работы состоит в следующем:

1) впервые комплексно и системно рассмотрены литературные и поведенческие репрезентации жизнестроительных стратегий и сценариев Г.Д. Гребенщикова;

- 2) описаны способы создания и функционирования персонального гребенщиковского мифа о писателе «из народа», конституирующей особенностью которого стала негативная самоидентификация;
- 3) изучен процесс литературной автоканонизации Гребенщикова, важнейшими способами которой стали концептуализация собственной версии канона и конструирование топики наследования центральным фигурам национального литературного пантеона А.С. Пушкину и Л.Н. Толстому;
- 4) введен в научный оборот и рассмотрен в связи с инвариантными стратегиями жизнестроительства писателя ряд архивных документов, хранящихся в основном фонде и фонде Г.Д. Гребенщикова Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтая (г. Барнаул);
- 5) на материале автопроекций на фигуры Овидия, Сергия Радонежского, А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, Г.Н. Потанина выявлены ключевые интертексты, определившие модернистскую природу и палимпсестный характер жизнетекста Г.Д. Гребенщикова;
- 6) на примере проекций на топоним Чураевка одноименного романного локуса, скита Сергия Радонежского, толстовской Ясной Поляны исследована специфика текстуализации реальности в жизнестроительной практике Г.Д. Гребенщикова.

Степень достоверности результатов проведённого исследования. Достоверность результатов исследования обеспечивается прежде всего репрезентативностью эмпирического материала, полученного, в частности, в результате архивной работы: к исследованию были привлечены около 30 единиц хранения Государственного музея истории, литературы и культуры Алтая (г. Барнаул). Материал диссертации составляют роман «Чураевы», пьесы Г.Д. Гребенщикова, его публицистические книги и статьи, очерки, публичные лекции, эпистолярий писателя, мемуарные свидетельства о нем, материалы, посвященные Гребенщикову и деревне Чураевка. Кроме того, убедительной является широта использованных методов, что в целом свиде-

тельствует о достоверности результатов, полученных в диссертационном исследовании.

Методология исследования сочетает в себе различные аналитические стратегии, которые используются в зависимости от специфики решаемой задачи. Теоретический фундамент работы составляют труды по изучению механизмов жизнестроительства, созданные представителями структурносемиотического подхода (Ю.М. Лотман, З.Г. Минц, И.А. Паперно) и Л.Я. Гинзбург, а также ученых, развивающих и уточняющих традиции московскотартуской школы (А.Л. Зорин, В.М. Живов, А.К. Жолковский, К. Эконен). Включение в теоретический аппарат работы таких понятий, как «литературная биография» и «литературный быт» обусловило внимание к соответствующим работам отечественной «формальной школы» (Б.М. Эйхенбаум, Ю.Н. Тынянов) и современных ученых, продолжающих эту исследовательскую парадигму (О.А. Проскурин, С.Н. Зенкин). Автомифотворческая активность Гребенщикова обусловила обращение к теоретико-методологическому арсеналу исследований персональных литературных мифологий (К.М. Азадовский, Д.М. Магомедова, М.В. Загидуллина, К.В. Анисимов), феномена литературного канона (Дж. Брукс, М. Гронас, Б.В. Дубин, С.Н. Зенкин), социологии литературы (П. Бурдьё, Б.В. Дубин, Л.Д. Гудков, А.И. Рейтблат), а также взаимодействия литературы и идеологии (В.М. Живов, А.Л. Зорин, А.И. Разувалова). Привлечение к анализу внелитературных способов репрезентации жизнестроительных сценариев Гребенщикова сделало актуальным обращение к работам Р. Уортмана. При исследовании поэтики художественных текстов Гребенщикова были задействованы труды гребенщиковедов (Б.А. Чмыхало, К.В. Анисимов, Т.Г. Черняева, Н.В. Серебренников, А.П. Казаркин, С.С. Царегородцева).

Теоретическая значимость работы определяется созданием целостной картины жизнетекста Гребенщикова, исследовательским ракурсом, демонстрирующим взаимообусловленность литературных и экстралитературных репрезентаций важнейших жизнестроительных стратегий писателя, а также

включением уникального жизнестроительного проекта выходца из социальных низов в широкий социально-культурный контекст не только сибирского и столичного литературных полей начала XX века, но и литературы диаспоры.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в научно-педагогической работе при чтении курсов по истории русской литературы первой половины XX века, в специальных курсах по проблемам литературы Сибири и литературы русской эмиграции, а также в эдиционной практике.

Апробация работы. Результаты неоднократно обсуждались на кафедре мировой литературы и методики ее преподавания Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (2013–2015 гг.). Основные положения работы были представлены на конференциях различного уровня: Международной научно-практической конференции, посвященной 210-летию В.И. Даля (Красноярск, КГПУ, 2011 г.); Всероссийской конференции с международным участием «Творчество В.П. Астафьева в контексте мировой культуры» (Красноярск, КГПУ, 2012 г.); XIII, XIV Красноярских краевых образовательных Рождественских чтениях (Красноярск, КГПУ, 2013, 2014 гг.); Всероссийской конференции «Филология в XXI веке. Взгляд молодых» (Москва, МПГУ, 2014 г.); Международной научно-практической конференции молодых исследователей «Язык, дискурс, (интер)культура» (Красноярск, СФУ, 2015 г.); Шестой Международной научно-практической конференции «Алтайский текст в русской культуре» (Барнаул, АлтГУ, 2015 г.); Международном научном семинаре «Русский традиционализм: история, идеология, поэтика, литературная рефлексия» (Красноярск, СФУ, 2015 г.); III (XVII) Международной научно-практической конференции молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (Томск, НИ ТГУ, 2016 г.).

По теме исследования опубликовано 7 статей, из них -4 в научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов кандидатских и докторских диссертационных исследований.

Положения, выносимые на защиту:

- 1. Литературная биография Гребенщикова строилась вокруг персонального мифа о писателе «из народа», сконструированного с помощью дискурсивного механизма «негативной идентификации» (Л.Д. Гудков). Идеологема «врага», появляющаяся в самых ранних текстах Гребенщикова, реактуализировалась затем на протяжении всей его полувековой литературной карьеры.
- 2. Автоканонизация Гребенщикова осуществлялась в несколько этапов: от конструирования топики родственного наследования Г.Н. Потанину, поддержавшему начинающего литератора, к попыткам сформулировать собственную версию пантеона национальной словесности, риторически раздвигая его рамки для внесения в него своего имени на правах ученика и последователя.
- 3. Последняя книга Гребенщикова «Егоркина жизнь» стала ключевым этапом конструирования мифо-биографического нарратива. Изначально задуманная как «крестьянская автобиография», близкая к областническому роману, книга в конечном итоге синтезировала автобиографические и агиографические элементы, придав литературной биографии Гребенщикова отчетливый житийный оттенок.
- 4. В структуре жизнетекста писателя с разной степенью эксплицированности реализовались разнородные проекции на чужие биографические и художественные тексты (Овидия, Сергия Радонежского, А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, Г.Н. Потанина) и собственный роман «Чураевы», сообщив ему интертекстуальную многомерность и палимпсестный характер.
- 5. Деревня Чураевка, основанная Гребенщиковым в американском штате Коннектикут, с помощью символизации быта стала функционировать как сложно организованный текст.

Структура работы обусловлена заявленной темой, поставленными целью и задачами и состоит из введения, 3 глав, заключения, списка использованных источников и литературы, включающего 288 наименований. В первой главе реконструируется процесс создания Гребенщиковым собственной литературной биографии, основанной на персональном мифе о писателе «из народа». Вторая глава посвящена изучению формирования мессианского дискурса жизнестроительства писателя и его ключевых репрезентаций, лежащих как в сугубо дискурсивной сфере, так и в области поведенческих текстов. В центре третьей главы находится анализ механизмов символизации быта в процессе реализации Гребенщиковым ретроутопического проекта в американской деревне Чураевка.

Глава 1. Формирование литературной биографии Г.Д. Гребенщикова

Феномен жизнестроительства появляется в эпоху модерна. В традиционной, домодерной культуре жизнестроительный проект не может быть осуществлен⁷⁷. Возможность воплощения той или иной жизнестроительной стратегии предполагает наличие выбора из имеющегося «репертуара» жизненных сценариев, чего нет в традиционном обществе, члены которого реализуют строго заданный и почти не подвергающийся видоизменению набор вариантов биографии.

Хотя, строго говоря, Гребенщиков не принадлежал к крестьянскому сословию (его отец был горнорабочим, совмещавшим эту деятельность с крестьянским трудом)⁷⁸, он регулярно идентифицировал себя как крестьянина⁷⁹. В 1915 г. в письме Л. Клейнборту писатель нашел вполне эзотерическую⁸⁰ и принципиально неверифицируемую формулу, позволившую удачно разре-

⁷⁷ Определенное исключение в этом смысле составляет феномен святости. С точки зрения Ю.М. Лотмана, святой реализует «трудную и необычную» норму, выбранную волевым решением, и потому имеет «право на биографию» (Лотман Ю.М. Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) // Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб.: «Искусство-СПБ», 1997. С. 805).

⁷⁸ Ср. в повести «Егоркина жизнь»: «В крестьянском сословии Митрий не состоял. По паспорту он пишется — обыватель рудника Николаевского» (6, 22).

⁷⁹ Ср., однако, принципиально иную социальную самоидентификацию в «Автобиографической заметке 1922 года»: «[Н]есмотря на свое пролетарское происхождение, я всей душой презираю ложь и хамство» (Гребенщиков Г.Д. Собрание сочинений: В 6 т. / сост., подг. текста, вступ. ст. Т.Г. Черняевой. Барнаул: Издательский Дом «Барнаул», 2013. Т. 3. С. 442. Далее ссылки на это издание даются в тексте в круглых скобках). Вероятнее всего, эта автохарактеристика обусловлена двумя взаимосвязанными причинами: во-первых, примером «пролетарского писателя» М. Горького, с которым Гребенщиков в 1922 г. еще продолжал эпистолярное общение; во-вторых, желанием автора «Чураевых» вернуться на родину, которую он покинул двумя годами ранее. Гребенщиков не мог не понимать, что «[с]амая желанная классовая идентичность в нэповской России — пролетарская» (Фицпатрик Ш. Срывайте маски!: Идентичность и самозванство в России XX века / Пер. с англ. Л.Ю. Пантиной. М.: РОССПЭН, 2011. С. 66). Показательно, что впоследствии писатель не возвращался к теме своего «пролетарского» происхождения.

⁸⁰ Об эзотеризме, присущем рассуждениям о «народе» и «народности» (прежде всего в национал-патриотических кругах), см.: Богданов К.А. В поисках народности: свое как чужое // Богданов К.А. О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 105–145.

шить это затруднение: «Собственно, отец крестьянин по духу, по положению он – горнорабочий» 81 .

В силу этого обстоятельства жизнестроительство Г.Д. Гребенщикова интересно уже тем, что его субъектом является выходец из социальных низов, имеющий отношение к наиболее демодернизированному сословию. По словам Ю.М. Лотмана, «[в] крестьянском быту поведение менялось в зависимости от календаря и цикла сельскохозяйственных работ. В результате этого тип поведения в меньшей степени сохранял индивидуальность, традиция и коллективность играли в крестьянском поведении гораздо большую роль. Дворянский образ жизни подразумевал постоянную возможность выбора. <...> крестьянин практиковать "некрестьянское" поведение не имел физической возможности»⁸². Гребенщиков же, последовательно создававший образ писателя-крестьянина, строил свою жизнь по моделям, которые еще в XIX в. были исключительно «дворянскими».

Однако уже в 1860-е гг. движение дворян и разночинной интеллигенции «в народ» совпадает с попытками встречного перемещения крестьян в ряды интеллигенции⁸³. «В 1860-х гг., в ситуации социальных реформ и бурного общественного движения, престиж литературной профессии резко вырос»⁸⁴. Позднее, в 80–90-е гг., «представление о писательстве стало неопределенным – поскольку каждый мог стать писателем»⁸⁵. На рубеже XIX–XX вв. «[г]раница литературного сообщества становится легко проницаемой», в кре-

 $^{^{81}}$ Гребенщиков Г.Д. Письма (1907–1917). Книга вторая. С. 33.

⁸² Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). С. 189.

⁸³ Два ключевых сюжета, иллюстрирующих первый вектор этого процесса, — «уходы» поэта-символиста Александра Добролюбова (1898 г.), основавшего секту добролюбовцев, и Л.Н. Толстого (1910 г.). Специально о Добролюбове см.: Азадовский К.М. Путь Александра Добролюбова // Учёные записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 459. Творчество А.А. Блока и русская культура XX века. Блоковский сб. III. Тарту, 1979. С. 121–146; Эткинд А. Хлыст: Секты, литература и революция. Изд. 2-е, сокр. М., 2013. С. 246–263.

⁸⁴ А.И. Рейтблат А.И. «Роман литературного краха» в русской литературе конца XIX – начала XX века // Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 325.

⁸⁵ Эйхенбаум Б.М. Писательский облик М. Горького // Эйхенбаум Б.М. Мой временник. Маршрут в бессмертие. М.: Аграф, 2001. С. 114.

стьянской среде меняется отношение к чтению («из экстраординарного явления ста[вшему] достаточно обыденным явлением» в (премительно растет число литераторов в частности, число писателей-крестьян) Одним из любопытных симптомов этого процесса встречи дворян, идущих «в народ», и крестьян, стремящихся занять традиционно «дворянское» писательское место, стало появление соответствующих литературных псевдонимов на раннем этапе подобные псевдонимы («Крестьянин», «Крестьянин Г-щ») использовал и Гребенщиков .

В период последней трети XIX – первой трети XX века этим немногочисленным крестьянским литераторам-самоучкам удается пробиться в литературу путем попадания на страницы периодических изданий. Имена «новокрестьянских поэтов» (Н. Клюева, С. Есенина, С. Клычкова и др.), И. Касаткина, С. Подъячева, А. Чапыгина оказываются в поле читательского внима-

⁸⁶ Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту: Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX века // Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. С. 144–145. Об идеологической специфике «низовой» словесности, активно создававшейся в период между 1861 и 1917 гг., см.: Brooks J. When Russia Learned to Read. Literacy and Popular Literature, 1861–1917. Princeton: Princeton University Press, 1988.

⁸⁷ Рейтблат А.И. Русская литература как социальный институт // Рейтблат А.И. Писать поперек: Статьи по биографике, социологии и истории литературы. С. 29.

⁸⁸ Однако, даже при всех этих парадигмальных сдвигах, не следует преувеличивать степень активности крестьян в поле культуры, поскольку эта активность достаточно быстро стала предметом регуляции со стороны власти, вследствие чего и в начале XX в. «мифологема отсталости ограничивала крестьян в возможностях действовать и реагировать на действия других» (Коцонис Я. Как крестьян делали отсталыми: Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России 1861–1914 / Авторизов. пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 279).

⁸⁹ И.Ф. Масанов приводит 20 псевдонимов, содержащих слово «крестьянин». См.: Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. Т. 4. Новые дополнения к алфавитному указателю псевдонимов. Алфавитный указатель авторов. М.: Издательство Всесоюзной книжной палаты, 1960. С. 79.

⁹⁰ Масанов приводит два псевдонима автора «Егоркиной жизни» – «Гр-ков» и «Сибиряк» (Там же. С. 144). Ср. любопытное заявление, сделанное Гребенщиковым в позднейшем наброске «О писателе, редакторе и читателе» (архивная опись датирует этот документ 1940–1950-ми годами, однако содержащаяся в нем фраза относительно сотрудничества в «Новом русском слове» на протяжении 28 лет, «со дня приезда в Америку», позволяет отнести его создание к 1952 г.) о том, что «всюду, где бы я ни печатался», своих книг и статей «никогда неподписывал [sic! – А.Г.] псевдонимами» (ГМИЛИКА. ОФ. Ед. хр. 56739/149. Л. 3).

ния. Поэтому ситуация Гребенщикова — попадание «из крестьян» в литературу — сама по себе не была исключительной для культурного контекста эпохи. Однако его жизнестроительный проект в целом, как мы постараемся показать, представляется уникальным даже в изменившейся социально-культурной обстановке.

Важная особенность подобного рода литераторов-самоучек рубежа веков, по проницательному наблюдению А.И. Рейтблата, состояла в том, что они «обычно писали и публиковали автобиографии. Исследователь объясняет склонность таких писателей создавать автобиографические тексты тем, что «[в]ыдающиеся люди с удачной судьбой чрезвычайно редко пишут мемуары; обычно берутся за перо те из них, кто считает себя ущемленным, недооцененным. Оказавшись не у дел, они стремятся обелить себя, прояснить мотивы своих поступков, описать совершенную по отношению к ним несправедливость»⁹¹. Случай Гребенщикова четко вписывается в отмеченную исследователем закономерность. Гребенщиков периодически прибегал к «переписыванию» и реинтерпретации отдельных мотивов и сюжетов автобиографического нарратива, ища на протяжении всей своей полувековой литературной карьеры (середина 1900 – середина 1950-х гг.) оптимальную версию персонального мифа, во многом для того, чтобы переосмыслить собственное место как литератора, культуртрегера и практического деятеля. Наиболее подходящим полем для таких нарративных операций стал массив «автобиографических» текстов (к собственно «автобиографическим» здесь примыкают эпистолярные и художественные тексты, содержащие авторскую версию тех или иных событий его биографии) Гребенщикова.

Совокупность способов создания персонального мифа как основы собственной литературной биографии, в той или иной степени отличающейся от биографии реальной, формирует стратегию автомифотворчества, рассматриваемую нами, как уже говорилось во введении, в качестве важнейшей жизне-

⁹¹ Рейтблат А.И. Биографируемый и его биограф (к постановке проблемы) // Рейтблат А.И. Писать поперек: Статьи по биографике, социологии и истории литературы. С. 188.

строительной практики, подчиненной по преимуществу задаче укрепления позиций в поле литературы.

1.1. Создание персонального мифа о писателе «из народа»

Литературная деятельность Гребенщикова начинается в середине девятисотых годов, в период расцвета самых разнообразных жизнестроительных практик. В самом начале века умерли два философа, давшие, пожалуй, наиболее значительный импульс формированию утопических и жизнестроительных практик первой его половины – В.С. Соловьев и Н.Ф. Федоров. Синтез утопического дискурса с жизнестроительными жестами был, как известно, характерен прежде всего для модернистской культуры – авторы утопий зачастую пытались реализовать их в собственной поведенческой практике. Так, например, А.А. Блок сделал из своего брака софиологический союз с Прекрасной Дамой, а брак З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского, как убедительно показала О. Матич, был выстроен по модели, предложенной Н.Г. Чернышевским в романе «Что делать» 92. Безусловно, жизнестроительство начала века отнюдь не исчерпывалось сферой эротической утопии 93.

Помимо групповых и «кружковых» проектов, в первые десятилетия XX в. появляются и многочисленные примеры индивидуального жизнестроительства⁹⁴, к которым принадлежит и случай Г.Д. Гребенщикова, с самого начала своей писательской деятельности работавшего над формированием персонального мифа о писателе «из народа»⁹⁵. Общие контуры этого мифо-

 $^{^{92}}$ Об этих жизнестроительных проектах см.: Матич О. Эротическая утопия: Новое религиозное сознание и fin de siecle в России / Авторизов. пер. с англ. Е. Островской. М.: Новое литературное обозрение, 2008. Об экспериментах с традиционн

⁹³ Достаточно вспомнить «сам[ый] знаменит[ый] жизнетворческ[ий] проект символизма» (Там же. С. 102) – кружок «аргонавтов». Об «аргонавтах» см.: Лавров А.В. Мифотворчество «аргонавтов» // Миф – фольклор – литература. Л.: Наука, 1978. С. 137–170.

⁹⁴ В качестве контекстуально и типологически близких можно привести автомифотворческие стратегии Н. Клюева и С. Есенина.

⁹⁵ Примечательно, что Гребенщиков, в отличие от Клюева и Есенина, ограничивался риторическими средствами, никак не используя соответствующий костюм в качестве инструмента презентации собственного «крестьянского» мифа. Множество сохранившихся

биографического нарратива таковы: выходец из крестьян, влюбившись в литературу, становится писателем. На этом пути он вынужден преодолевать как естественные (рождение в бедной семье в «глухой» провинции), так и искусственные («козни» литераторов-интеллигентов) трудности. Сквозь все эти препоны писатель-«крестьянин» движется из провинциальной «тьмы» к «свету» столичной культуры, чтобы затем вернуться и осветить для других, томящихся во «мраке» и невежестве путь, уже пройденный им. Центральная прагматическая задача этого нарратива состояла в том, чтобы обосновать претензии Гребенщикова на особую позицию в поле литературы как носителя уникального «народного» опыта. «[В]се те, кто знает от каких корней народа я пришел – знают какой тяжкий груз я на плечах своих принес в литературу» ⁹⁶.

Гребенщиков оставил большое количество сведений о себе в художественных, мемуарных, публицистических и эпистолярных текстах. Однако их обилие едва ли облегчает исследовательскую задачу. Повторим: в случае Гребенщикова едва ли возможно говорить об объективности автобиографических сведений, в разное время сообщаемых писателем о себе⁹⁷, поскольку он активно мифологизировал собственную биографию, сообщая разным адресатам различные сведения.

Далее мы рассмотрим механизмы конструирования Гребенщиковым собственного мифо-биографического нарратива и породившие его причины, исходя из того, что Гребенщиков выступает собственным пристрастным биографом. По замечанию А.И. Рейтблата, «после книг П. Рикёра, П. Уайта и ряда других исследователей нарративных структур исторического дискурса, а также работ, специально посвященных биографическому жанру, нельзя уже

фотографий фиксирует подчеркнуто «городской» костюм писателя (брюки, пиджак, жилет, сорочка, галстук, шляпа).

⁹⁶ ГМИЛИКА. ОФ. Ед. хр. 699/2. Л. 3.

 $^{^{97}}$ О «достоверности» автобиографических сведений Гребенщикова нельзя говорить даже с учетом априорной «субъективности» автобиографии, постулированной еще в работе Г.О. Винокура: Винокур Г.О. Биография и культура. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Издательство ЛКИ, 2007.

сомневаться в том, что биографию как текстуальную конструкцию создает не персонаж, а биограф»⁹⁸. Н. Арлаускайте пишет о том, что «[c] точки зрения литературы проблематичным является разделение перволичных текстов на условно аутентичную автобиографию и фиктивную, игровую автобиографию, существенное при изучении литературных текстов, использующих форму автобиографического письма»⁹⁹. Это положение также принципиально важно при изучении гребенщиковских опытов конструирования собственной биографии.

Как уже говорилось во введении, круг проблем, связанных с созданием писательской мифологии, затрагивался в ряде работ Т.Г. Черняевой. Наблюдения, сделанные исследовательницей, могут быть дополнены и расширены, поскольку, во-первых, она рассматривает исключительно сибирский период творчества Г.Д. Гребенщикова, однако автомифотворческий процесс не прекращался и в эмиграции. Во-вторых, в работах Черняевой на первый план выходит точное и скрупулезное изложение биографических фактов, но меньше внимания уделено концептуализации приведенного в изобилии материала. В-третьих, мы не можем согласиться с тем, что в письме критику Клейнборту 1915 г. Гребенщиков «начинает создавать "миф" о рождении писателя из крестьян». В упомянутом письме содержится сюжетно проработанный нарратив, но процесс конструирования мифа был начат десятилетием раньше в стихотворении «Моя отчизна» (1906), в котором уже появляются отдельные мотивы, ставшие впоследствии инвариантными.

Во многих сюжетах сибирского периода творчества Гребенщикова герой-протагонист находится в ситуации кризиса идентичности: «оторвавшись» от крестьянства, став для него «чужим», он в то же время не становит-

⁹⁸ Рейтблат А.И. Биографируемый и его биограф (к постановке проблемы). С. 180.

⁹⁹ Арлаускайте Н. Поэтика частного пространства Марины Цветаевой: пространство неповседневности [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2004. №. 68. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nlo/2004/68/arl7.html (дата обращения: 26.12.2015).

ся «своим» для дворян-литераторов 100. Такое промежуточное положение, естественное в ситуации Гребенщикова, было связано с тем, что выходец из социальных низов, активно конструировавший «крестьянскую» идентичность, одновременно с этим самим фактом писательской, журналистской, этнографической деятельности выводил себя за пределы народа, поскольку в русской культуре традиционно «[н]арод не мог писать по определению: тот, кто писал, переставал быть народом» 101 . Однако, как отмечалось выше, к моменту начала литературной деятельности Гребенщикова эта традиционная парадигма претерпела серьезные изменения. Используя удачное определение А.Я. Гуревича, данное им применительно к европейской средневековой ситуации, можно сказать, что народ, который примерно до 1860-х в. являлся в России «безмолвствующим большинством», к началу XX в. окончательно обрел «голос» и стал оказывать (в первую очередь – силами сравнительно немногочисленных литераторов «из народа», апроприировавших право выступать от его имени, артикулируя его нужды, страдания и т.д.¹⁰²) дискурсивное влияние на культурную элиту, вышедшее за рамки экзотической при-

 $^{^{100}}$ Ср.: Черняева Т.Г. Начало творческой биографии Г.Д. Гребенщикова. С. 43; Черняева Т.Г. Творчество Г.Д. Гребенщикова: сибирский период. С. 11–13.

¹⁰¹ Эткинд А. Эткинд А. Хлыст: Секты, литература и революция. С. 6.

¹⁰² Отношение литературной элиты начала XX столетия к таким литераторам можно, несколько схематизируя, описать следующим образом. Часть модернистов (А.А. Блок, С.М. Городецкий и др.) подпали под обаяние «народных» писателей (см.: Азадовский К.М. Николай Клюев – творец и мифотворец // Азадовский К.М. «Гагарья судьбина» Николая Клюева. СПб.: Инапресс, 2004. С. 13 и сл.; Эткинд А. Хлыст: Секты, литература и революция). Скептическое отношение другой части модернистской элиты к феномену писателя «из народа», пожалуй, наиболее отчетливо сформулировано в письме В.Ф. Ходасевича, адресованном «новокрестьянскому» поэту Александру Ширяевцу (от 19 декабря 1916 г.): «Что Вы "писатель из народа" – от этого мне ни тепло, ни холодно. Биографию писателя иногда нужно знать, чтобы правильно толковать [здесь и далее все выделения в цитатах, кроме особо оговоренных случаев, принадлежат цитируемым авторам. – А.Г.] его произведения. Но в оценке их (эстетической) она не играет никакой роли. Стихи бывают хороши или плохи сами по себе, безотносительно к тому, кто, когда и при каких обстоятельствах их сложил. <...> Писатель из народа – человек, из народа ушедший, а писателем еще не ставший. Думаю – для него два пути: один – обратно в народ, без всяких поползновений к писательству; другой – в писатели просто. Третьего пути нет» (Александр Ширяевец. Из переписки 1912–1917 гг. // Публ., подг. текста, предисл. и примеч. Ю.Б. Орлицкого, Б.С. Соколова, С.И. Субботина // de visu. 1993. № 3 (4). С. 30–31).

влекательности Другого, которым он традиционно являлся для интеллигенции и интеллектуалов 103 .

Гребенщиковская литературная стратегия раннего периода отчетливо представлена в письме, которое начинающий автор, оказавшись в Петербурге, отправил 19 октября 1912 г. авторитетному петербургскому литератору Ф.Ф. Фидлеру. В этом письме Гребенщиков подчеркивает свое «незнакомство» со столичным литературным этикетом, призванное заранее объяснить возможные нарушения принятых конвенций. «Только что приехав в Петерб<ург>, я не знаю ваших здешних порядков и обращаюсь к Вам письменно» 104. Учитывая, что целью Гребенщикова было «вхождение» в эту столичную среду 105, можно сказать, что позиция «наивного», начинающего провинциального писателя обеспечивала успешность установления коммуникации с ее представителями. Но для реализации этой же цели Гребенщиков использует и другой прием — он наделяет себя уникальными полномочиями, используя следующую автохарактеристику: «Я Литератор-Сибиряк 106 и хотел бы принять участие в чествовании Мамина-Сибиряка 26 октября от имени молодой сибирской литературы» 107. Безусловно, такая метонимическая самопре-

 $^{^{103}}$ См.: Эткинд А. Хлыст: Секты, литература и революция. С. 61.

¹⁰⁴ РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. Ед. хр. 256. Л. 1.

¹⁰⁵ На пути к этой цели писатель зачастую проявлял навязчивость. Например, в письме Иванчину-Писареву от 17 марта 1910 г. он заявлял: «И хотя Вы теперь будете относиться ко мне еще строже, я все-таки попробую прислать Вам кое-что еще, чтобы не сразу порывать с "Сибирскими вопросами", которые я привык считать и родным, и близким журналом» (Гребенщиков Г.Д. Письма (1907–1917). Книга вторая. С. 13). Другие подобные примеры см., в частности: Там же. С. 10, 14, 16, 17, 27. Впрочем, Гребенщиков отдавал себе отчет в этой навязчивости («Мы, провинциальные люди, иногда весьма наивны и назойливы»), риторически компенсируя и оправдывая ее «непосредственностью» переживания: «<...> но мы умеем искренно и непосредственно-горячо воспринимать то, что нас трогает. А это уже должно смягчать нашу вину» (Там же. С. 45).

¹⁰⁶ Заметим, что подобные графические выделения в целом характерны для манеры Гребенщикова, писавшего с прописных букв существительные со значением отвлеченного признака («Свобода», «Величие», «Радость» и т.д.). В данном случае, однако, такое написание создавало (вольную или невольную) языковую игру: Мамин-Сибиряк – «Литератор-Сибиряк».

¹⁰⁷ РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. Ед. хр. 256. Л. 1. Гребенщиков адресовался с этой просьбой именно к Фидлеру по причине того, что Мамин-Сибиряк был одним из наиболее близких Фидлеру людей. См.: Фидлер Ф.Ф. Из мира литераторов: Характеры и суждения. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 201.

зентация возникла неслучайно, ее можно объяснить высокими оценками, которые в разное время давали Гребенщикову старшие сибирские (от Г.Н. Потанина¹⁰⁸ до В.Я. Шишкова¹⁰⁹) и столичные (в первую очередь, М. Горький) литераторы. Понимая, что такая самоаттестация требовала подтверждения, Гребенщиков прилагает к письму «доказательства» своего писательского статуса¹¹⁰:

В удостоверение того, что я литератор (вероятно, Вам совершенно неизвестный) я позволяю себе приложить вырезку из "Дома Науки" и вырезку из "Обской жизни" с пометкой о предстоящем к выходу моем сборнике. Полагаю, что этого будет достаточно для моего права присутствовать на торжестве и приветствовать юбиляра¹¹¹.

Соблюдая этикет, на незнании которого он настаивал в начале письма, Гребенщиков оговаривает: «Приветствие мое займет не более 10 минут» 112. Содержащаяся в конце письма просьба вернуть посылаемые вырезки, которую можно объяснить нежеланием автора письма утратить материалы, представлявшие для него не только материальную (в качестве материала для последующих литературных занятий), но и символическую (вырезки как объективированное выражение культурного капитала и вместе с тем объект памяти) ценность. Но, помимо этого, здесь видится и другой мотив: вводя в текст письма эту просьбу, Гребенщиков ставит адресата перед необходимостью поддержать коммуникацию с начинающим писателем хотя бы для того, чтобы вернуть вырезки.

_

 $^{^{108}}$ См.: Черняева Т.Г. «Обнимаю Вас как преданный сын Ваш»: Георгий Гребенщиков и Григорий Николаевич Потанин. С. 12 и сл.

 $^{^{109}}$ Так, годом позже В.Я. Шишков назовет Гребенщикова «лучшим сибирским писателем» (РГАЛИ. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 15), а спустя три года даст последнему еще более лестную характеристику, сформированную, в частности, с помощью самоуничижения: «Я перед ним такая маленькая шафка [sic! - А.Г.], что ужасти. Сначала мне тоже все хотелось написать что-нибудь покрепче, по мере сил не отставать от Егорушки на много-то, а теперь вижу - нет, мало каши ел. Сижу, ем кашу и думаю, что выше лба не прыгнешь» (РГАЛИ. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 20).

¹¹⁰ Ср. самопрезентацию в конце первого письма В.Г. Короленко от 5 марта 1914 г. («Извините за нескромность – приложение двух печатных отзывов»; Гребенщиков Г.Д. Письма (1907–1917). Книга вторая. С. 31), усиленную ссылкой на знакомство с известными литераторами: «Из писателей меня хорошо знают: Горький, Миролюбов, Иванчин-Писарев и многие другие» (Там же. С. 30).

¹¹¹ РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. Ед. xp. 256. Л. 1.

¹¹² Там же.

Разнообразная самореклама оставалась частью писательской стратегии Гребенщикова и в эмиграции. Писатель неоднократно отправлял на родину «вырезки из газет со статьями о своем творчестве, программы лекций», а также изданные в разных странах книги и журналы со своими сочинениями¹¹³.

Примечательно, что позднее Гребенщиков резко высказывался об одном из подобных эпизодов, как бы игнорируя все последующие. 9 ноября 1945 г. он писал о. Иннокентию: «Случай с "саморекламой" где-то на станции близ Барнаула — звучит для меня позором, но я его не помню. Очевидно, пытался парень сам себя прославить. Бывает с глупыми авторами в молодости всякое. Очень стыжусь»¹¹⁴.

Как отмечает А.Л. Зорин, «идеология может существовать <...», если вокруг ее базовых метафор существует хотя бы минимальный консенсус» Случай Гребенщикова удачно подтверждает этот тезис. Миф о писателе «из народа» строился вокруг нескольких ключевых метафор, которые Гребенщиков настойчиво (ре)продуцировал, стараясь утвердить их в сознании реципиентов. Так, не удовлетворяясь статусом «сибирского литератора» Гребенщиков, одновременно с попытками закрепиться в литературном поле центра, периодически декларирует свою чуждость этой среде. При конструировании своей идентичности в этот период он активно прибегает к биологоорганицистской метафорике, описывая себя как растение, пересаженное в

¹¹³ Царегородцева С.С. Г.Д. Гребенщиков: Грани судьбы и творчества. Усть-Каменогорск: [Б.и.], 2003. С. 126. См. также: Суматохина Л.В. М. Горький и писатели Сибири. М.: ИН-ФРА-М, 2013. С. 36.

¹¹⁴ ГМИЛИКА. ОФ. 16754/1. Л. 1. Этот пассаж характерно диссонирует с содержащимся на этой же странице сетованием на невозможность рекламировать собственные книги, поскольку это «[н]еудобно, несолидно для профессора» (Там же).

¹¹⁵ Зорин А. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 27.

¹¹⁶ Подробнее об этом см.: Анисимов К.В. Сибирское областничество и творчество Г. Д. Гребенщикова: к интерпретации некоторых мотивов романа «Чураевы» (1-я часть) // Алтайский текст в русской культуре. Вып. 2. С. 20; Черняева Т.Г. Начало творческой биографии Г.Д. Гребенщикова. С. 45; Черняева Т.Г. «Обнимаю Вас как преданный сын Ваш»: Георгий Гребенщиков и Григорий Николаевич Потанин. С. 5–44.

чуждую почву. 14 июня 1915 г. он пишет критику и прозаику Е.А. Ляцкому: «Неестественная пересадка из полевого чернозема в культурный сад сделала меня чужим в этом саду, дичком, на который и соседи смотрят иногда небрежно, иногда лишь благосклонно» (1, 558). В этом же письме Гребенщиков описывает болезненно-напряженный процесс самоидентификации, добавляя к биолого-органицистским метафорам привычную метафорическую антитезу тьмы и света: «Я знаю многих степных киргизят, которые в науках совсем зачахли и выродились физически. Это от пересадки на новую почву, менее здоровую, но богатую соблазнами к знаниям, свету и всем тому, что высасывает соки без остатка. Вот я борюсь и с тьмой в себе, и с сильным светом, и все же я тоскую, я как бы не здоров совершенно» (там же). Но, несмотря на «угрозы», которые якобы существуют для его статуса «самобытного» писателя, Гребенщиков заявляет о желанных контактах с представителем культурной элиты: «нынче в октябре собираюсь снова в Питер и снова буду греться возле Вас. <...> мне возле Вас хорошо и немного неловко. От Вас слишком светит, и я невольно должен постоянно щурить свои глаза от стыда невежества, как подслеповатый при взгляде на солнце» (там же). Финальный пассаж, в котором появляется библейская топика («Вот и я хотел бы, чтобы Вы смотрели на меня как на худую траву, выросшую из распаханного поля»), завершается внешне нейтральной пейзажной зарисовкой: «Садится солнышко. Если бы Вы знали, как оно красиво здесь садится за зубчатые горы, покрытые сосновым лесом. Засуха эти дни стоит, и дуют суховеи с севера. Сегодня повернул ветер с юга. Может быть, с Индийского океана пригонит туч и окропит высохшие травы» (там же). Однако этот пассаж, безусловно, не исчерпывается фатическим компонентом эпистолярного дискурса («разговорами о погоде»), имплицитно соотносясь с метафорической схемой, в которой Гребенщиков отводил себе роль «худой травы», а адресату – «солнца».

В часто цитируемом в гребенщиковедении письме Г.Н. Потанину от 31 октября 1913 г. на метафорическом контрасте, сходном с только что отмеченным, основывается описание пути начинающего сибиряка в литературу:

Вот я полз где-то в темной, сырой и [грязной — *зачеркнуто*] холодной трущобе, полз ощупью и вдруг попал на узкую тропинку. Она ведет меня, виляя и падая в речки, теряясь в россыпях, прячась у корне лесин... Но вот я выхожу на более широкую тропку, и мне становится светлее и теплее, и уже просвечивают лучи солнца... Наконец я вижу перед собою необъятный простор с горами, лесом, лугами, реками, высоким чистым небом и множеством живых существ... ¹¹⁷.

В рамках этой же риторической стратегии самоуничижения писатель противопоставлял себя «настоящим» людям (культурной элите). 14 июня 1915 г. Гребенщиков пишет Е.А. Ляцкому: «таким сереньким и несведущим чувствую я себя в сравнении с настоящими людьми» (1, 557). Однако решающую функцию в процессе формирования Гребенщиковым собственной литературной биографии выполняла идеологема «врага», которая до сих пор не становилась предметом специального исследования.

Такое напряженное и неосуществимое желание «влиться» в культурную элиту столицы требовало объяснения. Функцию такого рода объяснения выполнял устойчивый сюжет нахождения протагониста гребенщиковского биографического мифа в окружении «врагов». Причины «вражды» могли располагаться при этом как в социальной, так и в этнической плоскости. Мы специально остановимся на первом аспекте и одной группе «врагов» — литераторах, которых Гребенщиков недифференцированно определял как «интеллигенцию», поскольку идеологема «врага»-интеллигента представляется наиболее продуктивной для мифо-биографического нарратива и потому наиболее репрезентативной.

 $^{^{117}}$ Г.Д. Гребенщиков и Г.Н. Потанин: диалог поколений. С. 69.

¹¹⁸ В число врагов регулярно попадали евреи. Приведем два хронологически отдаленных друг от друга антисемитских высказывания писателя. Незадолго до эмиграции, 23 марта 1919 г., объясняя С.Н. Сергееву-Ценскому свою «отставку» от журнала «Отчизна» «дерзостным» письмом критику и историку литературы А.Б. Дерману, Гребенщиков писал: «Как и вы с И.С. Шмелевым, с трудом переношу иерусалимлян» (Гребенщиков Г.Д. Письма (1907–1917). Книга вторая. С. 107). Двадцать лет спустя (в письме от 21 сентября 1938 г.), уже около 15 лет живя в Америке, Гребенщиков, замечая, что «еврей здесь весьма еще силен в школах», делился своим опытом адаптации с В.Ф. Булгаковым: «Не сломала меня даже Америка, и я не сдамся ни еврею, ни янки» (Георгий Гребенщиков. Из эпистолярного наследия (1924–1957) / Сост. Корниенко В.К. Барнаул: ГМИЛИКА; ОАО «Алтайский Дом Печати», 2008. С. 76). Отрицание обвинений в антисемитизме см. в наброске «О писателе, редакторе и читателе»: ГМИЛИКА. ОФ. Ед. хр. 56739/149.

Центральной для литературной мифологии Гребенщикова является статья «Перед судом фарисеев (Моим врагам)» (1909), которая стала ответом на критику его дебютной пьесы «Сын народа» (1908). Постановка пьесы в Семипалатинске имела большой успех¹¹⁹, который сопровождался позитивным отношением Гребенщикова к высоко оценившей его литературный труд интеллигенции. Последовавшая за ней омская премьера, напротив, вызвала резкую критику художественно слабой и откровенно тенденциозной дебютной пьесы Гребенщикова, апофеозом которой стала не сохранившаяся статья присяжного поверенного Н. Самойлова. Т.Г. Черняева объясняет тон статьи Самойлова тем, что «[в] рекламном объявлении о постановке пьеса была представлена как произведение "известного писателя-сибиряка"»¹²⁰. Этот травматический опыт¹²¹ стал ключевым для самоидентификации молодого писателя, выбравшего стратегию ресентимента 122 и на протяжении всей своей долгой литературной жизни практически неизменно определявшего себя как писателя «из народа». Гребенщиков ответил Самойлову резкой статьей «Перед судом фарисеев». Тон статьи исследователи традиционно объясняют автобиографичностью пьесы, самоидентификацией автора с героем¹²³. Но этот мотив не был единственным. Критика дебютной пьесы предоставила Гребенщикову возможность эксплицировать дихотомию «крестьянский писатель vs. интеллигенция» и оформить в цельный сюжет мотивы, появившиеся уже в самых ранних его произведениях. Статью «Перед судом фарисеев»

¹¹⁹ Черняева Т.Г. Творчество Г.Д. Гребенщикова: сибирский период. С. 13.

¹²⁰ Там же. С. 14.

 $^{^{121}}$ Подробнее см.: Толстоноженко О.А. Провинциальный интеллигент в столице: рефлексия травмы в раннем творчестве Γ .Д. Гребенщикова. С. 342–357.

¹²² В.М. Живов небезосновательно полагает, что «неэлитарной части образованного [к которой с определенного времени, безусловно, принадлежал Гребенщиков. − А.Г.] слоя ressentiment по отношению к части элитарной был свойствен в продолжение всей послепетровской эпохи» (Живов В.М. Маргинальная культура в России и рождение интеллигенции // Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 682). Нам представляется, что этот тезис со всем основанием может быть экстраполирован и на более поздние этапы истории русской культуры, включая интересующий нас в данном случае период начала XX в.

 $^{^{123}}$ Очерки русской литературы Сибири. Т. 1. С. 534; Черняева Т.Г. Творчество Г.Д. Гребенщикова: сибирский период. С. 13, 14.

стоит рассматривать как акт автомифотворчества — жест, предпринятый в рамках жизнестроительной работы над собственной литературной биографией и литературной репутацией ¹²⁴.

В этой статье Гребенщиков обратился к ряду претекстов, позволивших ему подключиться к мифологической и литературной (по преимуществу (нео)романтической) парадигмам героев-одиночек, находящихся в конфронтации со средой¹²⁵: «И если б даже целый мир восстал против меня, я буду все-таки самим собою и со своей совестью я в сделку не вступлю». Так, следуя стратегии ресентимента, он создает образ оскорбленного интеллигенцией «слуги и сына» народа, используя проекцию на фигуру Прометея и наделяя протагониста функциями трикстера¹²⁶ («Я шел к вам для того, чтоб взять у вас огня и засветить свой факел и с ним вернуться в тьму...»), похитившего огонь у богов («наверху») и давшего его людям («внизу»). Но герою Гребенщикова добыть «огня» не удается: «вы давно уж потушили свой огонь и злобною насмешкой встретили меня и оттолкнули и фарисейский приговор

¹²⁴ Под «литературной репутацией» мы, вслед за А.И. Рейтблатом, понимаем «представления о писателе и его творчестве, которые сложились в рамках литературной системы и свойственны значительной части ее участников <...>» (Рейтблат А.И. Как Пушкин вышел в гении (О литературной репутации Пушкина) // Рейтблат А.И. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 51). Принципиально важно, что «[л]итературная репутация в свернутом виде содержит характеристику и оценку творчества и литературнообщественного поведения писателя» (Там же). Н.Н. Акимова, дифференцируя понятия «литературная биография» и «литературная репутация», подчеркивает, что первая является, «как правило, результат[ом] усилий автора», вторая же складывается из «самы[х] разнообразны[х] фактор[ов]: сознательны[х] и неосознанны[х], случайны[х] и закономерны[х] — от целенаправленных усилий самого писателя, его соратников и литературных недругов до причин, коренящихся в особенностях национального менталитета» (Акимова Н.Н. Булгарин и Гоголь (литературная биография и литературная репутация) // Русская литература. 1996. № 3. С. 3).

¹²⁵ Интертекстуальная связь лирического героя «Моей отчизны» с горьковским Данко отмечена Т.Г. Черняевой. См.: Черняева Т.Г. Творчество Г.Д. Гребенщикова: сибирский период. С. 12. Более того, несомненна общая ориентация гребенщиковских стихов этого периода на неоромантическую поэтику Горького.

¹²⁶ Любопытно, что роль медиатора между «провинцией» и «центром» (в тексте статьи аллегорически обозначенными как «тьма» и «свет») действительно была свойственна самому Гребенщикову. Ср.: «Роль Гребенщикова в культурной жизни Сибири 1910-х гг. <...> состоит в налаживании полноценного диалога провинции с культурным центром» (Гребенщиков Г.Д. Письма (1907–1917). Книга вторая. С. 5).

над простотой моей произнесли!..». Более того, «слепые¹²⁷ фарисеи»-интеллигенты «травят» писателя-крестьянина «как связанного волка». Сюжет поругания писателя «из народа» проецируется на евангельский текст — образ писателя, третируемого интеллигенцией, подсвечивается фигурой Христа¹²⁸. Параллелизм героя с Христом при этом создается наличием антагонистов героя («фарисеев») и мотивом камня, брошенного (или предлагающегося для броска) в «праведника»: «мысль мою вы душите в ее начале и адским хохотом встречаете мой труд и каждую мою ошибку толкуете как преступление, чтоб лишний камень бросить мне»¹²⁹). Локальный литературный конфликт тем самым переводился Гребенщиковым в «высокий» регистр евангельской истории.

Написанное тремя годами ранее стихотворение «Моя отчизна» также содержит ряд интертекстов, важных в перспективе становления биографического мифа. В первую очередь останавливают внимание отсылки к романтической поэзии. Так, «Без ропота, без сожаленья» — прозрачная ритмикосемантическая аллюзия на пушкинское «без божества, без вдохновенья» из хрестоматийного стихотворения «К ***» («Я помню чудное мгновенье...»); стих «Моя отчизна <...> Запасом грустных дум меня снабдила» может быть прочитан как антитеза к фрагменту из «Дороги жизни» Е.А. Баратынского («Снов золотых судьба благая дает известный нам запас»). Отчетливая ориентация «Моей отчизны» на (нео)романтическую поэтику дает основания

¹²⁷ В поэтике гребенщиковских текстов зрение (в противовес «слепоте») устойчиво репрезентирует позитивную семантику. На «оппозицию **слепоты/прозрения**» обращает внимания Т.Г. Черняева, отмечая что «[с]имволика прозрения варьируется в самых ранних» произведениях Гребенщикова (Черняева Т.Г. Начало творческой биографии Г.Д. Гребенщикова. С. 39, 40).

¹²⁸ Об актуальности в сознании писателя сюжета страстей Христовых свидетельствует более поздний (нереализованный) замысел пьесы под названием «Голгофа Дунюшки». Ср. также импликацию христологических мотивов в самоописание, данное в письме супругам Коварским от 3 сентября 1944 г.: «<...> автор должен продолжать избранный путь своего посильного служения общечеловеческому идеалу, идеалу человечности, и быть благодарным даже и шипам и заушениям, так как в этом есть огромный смысл и толчок к большему и более четкому изображению своих образов и наблюдений» (Росов В.А. Георгий Гребенщиков: Письма И.Н. и Л.А. Коварским (1940–1963) // Алтайский текст в русской культуре. Вып. 3. С. 164).

¹²⁹ Гребенщиков Г.Д. Моя отчизна // Семипалатинский листок. 1906. № 16. 18 июня. С. 2.

рассматривать стихотворение в качестве своеобразной «пробы пера», литературного упражнения, в тексте которого видно, как автор «учится» писать стихи по лекалам значимых для него поэтов. Но, в то же время, очевидно, что Гребенщиков искал в образцах классической поэзии XIX столетия мотивностилистические ресурсы для поэтической манифестации раннего варианта биографического мифа, по-ученически «сгущая краски».

Возвращаясь к статье «Перед судом фарисеев», отметим, что здесь Гребенщиковым был найден образ «врага», присутствующий уже в подзаголовке текста в качестве адресата, — «Моим врагам». В «Моей отчизне», раннем стихотворении автора, оказавшегося перед традиционным выбором модуса описания Сибири¹³⁰, на роль врага лирического героя мог претендовать разве что сибирский ландшафт, традиционно описанный как лиминальное пространство символической «тьмы» и смерти¹³¹ («Моя отчизна — скучная деревня // Для детства моего была — могила»)¹³², наделенное соответствующим климатом¹³³ (причем, природный климат в соответствии с канонами сентименталистской и романтической поэтики изоморфен психологическому состоянию лирического героя — «на сердце холод»¹³⁴). В статье же «враг» остается не менее абстрактным, однако переводится в социальную плоскость — им стано-

¹³⁰ [Анисимов К.В.] От редактора // Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: коллективная монография / отв. ред. К.В. Анисимов. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2010. С. 6.

¹³¹ См. об этом: Тюпа В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35. Ср.: Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX — начала XX века: Особенности становления и развития региональной литературной традиции. С. 30–57. Эта особенность хронотопической организации текста встраивает его в ряд произведений (в том числе, романтических), описывающих Сибирь с «внешней» точки зрения как «локус непрерывных страданий». См.: Анисимов К.В. Сибирская литература и проблема авторского самоопределения // Материалы научно-практической конференции преподавателей, аспирантов и студентов филологического факультета. Красноярск, 1997. С. 11–19.

 $^{^{132}}$ Любопытно, что причины, позволившие герою преодолеть эту ландшафтно-климатическую детерменированность, описываются в провиденциальном ключе: «Но вот смеющийся луч солнца // Во внутрь души моей проник, // Согрел ея озябшую дремоту // И путь к теплу и свету я постиг!..» (Гребенщиков Г.Д. Моя отчизна. С. 2).

¹³³ Об идеологически «нагруженных» концептуализациях сибирского климата см.: Анисимов К.В. Климат как «закоснелый сепаратист». Символические и политические метаморфозы сибирского мороза // Новое литературное обозрение. 2009. № 99. С. 98–114. 134 Гребенщиков Г.Д. Моя отчизна. С. 2.

вится интеллигенция, отталкиваясь от которой молодой литератор выстраивает процесс самоопределения по принципу негативной идентификации 135. Именно идеологема «врага» выполняла в этом процессе ключевую функцию, поскольку «[и]меть врага важно не только для определения собственной идентичности, но еще и для того, чтобы был повод испытать нашу систему ценностей и продемонстрировать их окружающим» ¹³⁶. В данном случае такого рода демонстрация заключалась в декларативной «узурпации» культуртрегерских функций (трикстерский поход за «огнем», чтобы «с ним вернуться во тьму»), которые в русской культуре Нового времени традиционно ассоциировались с интеллигенцией, и артикуляция намерения заместить ее в культурном поле. По логике Гребенщикова, интеллигенция не в состоянии выполнить свою миссию «вести народ» («вы давно уж потушили свой огонь», «именем вождей народных называясь, вели заблудший измученный народ по иглам вашего позорного тщеславья»), поэтому ее место должен занять писатель «из крестьян». Молодой сибирский литератор, входя в литературу, своей трикстерской стратегией инвертировал народническую схему¹³⁷: спустя полвека после «хождения» интеллигенции «в народ», представитель последнего

¹³⁵ Л.Д. Гудков определяет феномен негативной идентификации как «самоконституцию от противного, от другого значимого предмета или представления, но выраженную в форме отрицания каких-либо качеств или ценностей у их носителя – в виде чужого, отвратительного, пугающего, угрожающего». При этом «[г]лавное в механизмах негативной идентификации – отталкивание от сферы или смысловых систем высокой ценностной значимости при сильнейшей зависимости от них <...>» (Гудков Л. К проблеме негативной идентификации // Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 271, 290).

¹³⁶ Эко У. Сотвори себе врага / Пер. с ит. М. Визеля // Эко У. Сотвори себе врага. И другие тексты по случаю. М.: ACT: CORPUS, 2014. С. 13.

¹³⁷ При этом Гребенщиков характеризовал феномен народничества в целом негативно. В письме А.Н. Белослюдову от 27 декабря 1911 г. писатель так характеризует это движение (в связи с манифестацией своей, неонароднической миссии): «То, старое, хождение было смешно, так как ходили в народ интеллигенты, выросшие в оранжереях. Теперь идут в народ "сыны народа" и "враги народа". Идут толпой, стихийно, ибо без него, как без земли трава, – все вянет. На нем все растет и цветет, как на тучно удобренной ниве» (1, 546). Подобный герой был изображен Гребенщиковым в пьесе «Сын народа», в которой, по мнению О.А. Коростелева, «сказалось одновременное увлечение Гребенщикова народничеством и толстовством» (Коростелев О.А. Гребенщиков. С. 210–211).

строит свою литературную биографию на совмещении вектора народников (из культуры в природу) с противоположным ему (из природы в культуру).

Обильно используя клише романтической поэзии, Гребенщиков создает схему конфликта поэта со средой, противоположную «пушкинской». В случае Пушкина мы имеем дело с оппозицией поэт vs. толпа («чернь»), внутри которой аргіогі одинокий поэт не может быть понятым, и это непонимание грозит перерасти в преследование (т.е. определенное «давление» на поэта оказывается «снизу»). Гребенщиков же находит оппонентов «наверху»: протагонисту мифа о писателе «из народа» враждебна не масса (в рамках этой конструкции никак не подходящая на роль коллективного «врага»), а культурная элита. Конфликт поэт-аристократ vs. толпа сменяется коллизией писатель-«крестьянин» vs. интеллигенция.

При этом главным полемическим приемом писателя с самых ранних текстов стал argumentum ad hominem — прием, заключающийся в игнорировании предмета спора и переходе «на личность» оппонента с целью его компрометации. Гребенщиков вырабатывает эффективную риторическую модель, внутри которой он становится как бы неуязвимым для критики: любая негативная оценка его произведений, по логике писателя, определялась социальным происхождением автора, а не эстетическим уровнем его произведений — следовательно, таким отзывом критик обнаруживал социальный «снобизм» и несправедливость. Пользуясь аргументацией ad hominem, Гребенщиков интерпретировал полемические отклики на свои произведения как репрессивную реакцию обладателей символического капитала, ограничивающих доступ к нему писателей «из народа», переводя литературную полемику в область классовой «травли». Таким образом, критика работала на создаваемую Гребенщиковым репутацию литератора-мученика «из крестьян», гонимого культурной элитой.

Риторическая стратегия, выработанная Гребенщиковым в сибирский период, оставалась актуальной и в эмиграции¹³⁸. Многочисленные в эмигрантской среде конфликты и разногласия, лежавшие в области собственно литературы или литературного быта, Гребенщиков нередко решал, опираясь на свой писательский миф. Так, например, в письме Д.В. Философову (на тот момент редактору варшавской газеты «За свободу»), датированном 1931 г., содержится такая инвектива: «как-то не верится, чтобы такая почтенная газета, как Ваша, <...> могла так странно отнестись к четверти века упорных трудов писателя из народа, за который в особенности Вы, борцы За Свободу, так всегда ратовали. Неужели мы, крестьяне, вам любы только тогда, когда мы полуслепое¹³⁹ быдло, а как только мы сами себе добудем ту или иную свободу культурных действий, вы сейчас же стремитесь умалить наше значение»¹⁴⁰.

Спустя четыре года (в письме от 22 сентября 1935 г.) П.Н. Краснов упрекнул Гребенщикова в том, что тот нарушил конвенции реалистического метода, включив в роман «Чураевы» сцену, которой не было в действительности без изменения имен прототипов, результатом чего стала «клевета на невинную, честную, прекрасную женщину, вдову генерала Самсонова» В ответном письме Гребенщиков прибегнул к своей излюбленной риторической операции, объяснив критические «нападки» адресанта разницей социального положения. Такая реакция на литературную критику, никак не сопряженную с выяснением вопроса о происхождении автора «Чураевых», удивила Краснова:

Вы обиделись, и в Вашей обиде на меня у Вас вырвались нехорошие слова, что я могу отталкивать Вас потому, что Вы "идете из низов народа", а меж-

¹³⁸ Ср. иную трактовку в: Черняева Т.Г. «Обнимаю Вас как преданный сын Ваш»: Георгий Гребенщиков и Григорий Николаевич Потанин. С. 7.

¹³⁹ Ср. отмеченную выше дихотомию «слепота» vs. «зрение».

¹⁴⁰ Ксерокопия газетной вырезки, содержащей письмо, находится в личном архиве Р. Григорьевой. Цит. по: Черняева Т.Г. «Обнимаю Вас как преданный сын Ваш». С. 10–11.

 $^{^{141}}$ Георгий Гребенщиков. Из эпистолярного наследия (1924—1957). С. 56. Письмо от 23 декабря 1935 г.

ду тем, Вы даже не знаете, откуда иду я, и что я пережил и перенес в своей жизни? 142 .

Итак, дихотомия интеллигенция vs. крестьянский писатель, максимально рельефно сконструированная в статье «Перед судом фарисеев», отныне автоматически актуализировалась применительно к концепту «интеллигенция», независимо от тематики и прагматических задач конкретного текста. Автобиографический миф, основанный на этой оппозиции, стал главным инструментом не только литературной полемики, но и писательской стратегии Гребенщикова в целом. Стоит поэтому не согласиться с Т.Г. Черняевой, считающей, что идеи Потанина «оказали на Гребенщикова самое благотворное воздействие как раз в тот момент, когда он переживал период "бури и натиска" – своеобразный бунт плебея против монополии образованного сословия; «Потанин сумел усмирить социальное "раздражение" Гребенщикова и направить его энергию в созидательное русло» 143. Правда, в этой же работе исследовательница делает оговорку: «Именно Потанин помог Гребенщикову преодолеть кризис во взаимоотношениях с интеллигенцией, хотя и много лет спустя, уже в Америке, отголоски этого кризиса еще не раз давали о себе знать» 144. Однако, как видно из обсуждаемых примеров, в данном случае сложно говорить даже о временном преодолении этого «кризиса», поскольку стратегия ресентимента (частью которой был негативный способ самоидентификации)¹⁴⁵ оставалась актуальной для Гребенщикова на протяжении всей его литературной карьеры.

Апофеозом раннего периода автомифотворчества Гребенщикова стало письмо Л.Н. Клейнборту, в котором автор «Сына народа» суммировал ключевые мотивы автобиографического нарратива, в разрозненном виде встре-

¹⁴² Там же. С. 61. Любопытно, что Краснов попробовал объяснить обиду писателя «избалованност[ью] и незакаленност[ью] на строгие критики» (Там же).

¹⁴³ Черняева Т.Г. «Обнимаю Вас как преданный сын Ваш»: Георгий Гребенщиков и Григорий Николаевич Потанин. С. 7.

¹⁴⁴ Там же. С. 10.

¹⁴⁵ По мнению Л. Гудкова, «тематика вывернутой, плебейской, антиаристократической гордости <...> чрезвычайно важна при рассмотрении проблематики негативной идентичности» (Гудков Л. Идеологема «врага» // Гудков Л. Негативная идентичность. С. 582).

чавшиеся в более ранних текстах. Письмо начинается с экспликации мотивировки его создания: «Беседа с Вами заставила меня впервые по-серьезному оглянуться назад на пройденный путь "крестьянского выползня", как называет нас "Новое время"»¹⁴⁶. Гребенщиков тщательно работал над текстом письма, созданного по просьбе Клейнборта, понимая, что изложенный в нем вариант его биографии будет транслирован в литературное поле авторитетным критиком¹⁴⁷.

Риторическая стратегия Гребенщикова, разработанная в сибирский период, вполне закономерно для мифотворческого процесса, контрастировала с реальным положением дел. Социальные успехи, которых писатель достиг не только в Семипалатинске, но и в Омске, где он «становится в течение нескольких месяцев редактором газеты "Омское слово"» 148, очевидным образом расходились с описаниями тернистого литературного пути, проходившего, по версии Гребенщикова, в «темной, сырой и холодной трущобе».

Стратегия самоуничижения выходит на первый план с самого начала литературной карьеры Гребенщикова (1900–1910-е гг.), когда писатель активно ищет покровителей, которые могли бы оказать ему помощь в процессе вхождения в литературное поле столицы. В этот период Гребенщиков регулярно, с большей или меньшей интенсивностью, использовал элементы риторического сценария, который можно определить как «Отец и сын», или его модифи-

¹⁴⁶ Гребенщиков Г.Д. Письма (1907–1917). Книга вторая. С. 33. Авторы примечаний предполагают, что эта грубая характеристика была дана критиком В. Бурениным (Гребенщиков Г.Д. Письма (1907–1917). Книга вторая. С. 40). Это представляется вполне убедительным, если учесть отношение Буренина к писателям, создававшим литературную репутацию с помощью автомифотворческой жестикуляции – в первую очередь, к С. Надсону. См. об этом: Рейтблат А.И. Буренин и Надсон: как конструируется миф. С. 323–338.

¹⁴⁷ Гребенщиков пишет Клейнборту: «Письмо <...> начато давно, но за недосугом я не мог его закончить. Собственно, даже решил, что не следует себя тащить "напоказ" с потрохами». Автор письма всячески делает акцент на том, что это письмо лишено для него особой важности и написано исключительно по настоятельной просьбе критика («[о]днако Вы в новой открытке напомнили мне про мое "обещание", и я хочу его исполнить») и касается событий, которые связаны с негативными воспоминаниями («мне тяжело припоминать свое былое»). В этом контексте весьма показательна также просьба, вписанная от руки поверх машинописного текста: «Ради Бога не тащите подробностей в печать» (Гребенщиков Г.Д. Письма (1907–1917). Книга вторая. С. 34, 33, 40).

¹⁴⁸ Черняева Т.Г. Творчество Г.Д. Гребенщикова: сибирский период. С. 14.

каций типа «Дедушка и внук», восходящих к инвариантной антитезе «большой» («старший») vs. «маленький» («младший»). В первую очередь, этот сценарий реализовывался в устойчивом и продуктивном в жизнестроительной перспективе¹⁴⁹ репертуаре «слабых» риторических поз, использованных Гребенщиковым в эпистолярном общении с И.А. Буниным, М. Горьким, Е.А. Ляцким и другими столичными литераторами. Гребенщиковские письма этого периода изобилуют примерами описания себя как «маленького», «слабого», «несведущего», «ученика», а адресата, соответственно, как «большого», «сильного», «образованного», «учителя».

Отметим, что и впоследствии риторические и поведенческие жесты Гребенщикова слабо зависели от условий, в которых находился писатель. Так, эмигрировав из России осенью 1920 г., Гребенщиков стал довольно заметной фигурой в эмигрантской литературе. Он «[а]ктивно включается в жизнь русских писателей в Париже, участвует в литературных вечерах, детских утренниках <...>, устраивает свои литературные вечера» ¹⁵⁰, его публикации появляются в престижных парижских «Современных записках», среди его рецензентов (хотя и не всегда доброжелательных) 3. Гиппиус, Ю. Айхенвальд, Г. Струве и другие писатели и критики первого ряда. Переехав в 1924 г. в США, Гребенщиков со временем овладел английским языком (писал и публиковал свои работы по-английски); получил степень PhD и стал профессором; прочел свыше 600 публичных лекций. При этом писатель продолжал активно применять прием самоуничижения. В. Росов приводит свидетельство М.Н. Иваницкого, русского эмигранта, встречавшегося с Гребенщиковым в Америке:

Я слушал только одну его речь. <...> Кажется, собрались в церкви. Не обратил особого внимания. Потом мы пригласили писателя в студенческое общество. <...> Гребенщиков был очень любезен, согласился прийти. Но поведе-

¹⁴⁹ Подробнее о жизнестроительной прагматике «слабых» поз см.: Жолковский А. К технологии власти в творчестве и жизнетворчестве Ахматовой. С. 194 и сл.

 $^{^{150}}$ Черняева Т.Г. Хроника жизни и творчества Г.Д. Гребенщикова // Гребенщиков Г.Д. Письма (1907–1917). Книга вторая. С. 172. Другая исследовательница пишет о «головокружительном успехе» писателя в Париже (Суматохина Л.В. М. Горький и писатели Сибири. С. 33).

ние его меня крайне поразило. <...> Он умалял себя, как только мог умалить. "Вот вы — студенты. У вас будущее есть, а я — сын рудокопа". Мне было как-то немного неприятно. Мы пригласили его не стонать, а как писателя, чтобы слово сказал¹⁵¹.

Тот факт, что подобные «стоны» литератора неприятно удивляли наблюдателей, но заставляли их обращать на него внимание, как это видно из процитированного фрагмента, демонстрирует эффективность гребенщиковского риторического самоуничижения.

Важную роль в процессе конструирования литературной биографии Г.Д. Гребенщикова играли различные чествования писателя, в первую очередь, юбилеи его литературной деятельности. Если регулярно отправляемые на родину газетные и журнальные вырезки, книги и программы лекций являлись доказательствами писательского успеха, то эти юбилеи выполняли функцию символических «рубежных» дат на долгом литературном пути Гребенщикова и одновременно были эффектной формой саморекламы. Так, спустя почти 20 лет после упоминавшейся скандальной омской истории, в 1924 г., в розовом зале фешенебельного нью-йоркского The Plaza Hotel состоялось чествование Г.Д. Гребенщикова. В очерке В. Крымского, напечатанном в «Новом русском слове», содержалась та же формулировка, которая в свое время стала поводом для негодования омского рецензента Самойлова: Гребенщиков вновь был назван «известным писателем» 152. Сам факт чествования, повторение некогда возмутившей рецензента формулы (теперь уже, несомненно, с гораздо большим основанием), а также слова Н.К. Рериха, открывавшего собрание, и цитированные отзывы А.И. Куприна и «други[х] корифее[ев] русской литературы», обеспечили выходцу из Сибири полноценный символический реванш.

Другой пример дает послание «Комитета по организации чествования» Гребенщикова, приуроченного к 25-летию его «Литературной и Обществен-

¹⁵¹ Росов В.А. Белый Храм на высоких горах: Очерки о русской эмиграции и сибирском писателе Георгии Гребенщикове. СПб.: Алетейя, 2004. С. 95.

¹⁵² ГМИЛИКА. НВФ. Ед. хр. 440/20. Л. 1.

ной деятельности»¹⁵³, на оборотной стороне которого были помещены два контрастных рисунка, изображающих нищету окраин и блеск мегаполиса¹⁵⁴. Такая иконография писательского успеха дублировала соответствующую метафорическую конструкцию литературных текстов Гребенщикова (сюжет пути из «тьмы» к «свету»), выразительно подчеркивая траекторию восхождения писателя «из народа» к литературному успеху.

Этот же контраст между исходным положением и достигнутыми успехами Гребенщиков обозначал, настойчиво подчеркивая тот факт, что он, бывший крестьянин, приехав в США «без единого слова английского языка», освоил его настолько, что спустя некоторое время уже читал лекции и писал книги по-английски¹⁵⁵. В письме В.Ф. Булгакову от 21 января 1937 г. Гребенщиков, сообщая о том, что он «был главным докладчиком на Пушкинских торжествах» в Northwestern University (Чикаго), добавляет:

Тут надо понять вот что: ведь я сюда приехал без языка, а теперь, можно сказать, выдержал экзамен на мастера англ[ийского] языка. Так вчера председатель собрания и сказал. Поймете это только Вы, кто знает, как мне было трудно идти из сибирских шахт без единого этапа правильного образования ¹⁵⁶.

На этом фоне может показаться неожиданным письмо Гребенщикова рекомендованной ему редактором «Нового русского слова» переводчице Лоре

¹⁵³ Помпезность юбилея подчеркивалась наличием «Временного Правления» (во главе с Н.К. Рерихом), насчитывавшего несколько десятков членов (А.А. Ачаир, И.И. Сикорский и др.) из разных стран мира (Франция, Германия, Дания, Болгария, Канада, Бразилия, Уругвай, Тунис и т.д.).

¹⁵⁴ ГМИЛИКА. ОФ. Ед. хр. 18072. Л. 1об.

¹⁵⁵ Любопытно, что уже «[3]аполняя анкету для получения визы в США, Гребенщиков сообщал, что в Америке намерен <...> издавать свои книги на английском языке» (Сирота О.С. Проблемы сохранения и развития русской культуры в условиях эмиграции первой волны: культурно-просветительская деятельность и литературное творчество Г.Д. Гребенщикова. С. 34).

¹⁵⁶ Георгий Гребенщиков. Из эпистолярного наследия (1924–1957). С. 70. Свой доклад в чикагском университете писатель склонен был рассматривать как значимое культурное событие: «Так что это событие в Чикаго я считаю не менее важным для русской культуры, нежели выпуск 6-го тома эпопеи [романа "Лобзание змия" из эпопеи "Чураевы". – А.Г.]» (Там же. С. 70). Менее чем через два месяца, 11 марта 1937 г., в письме тому же адресату Гребенщиков практически дословно воспроизводит этот сюжет. Здесь он, сообщая о том, что отправляется читать лекции в Сиэтл, спешит уточнить: «Конечно, мои лекции будут теперь по-английски. Тоже особая эпоха в моей жизни, т[ак] к[ак] я сюда приехал без единого слова англ[ийского] языка» (Там же. С. 72).

Сегал, датированное 25 января 1956 г. В этом письме литератор поясняет, что «Егоркина жизнь» «должна быть представлена под моим именем, а не как перевод, т.к. я сам не только пишу по-английски, но и преподаю в колледже изящную словесность на английском языке. Но мой английский ЛИТЕРА-ТУРНЫЙ стиль, конечно, ближе к Нижегородскому и требует хорошей полировки». Далее, предварительно сняв неминуемую неловкость с помощью автоироничной отсылки к тексту грибоедовской комедии, Гребенщиков переходит к условиям, спрашивая о цене «а) за Ваш самостоятельный перевод с перепиской в двух экземплярах и б) за переписку моего текста с Вашей полировкой» 157.

Трудно однозначно сказать, для чего Г.Д. Гребенщикову в 1956 г. понадобилась стилистическая правка «Егоркиной жизни», отдельные главы которой публиковались в «Новом русском слове» уже в 1940-е гг. Вероятнее всего, писатель намеревался подготовить стилистически более совершенный текст этой принципиально важной для него книги к 50-летию литературной деятельности, поскольку ее выход был приурочен именно к этой дате 158. Такая интерпретация представляется уместной, если иметь в виду отмеченную выше значимость для Гребенщикова его литературных юбилеев.

В эту же логику тематизации полюсов биографии укладывается и экзотизация Гребенщиковым собственной родословной, продолжающая, как нам представляется, пушкинскую парадигму (автор «Арапа Петра Великого», как известно, охотно подчеркивал свои африканские корни¹⁵⁹):

Дело это темное, точно не проверенное, — читаем в «Егоркиной жизни», — но будто бы прапрадед Митрия [отца Егорки. — А.Г.] был богатым калмыц-ким 160 ханом <...>, когда казаки захватили его стада во время своего набега в

¹⁵⁷ ГМИЛИКА. Фонд Г.Д. Гребенщикова. Ед. хр. 519/61. Л. 1.

¹⁵⁸ ГМИЛИКА. ОФ. Ед. хр. 416/4. Л. 1.

¹⁵⁹ См., в частности: Листов В.С. Легенда о черном предке // Легенды и мифы о Пушкине: Сборник статей / Под ред. М.Н. Виролайнен. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1995. С. 54–65; Лоунсбери Э. «Кровно связанный с расой»: Пушкин в афроамериканском контексте // Новое литературное обозрение. 1999. № 37. С. 229–251.

 $^{^{160}}$ Любопытно, что Гребенщиков в разное время «по-разному обознача[л] свои этнические корни» — кроме калмыцких, в текстах писателя фигурировали также монгольские (Гребенщиков Г.Д. Письма (1907—1917). Книга вторая. С. 31).

горы. Добычу поделили меж собою, а молодого ханского сына, Тарлыкана, не то Тарухана <...> взяли в плен, окрестили его, выучили грамоте и женили» (6, 20)¹⁶¹.

Взятое во время сближения с Рерихами мистическое имя Тарухан, совпадающее с именем плененного предка прочитывается в этой перспективе
как символическая компенсация младшим представителем рода «изъяна»
биографии старшего. В то же время такая эффектная самоориентализация
раздвигала рамки сюжета о «крестьянском писателе»: крестьянину, не просто
рожденному в бедной семье, но еще и потомку захваченного в рабство калмыка, несмотря на огромные трудности, удается стать известным писателем.
Иными словами, эта семейная легенда, включенная в контур мифобиографического нарратива, создавала временную перспективу, увеличивая
преодоленное писателем «расстояние» между крайними точками родовой
биографии Гребенщиковых. Работа над этим сюжетом отчетливо коррелировала с конструированием писателем собственной литературной генеалогии.

1.2. Гребенщиков как наследник литературной традиции: конструирование преемственности в сибирском и общенациональном контекстах

Другой важный вектор формирования литературной биографии и репутации Гребенщикова вобрал в себя его попытки включить свою деятельность в сибирский и общенациональный литературные контексты. В первом случае Гребенщиков формировал образ «литературного внука» лидера сибирского областничества Г.Н. Потанина; во втором – работал над образом «ученика» и/или «последователя», «наследника» А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого 162. За-

¹⁶¹ Закономерно, что речь идет о «лакуне» внутри семейной памяти («дело темное, точное не проверенное»). По мнению современного исследователя культурной памяти, семейная память сохраняется на протяжении жизни трех поколений, имеющих возможность непосредственного контакта, а затем «естественным образом рассеивается, чтобы уступить место воспоминаниям следующих поколений» (Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 22).

 $^{^{162}}$ Более полное обсуждение стратегий самопрезентации писателя, связанных с задачей войти в литературную среду, должно было бы включить в себя гребенщиковские автоопи-

дача молодого автора состояла в том, чтобы вписать себя не просто в текущий литературный контекст, но и в вековую традицию отечественной словесности. Гребенщиков решал эту задачу с помощью топики преемственности по отношению к классическому канону русской литературы (А.С. Пушкин, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой и др.), подключая себя к реалистической традиции русской классики и тем самым четко обозначая претензии на особое место в литературном поле.

1.2.1. Автолегитимация в качестве литературного «внука» Г.Н. Потанина

Ко времени возникновения имени Г.Д. Гребенщикова на горизонте сибирской словесности, в ней существовало несколько фигур, чья положительная оценка или протекция могли значительно укрепить позиции начинающего литератора. Самым влиятельным из них был Г.Н. Потанин, видный этнограф, литературный критик и публицист, в паре с Н.М. Ядринцевым определивший специфику сибирского областничества.

Как известно, Потанин «уделя[л] постоянное внимание младшему поколению писателей-сибиряков» 163. Гребенщиков познакомился с Потаниным 8 декабря 1908 г. «Старший» областник оказывал всевозможную помощь начинающему писателю и предпринял ряд шагов для формирования Гребенщикова в качестве «младшего» областника. Так, по совету Потанина Гребенщиков совершил две этнографических экспедиции: в 1910 г. в долину реки Убы и через год в долину Бухтармы. Помимо этого, Потанин организовал доклад Гребенщикова по результатам первой экспедиции, а затем написал хвалебную рецензию на этот доклад и принял участие в публикации очерка

сания в качестве ученика М. Горького и менее заметных фигур литературной жизни 1900—1910-х гг. (Е.А. Ляцкий, В.С. Миролюбов, Ф.Ф. Фидлер и др.). Мы ограничиваемся указанными тремя случаями в силу их несопоставимо большей репрезентативности.

¹⁶³ Черняева Т.Г. «Обнимаю Вас как преданный сын Ваш»: Георгий Гребенщиков и Григорий Николаевич Потанин. С. 6.

«Река Уба и убинские люди»¹⁶⁴. Впоследствии Гребенщиков писал об этом очерке как о «слаб[ом] намек[е] на материал будущих «Чураевых» (3, 458).

Возникает закономерный вопрос: для какой цели Потанину нужно было «делать» из Гребенщикова областника? Известно, что Потанин и Ядринцев планировали написать «областнический роман», т.е. текст, художественные достоинства которого были для соавторов вторичны по отношению к идеологическому заданию текста¹⁶⁵. Но, как известно, этот замысел остался нереализованным – роман «Тайжане» не был написан¹⁶⁶. То, что не удалось «старшим» областникам, должен был, по замыслу Потанина, сделать «младший» областник – начинающий литератор, этнограф и журналист Г. Гребенщиков. Не случайно «к творчеству Гребенщикова было приковано главное внимание областнической критики»¹⁶⁷. Критик С. Байкалов после выхода книги «В просторах Сибири» отмечал, что «[х]удожественная ценность рассказа Г. Гребенщикова значительно повышается там, где он (автор) касается чисто сибирских тем»¹⁶⁸.

Сам Гребенщиков в часто цитируемом пассаже комментировал намерения Потанина так: «Лишь значительно позже я стал догадываться, почему

¹⁶⁴ Там же. С. 12–13. Этнографические труды Гребенщикова сохранили свое научное значение. Это, помимо прочего, подтверждается тем, что очерк «Река Уба» включен в библиографию авторитетной работы: Чистов К.В. Русская народная утопия (генезис и функция социально-утопических легенд). СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 463. ¹⁶⁵ См.: Там же.

¹⁶⁶ О нереализованном «старшими» областниками замысле областнического романа см.: Анисимов К.В. Сибирский областнический роман: от «Тайжан» к «Чураевым» // Филологические страницы: Сборник статей. Вып. 1. Красноярск, 1999. С. 20–33. Сохранившиеся материалы см.: Потанин Г.Н. Тайжане: Историко-литературные материалы. Томск, 1997; Ядринцев Н.М. [Начало романа «Тайжане»] / публ. И.Ф. Юшина, коммент. Н.В. Серебренникова // Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: коллективная монография / отв. ред. К.В. Анисимов. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2010. С. 224–232.

 $^{^{167}}$ Чмыхало Б. А. Литературно–критическая борьба в сибирских изданиях начала XX в. С. 56.

¹⁶⁸ Цит. по: Там же. С. 56. Б.А. Чмыхало справедливо указывает: «Какие же темы могут называться "чисто сибирскими", Байкалов не поясняет, но, надо думать, в этом случае он солидарен с Г.Н. Потаниным» (Там же). В то же время «часть столичных критиков отреагировала на <...> лучшие рассказы Гребенщикова 1910-х гг. как на "областные" лишь в самой незначительной степени» (Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX — начала XX века: Особенности становления и развития региональной литературной традиции. С. 256).

Григорий Николаевич относился ко мне с таким вниманием, то есть почти с отеческой заботливостью. Быть может, он уловил во мне ту первобытную нетронутость народной почвы, на которой лучше прорастают его семена. Я был моложе всех, я был настоящий выходец из простой среды, и, по его мнению, мог вспыхнуть настоящим пламенем его идей» 169. И далее: «когда вышли мои первые книги сибирских рассказов, я получаю в Петербурге письмо от Г.Н. Потанина, из которого отчетливо помню взволновавшие и смутившие меня строки: "Знамя Ядринцева лежит неподнятым, и я думаю, вы должны его поднять и понести в будущее"» ¹⁷⁰. Это потанинское желание «сделать» из Гребенщикова «нового Ядринцева» сам начинающий прозаик интерпретировал как стремление сделать его своеобразной «инкарнацией» самого Потанина – «новым Потаниным», а не Ядринцевым. По словам Гребенщикова, Потанин надеялся, «что я подниму ядринцевское, то есть его, потанинское, знамя» 171. Впрочем, процесс становления Гребенщикова как областника в этом случае не менее точно укладывается в обозначенную схему преемственности от «старших» областников к «младшим».

Написание «областнического» романа могло бы быть подготовлено, помимо влияния Г.Н. Потанина, логикой развития самого Гребенщикова как литератора. Как отмечают исследователи, областнические мотивы начали появляться уже в самых ранних его сочинениях. Так, в стихотворном посвящении к первому тому сборника «В просторах Сибири» (1913) содержатся строки («И больно мне, страна моя родная, // Что над тобой не светит в край из края // Свободной правды луч!..»), комментируя которые, авторы «Очерков русской литературы Сибири» пишут: «Эти раздумья писателя во многом близки областническим настроениям некоторой части сибирской интеллигенции» 172. К.В. Анисимов справедливо подчеркивал «прямолинейное пре-

 $^{^{169}}$ Г.Д. Гребенщиков и Г.Н. Потанин: диалог поколений. С. 129.

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ Там же.

¹⁷² Очерки русской литературы Сибири. Т. 1. Дореволюционный период. С. 536.

творение областнической доктрины в художественный текст», свойственное ранним вещам Гребенщикова¹⁷³.

К началу 1910-х намерение Потанина начало реализовываться – у Гребенщикова возник замысел романа «Чураевы». Через несколько лет началась работа над этим произведением, которое поначалу писалось по областническим лекалам. Хотя в «Чураевых» наблюдается дальнейшее усложнение клишированной схемы конфликта («в крайнем своем выражении приводи[вшее] к растворению областнической антитезы "сибиряка" и "приезжего"»), отмеченное уже в рассказе «Змей-Горыныч» (1914)¹⁷⁴, первый том эпопеи – «Братья» – все же может рассматриваться как попытка заполнить лакуну в областническом дискурсе. В целом же исследователи сибирской литературы сходятся на том, что впоследствии роман вышел за рамки «областничезамысла¹⁷⁵. Н.В. Серебренников ского» даже пишет ЧТО «[о]бластнический роман в его строгом смысле не сложился ни у кого», подчеркивая, что «"Чураевых" считать таковым не приходится» ¹⁷⁶.

Однако в это же время, как известно, желание Гребенщикова реализовать свои амбиции беллетриста стало доминировать над «областническими» занятиями этнографией и публицистикой. Стремление Гребенщикова при-

 $^{^{173}}$ В другой работе К.В. Анисимов пишет о том, что в самый ранний период своей деятельности Гребенщиков «пытался осмыслить исторический антагонизм центра и окраины, сочетая толстовский подход с идеями "старших" областников» (Анисимов К. В. Сибирское областничество и творчество Г. Д. Гребенщикова. С. 21). О влиянии областнических доктрин на Гребенщикова см. также: Казаркин А. П. Жанровый контекст романа «Чураевы» // Алтайский текст в русской культуре. Вып. 2. С. 7–18.

¹⁷⁴ Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX века: Особенности становления и развития региональной литературной традиции. С. 260.

¹⁷⁵ См.: Анисимов К.В. Сибирский областнический роман от «Тайжан» к «Чураевым»; Казаркин А.П. Георгий Гребенщиков и областничество // Вестник Томского гос. ун-та. 2004. № 282. С. 290–294; Серебренников Н.В. Опыт формирования областнической литературы. Дисс. ... д-ра филол. наук. Великий Новгород, 2005. С. 280–290.

¹⁷⁶ Серебренников Н.В. Опыт формирования областнической литературы. С. 289. С.С. Царегородцева, напротив, считает, что «"Чураевы" – единственный бесспорный пример сибирской региональной эпопеи» (Царегородцева С.С. Роман Г.Д. Гребенщикова «Чураевы» в социокультурном контексте эпохи. С. 132.). А.П. Казаркин же полагает, что в «Чураевых» Гребенщиков «отходил от потанинской программы», но «"Егоркина жизнь" говорит о возвращении к ее исходным положениям» (Казаркин А.П. Георгий Гребенщиков и областничество. С. 289).

общиться к литературной жизни столицы сопровождалось неизбежным в этом случае отходом от основ областнического мировоззрения – «и в конце концов привело его к публичному заявлению своей идейной независимости (хотя все же не полного отказа) от системы воззрений, ассоциировавшейся с именем Потанина» 177. Исследователь имеет в виду широко цитируемый пассаж из статьи Гребенщикова о Потанине «На склоне дней его» 1923 г.: «Ни Горький не заразил меня безумством храбрых, ни Лев Толстой, одобривший во мне призыв сынов народа обратно на работу на земле, и ни Г.Н. Потанин <...>, – никто не сделал из меня своего честного последователя»; «Одно бесспорно: дух Потанина вздувает паруса своей ладьи, но только я не знаю – для плавания ли по необъятной Сибири или для безбрежного пути по всем неогороженным краям земли?»¹⁷⁸. В том же, 1923, году Гребенщиков познакомился в Париже с Н.К. Рерихом, и эта встреча оказала значительное влияние на формирование религиозно-философских взглядов писателя, временно элиминировавших областнический элемент мировоззрения писателя (подробнее об этом речь будет идти ниже).

Однако декларативный отказ от роли «младшего» областника, датированный 1923 г., вскоре сменился возвращением к областническим идеям. Это произошло уже в Америке, где Гребенщиков активно разрабатывал утопический проект объединения СССР и США, центральное место в котором занимала областническая по своему генезису идея особой роли Сибири как «страны великого будущего» что дает основания охарактеризовать этот проект как неообластнический. Находясь вне родины, Гребенщиков постоянно продуцировал идеи сибирского патриотизма и даже создал «русскую деревню» Чураевку.

 $^{^{177}}$ Анисимов К. В. Сибирское областничество и творчество Г. Д. Гребенщикова: к интерпретации некоторых мотивов романа «Чураевы» (1-я часть). С. 20.

¹⁷⁸ Там же. С. 129, 130.

¹⁷⁹ Ср. названия многочисленных лекций писателя, прочитанных в Америке: «Сибирь как страна великого будущего», «Всемирная идея русской нации», «Wonders of Siberia» и т.п.

Размышления Гребенщикова о Сибири результированы в работах, изданных впоследствии под характерным названием «Моя Сибирь» 180 (содержащим своеобразную риторическую апроприацию ключевого в сознании литератора локуса). А.П. Казаркин справедливо характеризует «Мою Сибирь» как «завершающий текст областничества» 181. Здесь Гребенщиков создает символический конструкт «американской Руси» (подробнее о нем речь пойдет в третьей главе), который, как нам представляется, носил компенсаторный характер по отношению к дискурсивной и политической практике «старших» областников¹⁸². При этом характерно стремление Гребенщикова «отвести» от «дв[ух] величайших сибирских патриот[ов]» 183, «великих граждан человечества» Ядринцева и Потанина обвинения в сепаратизме¹⁸⁴.

Итак, сложная динамика взаимоотношений Гребенщикова с областничеством привела к реинтерпретации дискурса, сформированного его «старшими» идеологами¹⁸⁵, и интеграции его в собственный глобальный утопический проект, разрабатывавшийся в течение второй половины жизни писателя, прошедшей в США.

¹⁸⁰ Книга под таким названием не была издана при жизни писателя. В ней собраны различные работы, объединенные общей темой (из них лишь часть увидела свет при жизни автора).

¹⁸¹ Казаркин А.П. Завершающий текст областничества (о книге Георгия Гребенщикова «Моя Сибирь») // Областническая тенденция в русской философской и общественной мысли: К 150-летию сибирского областничества / Отв. ред. А.В. Малинов. СПб.: Изд. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2010. С. 79–83.

¹⁸² К.В. Анисимов справедливо пишет о том, что резкость государственной реакции на областническую попытку «отделени[я] Сибири от России и образовани[я] республики подобно Соединенным Штатам» была связана с уподоблением колонизации Сибири завоеванию Америки, содержавшему «радикальный политический подтекст» (Анисимов К.В. Парадигматика и синтагматика сибирского текста русской литературы (Постановка проблемы) // Сибирский текст в русской культуре: Сб. статей / Под ред. А.П. Казаркина, Н.В. Серебренникова. Томск, 2007. Вып. 2. С. 62). Гребенщиков характеризовал процесс над областниками как «прискорбное и в то же время символическое для ее [Сибири. – А.Г.] будущего событие» (Гребенщиков Г.Д. Моя Сибирь. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 49).

¹⁸³ Там же.

¹⁸⁴ Там же. С. 50.

¹⁸⁵ Ср. точку зрения исследователя, считающего, что Гребенщиков «в эмиграции продолжил позитивную линию Г.Н. Потанина», охарактеризованную «как "сибирское" (сибирефильское) евразийство» (Селиверстов С.В. Историко-цивилизационные представления Г.Д. Гребенщикова: Европа, Азия, Сибирь // Верхнее Прииртышье в XVII–XXI вв.: Сб. науч. ст. Новосибирск: Параллель, 2009. С. 143).

Риторическое конструирование Гребенщиковым преемственности с Г.Н. Потаниным стало частью процесса легитимации собственного литературного статуса. Если «своим первым учителем» Г. Гребенщиков называл М. Горького, то Потанину была отведена в писательской мифологии Гребенщикова более «интимная» роль литературного «дедушки» 186. Не случайно поэтому, что «родственная» метафорика появляется уже в первой статье, посвященной Потанину, — «Дедушка-товарищ» (1910). Впервые отмеченные Т.Г. Черняевой сопоставления Потанина с Толстым 187 во многом базировались именно на метафорике родства 188. Обоим литераторам Гребенщиков отводил роли своих символических первопредков. Так, в статье «У Льва Толстого» читаем: «Мне было необыкновенно хорошо сидеть между колен этого дедушки» 189.

Аналогичным образом в письмах Гребенщикова к Потанину, равно как и в мемуарных текстах, посвященных последнему, преобладают именно метафоры родства: Потанин называется «отцом», «батькой», «дедушкой» и даже «прадедушкой» («[п]о возрасту <...> мы ему внуки, а по силам, — конечно, правнуки»)¹⁹⁰. Так, в письме от 25 июля 1916 г. содержится следующий пассаж: «я был в Томске, но мне не удалось съездить к Вам в Петухово, и я уехал с сознанием непрощеной вины, что не повидался с Вами. А между тем быть в Сибири и не видеть своего родного "Батька" — значит не приобщиться

¹⁸⁶ Горький связывал с Гребенщиковым надежды, сходные с потанинскими, видя в начинающем сибирском этнографе и писателе потенциального энергичного сотрудника, который помог бы реализовать культуртрегерские идеи Горького в Сибири и «иде[ю] "собирания Руси" на практике» (Суматохина Л.В. М. Горький и писатели Сибири. С. 18).

¹⁸⁷ По словам исследовательницы, «[с]опоставление Потанина с Толстым возвышает сибирского подвижника и одновременно, в традициях сибирского областничества, приравнивает Сибирь ко "всему миру". Сибирь как пространство, равновеликое Миру, имеет своего гения, и этот гений – "скромный дедушка Потанин"» (Черняева Т.Г. «Обнимаю Вас как преданный сын Ваш». С. 27).Также см. об этом: Черняева Т.Г. Гребенщиков о Льве Толстом // Алтайский текст в русской культуре. Вып. 2. С. 60–74.

¹⁸⁸ Об использовании метафорики родства в описаниях поездки в Ясную Поляну ср.: Толстоноженко О.А. Провинциальный интеллигент в столице: рефлексия травмы в раннем творчестве Г.Д. Гребенщикова. С. 349.

¹⁸⁹ Гребенщиков Г.Д. Чураевы: Лобзание змия. Роман. Радонега. Статьи. Воспоминания. Барнаул: [Б.и.], 2007. С. 303. Гребенщиков вернулся к этому сопоставлению в книге «Моя Сибирь»: «Потанина многие большие люди считали совестью Сибири, как считали совестью России Льва Толстого» (Гребенщиков Г.Д. Моя Сибирь. С. 50).

¹⁹⁰ Г.Д. Гребенщиков и Г.Н. Потанин: диалог поколений. С. 83.

к милой родине» (2, 463). Спустя полтора года, 29 декабря 1917 г., Гребенщиков пишет Потанину:

Вы – первый знаменосец сибирского патриотизма, а мы, Ваши ученики, несмотря на многие тысячи верст, нас разделяющие, несмотря на невозможность вырваться из пут войны, идем за Вами дружной, молодою ратью и объединяемся под Вашим знаменем для неусыпной и творческой работы на Родине (2, 468).

В последнем случае метафорика родственных отношений осложняется указанием на отношения «учителя» и «учеников». Иногда Гребенщиков расширяет семантические контуры «семейной» метафоры, именуя Потанина не только собственным «отцом», но и «[д]орогим отцом родного края» (там же).

Частью риторического сценария «Дедушка и внук» стала активность Гребенщикова, направленная на то, чтобы Г.Н. Потанина «не забыли в столице». Узнав о том, что «Ежемесячный журнал» готовит номер, посвященный 80-летнему юбилею Потанина, Гребенщиков отправил письмо его редактору В.С. Миролюбову (от 12 августа 1915 г.), к которому прикрепил свою статью «Из личных встреч с Г.Н. Потаниным» и копию с портрета «старшего» областника, объяснив это следующим образом: «Не пригодится – ничего не значит, я в обиде не буду. Главное, мне хочется, чтобы и в столице не забыли старика» 191. Такая «забота» молодого литератора о «старике», которого без его инициативы могут забыть в литературной столице, говорит о вполне закономерной смене стратегии внутри сценария. Если до этого Потанин неизменно описывался Гребенщиковым как «учитель» и символический «предок», человек, от участия которого зависело его литературное будущее, то здесь идеолог областничества уже становится объектом символической «опеки» недавнего «ученика» («сына»/«внука»). Гребенщиков стремится обеспечить Потанину место в активной культурной памяти, как если бы имя мэтра сибирского областничества находилось под угрозой забвения. Учитывая, что такие опасения едва ли были обоснованными, можно утверждать, что начинающий сибирский литератор акцентировал такие отношения пре-

¹⁹¹ Гребенщиков Г.Д. Письма (1907–1917). Книга вторая. С. 87.

емственности между собой и Потаниным, которые наделяли его особыми полномочиями сохранения образа маститого писателя и ученого в культурной памяти. Этот акт «напоминания» вполне отчетливо коррелирует с высказанной Гребенщиковым тремя годами ранее в письме Ф.Ф. Фидлеру амбицией представлять в столице «молодую сибирскую литературу».

1.2.2. Автоканонизация в роли наследника классической литературы

В ряде мемуарных статей и очерков, а также в некоторых письмах Гребенщиков отводил роль символического «дедушки» не только Потанину, но и Л.Н. Толстому. Этот риторический прием позволял Гребенщикову создать образ не просто начинающего литератора, но «потомка» одновременно и крупнейшего интеллектуала Сибири, и наиболее авторитетного мыслителя России рубежа веков. Как уже говорилось, сопоставление Потанина с Толстым стало лейтмотивом мемуаристики и публицистики Гребенщикова: «старший» областник в описаниях Гребенщикова стал своеобразной метонимией (в соответствии с другой – географической – метонимией: Сибирь – Россия) автора «Войны и мира».

Проблема апелляции к идее «классики» (или к отдельным представителям классического канона) в целях легитимации собственных позиций в поле литературы подробно разработана в гуманитарной науке последних десятилетий на разном материале. Исследователи, работающие в рамках canon theory, поляризуются в зависимости от понимания канона либо как «инструмента социальной доминации» («социологического направление»), либо как средоточия текстов, которым имманентно присущ набор эталонных этических и эстетических качеств, которых лишены другие произведения («аксиологическое направление»)¹⁹².

¹⁹² Гронас М. Диссенсус. Война за канон в американской академии 80-х − 90-х годов // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 11–15. Ср.: Вдовин А., Лейбов Р. Хрестоматийный тексты: русская поэзия и школьная практика XIX столетия // Acta Slavica Estonica IV. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение, IX. Хрестоматийные

Мы, вслед за представителями «социологического направления» ¹⁹³ (учитывая специфику гребенщиковских практик самоканонизации), будем понимать идею «классики» как мощный инструмент идеологической борьбы как внутри литературного поля, так и за его пределами – в поле власти.

Претендуя на тотальный контроль культурного пространства, классика служит институтом власти, и априори ясно, что борьба за канонизацию того или иного литературного факта или за интерпретацию уже освященных традицией "классических" текстов всегда представляет собой более или менее скрытую идеологическую борьбу¹⁹⁴.

Одна из основных социальных функций идеи «классики» состоит в «апелляци[и] к образцам и авторитетам "прошлого", с которыми устанавливались отношения "наследования", представи[вшей] собой эффективное средство самоопределения специфических по своему составу и содержательным интересам групп в условиях интенсивной социальной мобильности и, соответственно, демократизации престижей 195. При этом, «притязая на всеохватность, классика фактически образует не целое литературы, а лишь ее внутреннюю, маркированную, сакральную часть» 196. В подобной перспективе становится ясно, что конструирование преемственности по отношению к «классике» приобретает характер насущной потребности для начинающего автора (тем более, если он является представителем социальных низов и не обладает достаточным наследственным «символическим капиталом»).

Кроме того, литературный канон представляет собой «национальный корпус классиков отечественной и мировой литературы вместе со стандарта-

тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон / Под. ред. А. Вдовина, Р. Лейбова. Тарту: University of Tartu Press, 2013. С. 8–9.

¹⁹³ Теоретическую рефлексию оптики исследования стратегий canon-making, справедливо диагностирующую ограниченность её возможностей даже внутри социологического подхода, и попытку расширения этой оптики см.: Каспэ И. Классика как коллективный опыт: литература и телесериалы // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 454 и сл.

¹⁹⁴ Зенкин С. «Классика» и «современность». С. 32–33.

¹⁹⁵ Дубин Б. Идея «классики» и ее социальные функции // Дубин Б. Классика, после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре. С. 10. В цитируемой работе речь идет о литературных группировках XVIII в., однако описанный механизм представляется релевантным и в нашем случае в силу сходных социокультурных условий, прежде всего таких, как высокая социальная мобильность и демократизация престижей.

¹⁹⁶ Зенкин С. «Классика» и «современность». С. 32.

ми их истолкования»¹⁹⁷. Логично поэтому, что литературным «авторитетом назначают, <...> его конструируют»¹⁹⁸; для создания классики «необходима санкция публичной власти»¹⁹⁹. Итак, литературный канон представляет собой конструкт²⁰⁰, специфика которого определяется идеологической коньюнктурой. Этот конструкт может быть апроприирован властью, а также какимилибо социальными или литературными группами, или даже отдельными литераторами²⁰¹. В двух последних случаях речь идет об автоканонизации, которая понимается нами как совокупность усилий автора, направленных на самостоятельное вхождение в литературный пантеон, т.е. своего рода узурпация статуса писателя-«классика»²⁰². Если добавить к пониманию канона как культурного конструкта идею М. Гронаса о каноничности как «мер[е] повторяемости, воспроизводимости в культуре»²⁰³, то активность, направленную на автоканонизацию, можно разделить на два вектора: 1) регулярное, настойчивое и всестороннее напоминание о себе (иначе говоря – популяризация собственной фигуры, самореклама в широком смысле); 2) конструиро-

¹⁹⁷ Дубин Б. К проблеме литературного канона в нынешней России // Дубин Б. Классика, после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре. М, 2010. С. 67.

¹⁹⁸ Дубин Б.В. Классик – звезда – модное имя – культовая фигура: О стратегиях легитимации культурного авторитета // Культ как феномен литературного процесса: Автор, текст, читатель. С. 324.

¹⁹⁹ Зенкин С.Н. От текста к культу. С. 134.

²⁰⁰ Одним из первых о необходимости осознания литературного канона как конструкта писал Терри Иглтон (в работе 1983 г.). См.: Иглтон Т. Теория литературы: Введение / Пер. с англ. Е. Бучкиной под ред. М. Маяцкого и Д. Субботина. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. С. 31.

²⁰¹ О процессе формирования национального канона русской литературы, вовлеченного в орбиту националистического идеологического творчества, а также попытках апроприации государственной и церковной властями фигур отдельных классиков, см.: Brooks J. Russian Nationalism and Russian Literature: The Canonization of the Classics // Nation and Ideology. Essays in honor of Wayne S. Vucinich / Ed. by I. Banac, J. Ackerman, and R. Szporluk. N.Y.: Columbia University Press, 1981. P. 315–330.

²⁰² Среди работ, посвященных конструированию канона литературными группировками с целью легитимации собственного литературного статуса, укажем две, посвященные исследованию принципиально различных как в хронологическом, так и в социокультурном отношении, писателей: Майофис М. Воздвижение Акрополя: структура и функции арзамасского литературного канона // Майофис М. Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815 – 1818 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 531–599; Разувалова А. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов. С. 180–273.

²⁰³ Гронас М. Безымянное узнаваемое, или Канон под микроскопом. С. 68.

вание (или, при их реальном наличии, – акцентирование и мифологизация) связей родства с классиками и/или наследования им.

О саморекламе как важной части писательских стратегий Гребенщикова речь шла в 1.1., поэтому сейчас мы сосредоточим внимание на втором аспекте процесса самоканонизации. Его обсуждение логично было бы предварить реконструкцией гребенщиковской версии классического канона.

Автор «Чураевых» неустанно позиционировал себя как литературного традиционалиста, артикулируя решительное неприятие современных экспериментов в области поэтики и связывая с этим свою особую «роль в литературе». «Меня ни с какой стороны не соблазнила "новизна" выдвинутых революциею форм письма. Я становлюсь еще более упрямым в смысле простоты изложения моих мыслей и поэтому думаю, что <...> меня "новая" литература исключит из списка нужных литераторов», — писал он М. Горькому в марте 1922 г. (3, 482)²⁰⁴. Такого рода эстетический антиреволюционаризм, регулярно декларировавшийся Гребенщиковым, почти неизменно соседствовал с рефлексией негативных последствий революционных сдвигов в истории («войн[ы], анархи[и] и граждански[х] войн[]») и других «кошмарны[х] событи[й]» и «вопиющей подлости», законнорожденной дочери всех тех болестей, от которых в свое время лечило Русь всегда бодрое и крепкое слово» (письмо Горькому от 14 февраля 1918 г.; 3, 467). Четвертью века позже, в письме, адресованном супругам Коварским (от 3 сентября 1944 г.), читаем:

Что касается моей философии, то <...> она остается на подлинно исторической русской почве и кому как не мне, выходцу из народа, следует упорно проводить ее как достояние миллионов и веков. В так называемое новое в философии я не верю, ибо все лучшее из старого останется вечно новым, и современники, пользующиеся результатами, не осмотрительно пытаются вырывать корни дерев, плодами которых питаются. Величие <...> души не только в самовосхвалении, но и в великодушии, в жертве, в самоотречении, что было явлено не только классиками русской литературы и искусства, но именно по-

 $^{^{204}}$ Заключенные в кавычки слова «новизна» и «новая» демонстрируют ироничноснисходительное отношение Гребенщикова к неклассическим (модернистским и авангардным) способам письма.

движниками русской духовной культуры. Тут меня революционной дешевочкой не подкупишь 205 .

Осмысляя свое место в литературном процессе эпохи, ознаменованном интенсивностью эстетических экспериментов, Гребенщиков активно использовал биолого-органицистскую метафорику (как и в эпистолярных самоописаниях этого же периода - см. $1.1.)^{206}$, характеризуя литературные течения как «здоровые» или «больные». Так, в статье, посвященной поэзии Н. Клюева «Певун–размыка–чародей» (1915) он утверждал, что «песни Клюева», «благоухаю[щие] ароматом неувядших полевых цветов, ладаном, искуряемым соснами и елями», - «это нечаянная радость для издерганного, переутомленного русского читателя», уставшего от «изящны[x], но холодны[x] и бездушны[x]» стихов модернистов Блока, Бальмонта и Брюсова. Принципиально важно, что Гребенщиков (сознательно или неосознанно) принимает стилизованность модернистской поэзии Н. Клюева²⁰⁷ за «народную» простоту. Аналогичное «непонимание» встречается в гребенщиковском описании Есенина, данном в очерке «Сережа Есенин» (1926), где Гребенщиков называет поэта «брат[ом] мо[им] крестьянин[ом]» и утверждает, что «богатые москвичи разодевши обоих поэтов в шелковые рубахи и сафьяновые сапоги, носились с ними [с Есениным и Клюевым. – $A.\Gamma.$]»²⁰⁸, т.е. игнорируя сознательную театрализацию поведения «новокрестьянских» поэтов (ср. гребенщиковский отзыв о Есенине, данный в «Радонеге»: «<...> народный из народнейших поэтов»)²⁰⁹. Очевидно, что и в случае Клюева и Есенина, и в случае самого Гребенщикова перед нами жизнестроительные перформансы, ориенти-

²⁰⁵ Росов В.А. Георгий Гребенщиков: Письма И.Н. и Л.А. Коварским (1940–1963) // Алтайский текст в русской культуре. Вып. 3. С. 163.

²⁰⁶ Такая метафорика, по точному замечанию А.И. Разуваловой, «естественна для "консервативного воображения", предпочитающего конкретное, овеществленное, телесное абстракциям и аллегориям» (Разувалова А. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов. С. 68).

²⁰⁷ См. об этом: Азадовский К. Николай Клюев – творец и мифотворец. С. 5–88.

²⁰⁸ Гребенщиков Г.Д. Сережа Есенин [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://esenin.ru/o-esenine/vospominaniia/grebenshchikov-g-d-serezha-esenin (дата обращения: 10.01.2016).

 $^{^{209}}$ Гребенщиков Г.Д. Чураевы: Лобзание змия. Роман. Радонега. Статьи. Воспоминания. С. 253.

рованные на рецепцию «искусственного», стилизованного поведения литераторов в качестве «естественного» и «природного»²¹⁰.

Примечательно, что и спустя полвека, 19 апреля 1956 г., в письме, адресованном старообрядке Вассе Колесниковой и иллюстрирующем неизменное гребенщиковское предпочтение реализма модернизму и авангарду, писатель благодарит корреспондентку за приложенные ею письма («Вы меня просто обогрели <...> письмом Вашим премудрым, а уж письмо матушки Аполлинарии — это все из словес праведных и сокровенных») и дает четкую формулу: «Теперь не только так писать не умеют, но и мыслить так не способны. Все это модерное при самом всходе сгнивает и пошлостью своей не нахвалится»²¹¹.

В этой перспективе логичны разноплановые самопроекции Гребенщикова на представителей обозначенного им классического канона. Наиболее упорядоченная и развернутая гребенщиковская версия национального пантеона содержится в его письме М. Горькому от 17 апреля 1928 г., приуроченном к 60-летнему юбилею последнего. Здесь А.С. Пушкин, открывающий классический канон, назван «моим Богом», а И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой и сам Горький охарактеризованы как «три великие ступени Русской Литературы» (4, 478–479)²¹².

²¹⁰ О литературных стратегиях Есенина, основанных на автомифологизации, см.: Магомедова Д.М. «Я один... и разбитое зеркало...»: Литературные маски Сергея Есенина (Статья первая); Магомедова Д.М. «Я один... и разбитое зеркало...»: Литературные маски Сергея Есенина (Статья вторая). В этой же перспективе любопытна приводимая Гребенщиковым характеристика, данная ему Есениным, «тоном мудрого старца» укорявшего будущего автора «Егоркиной жизни»: «Почему вы не в России? Что у вас – голубая кровь? Вы же наш брат, Ерема!..» (Гребенщиков Г.Д. Сережа Есенин). Семиотически эта сложная ситуация прочитывается как легитимация «народного» статуса Гребенщикова (столь желанного им), причем легитимирующей инстанцией является поэт, чья «народность» (неочевидная и «сконструированная» с точки зрения ряда представителей литературной элиты) также, как и в случае Гребенщикова, была результатом активной автомифологизации.

²¹¹ Георгий Гребенщиков. Из эпистолярного наследия (1924–1957). С. 89.

²¹² В этой версии отсутствует имя И.А. Бунина. Вопрос о мотивах включения/не включения Гребенщиковым Бунина в пантеон национальной классики будет обсуждаться в 2.1. Ср. принципиально иной перечень, включающий исключительно современных литераторов, с характерным уверением в отсутствии амбиций встать с ними в один ряд, в наброске 1952 г. «О писателе, редакторе и читателе»: «я никогда не ставил себя в иконостас боль-

Гребенщиков включал в канон русской литературы исключительно «реалистических», по его мнению, писателей и поэтов. При этом он всячески акцентировал момент «учебы» у классиков и их благотворного влияния на собственное творчество²¹³, что усиливалось приведенными выше антимодернистскими декларациями автора «Чураевых». Принципиально важно, что две наиболее значимые для Гребенщикова фигуры, обозначающие границы пантеона²¹⁴, – это именно А.С. Пушкин и Л.Н. Толстой. По мнению Б.М. Эйхенбаума, Пушкин и Толстой являют собой «крайние точки исторического процесса, начинающего и завершающего построение русской дворянской культуры XIX века». «Пушкин – первый дворянин-интеллигент, профессиональный писатель, журналист; Толстой – последний итог этой культуры: он отрекается от кровно связанной с ним интеллигенции и возвращается к земле, к крестьянству»²¹⁵. В результате создавался парадоксальный эффект, никак не рефлексировавшийся Гребенщиковым: активно создавая персональный миф о себе как о писателе «из народа», он старался легитимировать свой литературный статус с помощью дискурсивного механизма автоканонизации путем обозначения «наследственной» связи с центральными фигурами «дворянской» культуры. Это позволяет говорить о релевантности для писателя желания войти в «дворянский» ряд русской литературы, несмотря на настойчивые уверения в обратном.

ших писателей, начиная по алфавиту: Алданов, Бунин, Зайцев, Ремизов и ещё кто?..» (ГМИЛИКА. ОФ. Ед. хр. 56739/149. Л. 4).

²¹³ В этом же письме к Горькому «три великие ступени Русской Литературы» вместе с тем названы «тр[емя] мои[ми] литературны[ми] учителя[ми]» и «моими как бы спутниками в жизни» (4, 478–479).

²¹⁴ Включение в канон Горького в адресованном ему же письме может быть интерпретировано в рамках «юбилейной» риторики всего текста и, в то же время, как важная попытка наладить эпистолярный диалог с маститым литератором. Подробнее о безуспешных попытках Гребенщикова восстановить контакты с Горьким, прерванные во второй половине 1920-х гг., апофеозом которого стало именно обсуждаемое письмо, см.: Суматохина Л.В. М. Горький и писатели Сибири. С. 33. В любом случае, фигура Горького (особенно после прекращения отношений между литераторами), как это видно из различных контекстов, имела для автора «Чураевых» меньший символический «вес», нежели фигуры Пушкина и Толстого.

²¹⁵ Эйхенбаум Б.М. Пушкин и Толстой // Эйхенбаум Б.М. О прозе. Л.: Художественная литература, 1969. С. 167.

Тот факт, что контур канона был четко обрисован Гребенщиковым именно в эмиграции, едва ли случаен, если учесть принципиальную важность жизнестроительного самоопределения «первой волны» эмигрантской культурной элиты, в среде которой зародилась мифологема «серебряного века» ²¹⁶, через сопоставление собственного творчества, биографий и жизнетекстов со случаями классиков – представителей века «золотого» ²¹⁷.

Наиболее настойчивой и репрезентативной в этом смысле оказались примеры ориентации сибирского литератора на фигуру Л. Толстого. Вопрос об этом применительно к раннему этапу (жизне)творческой биографии Гребенщикова уже оказывался в фокусе внимания исследователей. Т.Г. Черняева рассматривала посещение будущим автором «Чураевых» Толстого как «важный эпизод становления "писателя из народа"», подчеркивая, что отношение Гребенщикова к Толстому «было одновременно притяжением и отталкиванием, подражанием и попыткой соперничества» Факт рецепции толстовского поведенческого сценария жизнетекстом Гребенщикова отмечен в работе О. Толстоноженко²¹⁹. Однако целостного описания «толстовского текста» жизнестроительства Г. Гребенщикова на основе более широкого корпуса письменных текстов²²⁰ (мемуарные статьи, эпистолярий, публицистика, роман «Чураевы»), а также жизнестроительных жестов (основание Чураевки и символизация ее быта) не существует.

 $^{^{216}}$ См. об этом: Ронен О. Серебряный век как умысел и вымысел. 2-е изд., испр. М.: ОГИ, 2000.

²¹⁷ Исследование механизмов и прагматических задач рецепции творческого наследия и биографических образов классиков (на примерах реципиированного «первого русского романтика» В.А. Жуковского) представителями русской эмиграции в рамках концепции завершения культуры «золотого века», свидетелями которого они стали, см.: Анисимова Е.Е. Творчество В.А. Жуковского в рецептивном сознании русской литературы первой половины XX века. Дисс. . . . д-ра филол. наук. Красноярск, 2015.

²¹⁸ Черняева Т.Г. Гребенщиков о Льве Толстом. С. 60.

²¹⁹ См.: Толстоноженко О.А. Карьерная траектория писателя-автодидакта на рубеже XIX—XX веков: Георгий Гребенщиков.

²²⁰ В указанной работе Т.Г. Черняевой предметом анализа являются три мемуарные статьи Гребенщикова: «В Ясной Поляне» (1910), «Памяти Великого» (1915), «У Льва Толстого» (1925).

Первый «контакт» Гребенщикова с Толстым произошел в самом начале писательской карьеры сибиряка²²¹. В марте 1909 года, после опыта критики омской премьеры дебютной пьесы «Сын народа», Гребенщиков предпринял радикальный шаг – поездку в Ясную Поляну к писателю, который на момент начала XX в. «олицетворял классическое наследие», что, по замечанию Джеффри Брукса, пытались использовать в своих интересах различные социальные группы²²². Эту поездку Гребенщиков описывал как литературное «паломничество»²²³, целью которого была легитимация писательского статуса провинциала — начинающий автор хотел получить «благословение» на писательство у маститого литератора²²⁴. В статье «У Льва Толстого» (1925) Гребенщиков приводит свой внутренний монолог: «Поеду к самому Толстому, ему покаюсь в своих литературных прегрешениях и дам ему слово — что больше заниматься этим делом никогда не буду». Но «Толстой, — как позднее писал Гребенщиков, — вопреки ожиданиям, драму <...> похвалил и благословил на писательство» (3, 442).

Многочисленные описания «паломничества» к Толстому, ставшие своего рода биографической обсессией Гребенщикова, варьируют «ритуальн[ую] ситуации[ю] "передачи лиры"— посещения неофитом Поэта»²²⁵, что позволяло Гребенщикову отводить Толстому в своем персональном мифе целый набор ролей: литературного «духовника», легитимировавшего статус «кре-

²²¹ Стоит отметить, что гребенщиковская рецепция толстовского творчества и жизнетекста происходила на общем фоне широкой и активной рецепции наследия классика в томской периодике (писатель жил в Томске, хотя и с длительными отлучками, с сентября 1909 г. по декабрь 1913 г.), интенсифицировавшейся в связи со смертью автора «Анны Карениной» в 1910 г. См. об этом: Жилякова Н.В. Рецепция русской классики в томской дореволюционной журналистике. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. С. 122–162.

²²² Brooks J. Russian Nationalism and Russian Literature: The Canonization of the Classics. P. 323.

 $^{^{223}}$ В очерке «Большой сибирский дедушка». См.: Г.Д. Гребенщиков и Г.Н. Потанин: диалог поколений. С. 101. Ср. описания «паломничества» в других текстах Гребенщикова (3, 442; 4, 418–425).

 $^{^{224}}$ См.: Черняева Т.Г. Гребенщиков о Льве Толстом; Черняева Т.Г. Творчество Г.Д. Гребенщикова: сибирский период. С. 14–15; Черняева Т.Г. «Обнимаю Вас как преданный сын Ваш». С. 9–10.

²²⁵ Лотман Ю.М. Литературный быт // Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Кожевникова и др. М., 1987. С. 194.

стьянского писателя» (3, 342); символического первопредка, «отца», возле которого «когда-то обогрелся» «сын», пробирающийся из «тьмы» и невежества «свету» культуры²²⁶; мудрого классика-наставника, «приня[вшего] и обласка[вшего]» молодого провинциала, «сибирского медвежонка»²²⁷.

Другой уровень рецепции касался непосредственно литературы. Работа над главным художественным текстом Гребенщикова — романом «Чураевы» — шла в перспективе постоянного сопоставления с романом «Война и мир». В феврале 1918 г. Гребенщиков писал Горькому:

я испытываю такую любовь к земле и солнцу, к животным и растениям, что, кажется, сумею написать "Войну и мир" — лучше Толстого — вот до чего доходит дерзость после или в момент отчаяния!..» (3, 468).

Если учесть отношение Гребенщикова к роману Толстого как к сакральному тексту, «"Святая Святых" нашей отечественной классической литературы» 228, полное риторическое отождествление своего романа с толстовским в цитированном фрагменте, а также тот факт, что в письмах Гребенщикова содержатся полемические установки на создание «крестьянской» эпопеи, «крестьянского» аналога романа Толстого, то необходимо сделать вывод, что написание «Войны и мира» «лучше Толстого» было важнейшим актом процесса автоканонизации в статусе писателя «из народа» 229. В качестве главного аргумента в пользу большей «народности» собственного сочинения Гребенщиков называл изображение «сотен Платонов Каратаевых». В марте 1957 г. он пишет своему сибирскому другу И.Г. Савченко:

 $^{^{226}}$ ГМИЛИКА. ОФ. Ед. хр. 56739/144. Л. 1; Георгий Гребенщиков. Из эпистолярного наследия (1924—1957). С. 68–69.

²²⁷ ГМИЛИКА. ОФ. Ед. хр. 56739/144. Л. 1.

²²⁸ Там же. Л. 2.

²²⁹ Особым предметом для исследования является рецепция «Чураевых» и других произведений Гребенщикова в свете «Войны и мира» (в среде «рядовых» читателей, публицистов, критиков, литературоведов), безусловно, интенсифицировавшая гребенщиковские самопроекции на Толстого. Укажем здесь только один важный пример – динамику оценок одного из корреспондентов Гребенщикова – П.Н. Краснова: от апологетической декларации того, что в первом «сказании» «Былины о Микуле Буяновиче» ее автор «выше гр[афа] Л.Н. Толстого в его народных повестях» (письмо от 14 сентября 1934) – до утверждения о том, что Толстой «уж на что более "народный писатель"», хотя «не только граф, но еще из самых старинных и богатых аристократических родов» (письмо от 10 декабря 1935) (Георгий Гребенщиков. Из эпистолярного наследия (1924–1957). С. 51, 62).

перечитываю "Войну и мир" и как я горд, что и сам написал восемь томов нечто вроде "Войны и мира", — только не о высшем свете Москвы и Петербурга, а о простом народе, и не об одном Каратаеве, а о сотнях их, и эта параллель когда-то будущим нашей литературы БУДЕТ исторической летописью, хотя не такого размаха, как Льва Толстого²³⁰.

Не ограничиваясь пониманием борьбы за литературный канон как за ресурс символической власти, стоит заметить, что «представление/ощущение себя Толстым», своего рода «исполнение роли Толстого»²³¹ и написание романа «с оглядкой» на толстовскую поэтику было продуктивным в творческом смысле, став, судя по приведенным цитатам из писем Гребенщикова, важнейшим стимулом для работы над «Чураевыми».

На примере рецепции толстовского (жизне)творчества можно увидеть, как Гребенщиков периодически проблематизировал представления о каноне, не только «раздвигая» его рамки, чтобы внести туда свое имя, но и риторически дискредитируя классика. Так, примерно через месяц после цитированного выше письма (11 апреля 1957 г.) Гребенщиков уже противопоставляет «Чураевых» роману Толстого, оповещая того же адресата, что на присланном им военном автобиографическом очерке планирует

постро[ить] самый конец ДЕВЯТОГО тома, т.е. самый эпилог и АПОФЕ-ОЗ эпопеи, <...> которую быть может я назову ВОЙНА И БУНТ, чтобы это никак не было похоже на "Войну и мир". Хотя у меня и действующие лица ничем не похожи на высший класс Толстого, и народ мой, мой Платон Каратаев, не похож на толстовский народ²³².

Характерно это стремление Гребенщикова подобрать название, которое бы «никак не было похоже на "Войну и мир"», которое не может быть реализовано, пока автор «Чураевых» мыслит в рамках «толстовской» парадигмы

²³⁰ Там же. С. 151–152.

²³¹ Анализ механизмов и задач различных вариантов «исполнений» роли другого в повседневной жизни см.: Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. А.Д. Ковалева. М.: «КАНОН-пресс-ц»; «Кучково поле», 2000. С. 49–111. В оригинале название книги Ирвинга Гофмана звучит как «The Presentation of Self in Everyday Life», т.е. «презентация», а не «воображение», как можно заключить из русского перевода заглавия. В данном случае, однако, принципиально то, что можно с равным основание говорить и о гребенщиковской презентации себя «в качестве Толстого», и о «воображении» себя Толстым.

²³² Там же. С. 163.

(хотя и старается избежать в предполагаемом заглавии «толстовской» антитезы).

«Классический канон, – по словам С.Н. Зенкина, – образует устойчивое и в принципе неизменное ядро культурной памяти, по отношению к которому все вновь создаваемые тексты культуры являются пояснениями и вариациями» Эзз. Это позволяет объяснить риторический «бунт» Гребенщикова против Толстого тем, что автор «Чураевых» не желал удовлетвориться ролью эпигона классической традиции, создающим заведомо вторичную «вариацию» толстовского романа.

В американский период гребенщиковская идентичность писателя «из глубин народа», писателя-труженика долгое время продолжала формироваться с помощью механизма негативной идентификации, традиционного для автомифотворческой стратегии писателя в целом. Помимо цитированной декларации различия своего и толстовского романов (в пользу собственного как более «народного»), это проявилось в раздраженном отталкивании от квази-крестьянского (с точки зрения Гребенщикова) жизнетекста Л. Толстого²³⁴. Так, в сентябре 1938 г. Гребенщиков, апеллируя к более тяжелому, нежели у Толстого, социальному опыту, пишет его бывшему секретарю Валентину Булгакову о том, что «стал плотником и каменщиком буквально ради хлеба насущного, а литература — что останется. Это не то, что Лев Николаевич, после работы на земле, выбирает повкуснее грибки и проч... Наше дело — закон борьбы "взаболь", а не от избытка философского величия»²³⁵.

Итак, отношение Гребенщикова к Толстому было амбивалентным. Он мог одновременно риторически «сводить счеты» с Толстым и моделировать свой жизнетекст по толстовскому образцу. Критика Толстого давала Гребенщикову возможность дополнительной легитимации в статусе писателя

²³³ Зенкин С. Гуманитарная классика: между наукой и литературой // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании. С. 281–282.

 $^{^{234}}$ В этой перспективе особенно важны отмеченные Т.Г. Черняевой сопоставления Л.Н. Толстого с лидером сибирского областничества Г.Н. Потаниным — как «аристократа» и «демократа» соответственно.

 $^{^{235}}$ Георгий Гребенщиков. Из эпистолярного наследия (1924—1957). С. 75–76.

«из народа», автора «народной» эпопеи, написанной «по следам» «Войны и мира». «Толстовский текст» стал важнейшим субстратом жизнетекста Гребенщикова. Автор «Чураевых» ориентировался на Толстого, работая над художественными текстами, а также выстраивая собственный биографический текст и литературный быт по толстовской модели: от написания романа-эпопеи «Чураевы», полемически соотнесенного с толстовской эпопеей, до строительства в США русской деревни Чураевки по образцу Ясной Поляны (подробнее об этом речь пойдет ниже). Жизнестроительный сценарий Гребенщикова включал в себя как следование толстовской модели, так и полемику с ней или даже негативную идентификацию по отношению к классику, дававшую писателю «из народа» энергию для формирования оригинального текста биографии и возможности для автоканонизации в качестве автора романа-эпопеи, равнозначной роману «Война и мир».

Менее разработанными, но на определенном этапе не менее значимыми были гребенщиковские автопроекции на фигуру А.С. Пушкина²³⁶. В 1948 г. Гребенщиков написал очерк, составляющий своеобразную дилогию с очерком «На фарме [sic! – А.Г.] толстовского фонда» – «В гостях у Пушкина». В нем описано другое «литературное паломничество», предпринятое через сорок лет после посещения Ясной Поляны, – поездка на ферму Русского Объединенного Общества Взаимопомощи Америки (РООВА), находившуюся в штате Нью-Джерси²³⁷.

²³⁶ И. Паперно пишет о том, что фигура Пушкина в течение первой половины XX в. выступала в качестве парадигмальной и чрезвычайно активно использующейся модели для самоопределения, ориентируясь на которую, художник мог выстраивать собственную биографию. Паперно И. Пушкин в жизни человека Серебряного века // Cultural Mythologies of Russian Modernism from Golden Age to the Silver Age / Ed. by B. Gasparov, R. Hughes, and I. Paperno. Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press, 1992. P. 19–51. О специфике происходившей в это же время канонизации Пушкина в советской культуре см.: Дебрецени П. Житие Александра Болдинского (канонизация Пушкина в советской культуре) / Пер. с англ. М.Б. Кутеевой // Современное американское пушкиноведение. Сборник статей / Ред. У.М. Тодд III. СПб.: Академический проект, 1999. С. 87–107. ²³⁷ Согласно сведениям, которые приводит О.В. Воробьева, Гребенщиков играл «активную роль в деятельности РООВА, в том числе, в работе просветительной комиссии» и был избран в 1929 г. «почетным председателем 1-го отдела общества» (Воробьева О.В. Культурно-просветительская деятельность общественных объединений Русской Америки XX

«Пушкинское» паломничество Гребенщикова носило гораздо менее принципиальный характер по сравнению с «толстовским». Во-первых, перед литератором в 1948 г. не стояло задачи легитимации собственного литературного статуса, сколько-нибудь сопоставимой с той, что имела место в 1909 г., которым датирована поездка в Ясную Поляну. Во-вторых, в отличие от Ясной Поляны – центральной «святыни» толстовского мифа²³⁸, – ферма РО-ОВА не входит в число «пушкинских» мест.

Поездка на эту ферму была предпринята Гребенщиковым по деловой необходимости, но эта практическая мотивировка уже в начале очерка заменяется символической — необходимостью «поклониться» Пушкину, осознанной при виде памятника поэту. Важно, однако, подчеркнуть, что речь идет о «поклоне» именно самому Пушкину, который «прозревается» за монументом. Описывая свой приезд и посещение памятника поэту, Гребенщиков использует топику пушкинского стихотворения (расширяя географию текста за счет включения в нее «своего» — алтайского — локус, а также американского пространства, в котором происходит эта символически крайне значимая «встреча» поэта-классика и современного литератора, претендующего на статус его «наследника» и «потомка»):

Вот и я, с алтайских гор, древней родины калмыков <...> пришел на эту незарастающую тропу, чтобы поклониться Александру Сергеевичу вдали от Родины, в просторах Америки, куда тоже донеслись звуки его заветной лиры (6, 375).

В описанном далее «разговоре» с Пушкиным Гребенщиков актуализирует один из центральных инвариантов поэтики Пушкина — мотив «оживше-

века [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://jurnal.org/articles/2010/hist7.html (дата обращения: 15.01.2016)).

²³⁸ Любопытно сравнить описание места, не входящего в число «пушкинских святынь», как пушкинского в этом очерке Гребенщикова и примеры разочарования от отсутствия чего-либо подлинно «пушкинского» (кроме природы, оставшейся почти неизменной) в одном из топографических центров пушкинского мифа, приводимые в работе С. Сандлер. См.: Сандлер С. Воспоминания в Михайловском / Пер. с англ. Т. Бабенышевой // Современное американское пушкиноведение. С. 70–72.

го памятника»²³⁹. Памятник поэту, изображающийся как типичный пушкинский герой и балансирующий на грани статуарности и динамики, «оживает» («улыбнулся моим думам», «замолк», «по лицу его как будто скользнула тень, и глаза стали вдруг грустными», «глаза его как бы прищурились»; там же). Далее «оживший» памятник, в тексте очерка эквивалентный самому поэту, произносит пространный монолог, в котором озвучивает свои «сокровенные»²⁴⁰ идеи, на самом деле являющийся компендиумом идей публицистики и эпистолярного наследия Гребенщикова: о подлинности русской церковности, создавшей «настоящую русскость»; о доминировании «духовности» над наукой («великим соблазном») и философией (6, 378–379).

Такое преодоление символической дистанции в очерке может быть объяснено тем, что степень (де)сакрализации литературных «учителей» и «предков» находилась в прямой зависимости от той диспозиции, которую Гребенщиков занимал в литературном поле в соответствующий момент. Например, описания Г.Н. Потанина и Л.Н. Толстого претерпевают в его текстах почти идентичную динамику: от сакрализации до определенного профанирования или, по крайней мере, «интимизации», исключающей дистанцию, неизбежную при описании сакрального объекта. Например, создавая образ Потанина, Гребенщиков одновременно и интимизирует («дедушка», «отец») отношения с Потаниным, и сакрализирует его фигуру («полубог»²⁴¹), причудливо сочетая родственные и квазирелигиозные метафоры. Впрочем, эта амбивалентность не смущала Гребенщикова – описания Потанина как «полубога» никак

²³⁹ См.: Якобсон Р.О. Статуя в поэтической мифологии Пушкина // Якобсон Р.О. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С. 145–181.

²⁴⁰ «Александр Сергеевич запретил мне выдавать на общий суд нашу с ним беседу, я решил нарушить его завет» (6, 380). Нарушение этого запрета мотивируется ролью медиатора пушкинского «глагола», которую Гребенщиков отводит себе: «[П]ророческий глагол его должен прожечь сердца людей, которым еще дорого его имя» (Там же).

²⁴¹ Н.В. Серебренников справедливо пишет о том, что «обращения Гребенщикова к "полубогу" Потанину несут в себе элементы молитвы» (Серебренников Н.В. Опыт формирования областнической литературы. С. 288). Ср. описание священного трепета перед Толстым, в доме которого Гребенщиков «снял шапку и стоял как приготовленный к молитве», а на обратном пути «ехал без шапки, которую держал в руках, как в церкви» (Гребенщиков Г.Д. Чураевы: Лобзание змия. Роман. Радонега. Статьи. Воспоминания. С. 304, 305).

не противоречили в его художественном сознании образу Потанина-«дедушки».

Аналогичным образом обстояло дело и в случае с Пушкиным. В цитированном письме Горькому 1928 г. Пушкин назван «моим Богом», а в статье «В гостях у Пушкина», написанной двадцать лет спустя, прием сакрализации фигуры классика привычным образом контаминируется с ее интимизацией, рождая столь же амбивалентную, как и в случае с Потаниным, ситуацию: Пушкин одновременно описывается как «великий русский поэт» и вступает с нарратором в равный историософский диалог, делая его своим конфидентом и устраняя тем самым какую-либо символическую дистанцию.

Итак, Гребенщиков воспроизводил вполне стандартный для русской литературы XX в. (устойчивый в широком эстетико-идеологическом диапазоне от символистов с их «попытк[ами] <...> превратить Пушкина в конечную цель развития русской культуры и желание стать его преемниками»²⁴² до писателей-«деревенщиков», стремившихся к легитимации собственного положения в литературе «на фоне Пушкина»²⁴³) риторико-идеологический ход – конструирование топики наследования Пушкину с целью повышения собственного статуса в поле литературы.

При этом писатель не только решал проблему литературной автоканонизации, но и непрерывно корректировал контуры создаваемого персонального мифа, идя по пути его агиографизации. Решающим шагом в этом направлении стало написание книги «Егоркина жизнь», содержащей наиболее полную и концептуально выверенную версию персонального мифа Гребенщикова.

 $^{^{242}}$ Левитт М. Пушкин в 1899 году / Пер. с англ. М.Б. Кутеевой // Современное американское пушкиноведение. С. 34.

²⁴³ Разувалова А. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов. С. 180–273.

1.3. «Егоркина жизнь»: между автобиографической повестью и автоагиографией

Апофеозом конструирования Гребенщиковым собственной литературной биографии можно считать написание книги «Егоркина жизнь». Эта книга, жанр которой автор определил как «автобиографическая повесть», изначально создавалась с идеологическим заданием — как «крестьянская автобиография»²⁴⁴. Она писалась около тридцати лет и стала последней и наиболее детальной манифестацией писательского мифа²⁴⁵.

Сложность жанровой конструкции текста не раз останавливала внимание исследователей. Т.Г. Черняева считает, что «[3]амысел автобиографического повествования Гребенщикова на самых ранних этапах его формирования тяготеет к <...> областническому роману»²⁴⁶. Писательские же автокомментарии так или иначе сводятся к отождествлению себя с героем. В письме И.Г. Савченко от 18 ноября 1952 г. он определял жанр книги как «автобиографи[ю], написанн[ую] в третьем лице»²⁴⁷. Спустя несколько лет в издательском предисловии, датированном ноябрем 1956 г., книга была охарактеризована как «роман-хроника», в котором использованы «[а]втобиографические данные об авторе», и было сказано, что Гребенщиков фигурирует в ней «под именем Егорки, который, однако, не является главным персонажем <...>, а потому и изображается в *третьем лице*»²⁴⁸. В подписи к предисловию местоположение издательства «Алатас» указывалось следующим образом: «Русская деревня Чураевка, основанная "Егоркою" в 1925 году». Интересно, что

²⁴⁴ См.: Черняева Т.Г. Творчество Г.Д. Гребенщикова: сибирский период. С. 33–43.

²⁴⁵ Ср.: «Актуальность для Гребенщикова автобиографического замысла, в общих чертах оформившегося к 1915 г., объясняется по крайней мере двумя причинами: глубоко личным, внутренним стремлением к самоопределению, с одной стороны, и желанием вступить в литературную полемику – с другой» (Там же. С. 33). Исследовательница справедливо предлагает рассматривать письмо Гребенщикова Л. Клейнборту и очерк «В детстве» (1915) «как конспективное изложение» «Егоркиной жизни» (Там же. С. 8).

²⁴⁶ Черняева Т.Г. Творчество Г.Д. Гребенщикова: сибирский период. С. 40.

²⁴⁷ Георгий Гребенщиков. Из эпистолярного наследия (1924–1957). С. 142.

²⁴⁸ ГМИЛИКА. ОФ. Ед. хр. 416/4. Л. 1.

Гребенщиков обводит слово «Егоркою» и заменяет его на «автором»²⁴⁹, максимально нивелируя тем самым дистанцию между автором и заглавным персонажем.

Нам представляется, что центральным в плане жанровой специфики «Егоркиной жизни» является вопрос о соотношении элементов автобиографической повести и житийной автобиографии и тот эффект, который возникает при синтезе этих жанровых моделей.

Создавая «Егоркину жизнь» на протяжении нескольких десятилетий, Гребенщиков ориентировался на самые разные агиографические и литературные образцы. Одним из важнейших источников книги стала автобиографическая трилогия Горького, ориентация на которую исследована Т.Г. Черняевой²⁵⁰. К ее наблюдениям можно добавить, что в жанрово-стилевом отношении горьковская трилогия послужила своего рода резервуаром для придания жизнеописанию Гребенщикова черт жития. Чтобы продемонстрировать продуктивность сочинений Горького в этом отношении, приведем крайне любопытный типологически сходный пример. Е. Добренко, рассуждая о процессе агиографизации автобиографической трилогии Горького в экранизациях Марка Донского, показывает, что главным приемом режиссера стали монтажные стыки и переделки, выводящие потенциально присутствующую у Горького житийную сюжетную схему из «латентного состояния», в результате чего «[о]тобранные сцены выстраиваются в новый, уже агиографический сюжет путем монтажа идеологем-блоков»²⁵¹. Перед Горьким не стояло задачи создания собственной агиобиографии – для её появления понадобилась фигура режиссера-«посредника». Гребенщиков, отчетливо поставив перед

²⁴⁹ Там же.

²⁵⁰ Черняева Т.Г. Творчество Г.Д. Гребенщикова: сибирский период. С. 34–40. Исследовательница считает, что «замысел Гребенщикова <...> в определенной степени был полемически противопоставлен» горьковской трилогии и «художественным биографиям тех писателей, которые "эксплуатировали" мрачные стороны жизни низших сословий», например, «Повести о днях моей жизни, моих радостях и злоключениях» И. Вольнова (Там же. С. 34).

²⁵¹ Добренко Е. (Автобио/Био/Агио)графия, или Жизнь как жанр // Добренко Е. Музей революции: советское кино и сталинский исторический нарратив. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 214, 217.

собой эту задачу, решал ее самостоятельно, но с помощью схожих принципов – тщательного подбора и монтажа (как и М. Донской) мифологизированных фактов собственной биографии, репрезентированных отчасти сквозь призму горьковской трилогии.

Ориентация на писательскую мифологию Горького²⁵² обусловлена, вопервых, сходством биографических условий (бедность, тяжелое детство, ранняя необходимость трудиться и т.д.). Во-вторых, Гребенщиков описывал отношения с Горьким в терминах ученичества, именуя маститого литератора своим «первым учителем» и «первым литературным вождем» (4, 478). Экзотическая для своего времени в «большой» литературе репутация «пролетарского писателя», принесшая Горькому литературный и социальный успех²⁵³, была, как показывают исследователи, важнейшим хронологически близким образцом, который Гребенщиков учитывал, работая над мифологией «крестьянского писателя»²⁵⁴.

Жанровая традиция житийной автобиографии — к образцам которой типологически тяготеет книга Гребенщикова — генетически восходит к житиям протопопа Аввакума, Епифания и Елеазара Анзерского — первым автоагиографическим текстам русской культуры. М.Б. Плюханова отмечает, что «[п]оявление автоагиорафических произведений не означало еще секуляри-

²⁵² В науке довольно подробно описана парадигмальность для писателей-разночинцев начала XX в. фигуры Горького, «который становится русским писателем № 1 в первом десятилетии XX в. и уже этим фактом стимулирует других литераторов из низов повторить свой успех» (Рейтблат А.И. Русская литература как социальный институт. С. 29).

²⁵³ Как отмечал Б.М. Эйхенбаум, «[у]спех Максима Горького вначале имел не столько литературный, сколько социальный характер. В русской литературе явился какой-то самовольный писатель, самоучка, не интеллигент, не земец и даже не разночинец. Важно было не столько то, что он писал о "босяках", сколько то, что он сам жил в этой среде и из нее вышел» (Эйхенбаум Б.М. Писательский облик М. Горького. С. 114).

²⁵⁴ Об отношениях начинающего сибирского литератора с автором «Жизни Клима Самгина» см.: Примочкина Н. «Первым своим учителем считаю М. Горького» (М. Горький и Георгий Гребенщиков: к истории литературных отношений) // Новое литературное обозрение. 2001. № 48. С. 146–157; Примочкина Н.Н. «В небрежном отношении – не повинен» (Г. Гребенщиков) // Примочкина Н.Н. Горький и писатели русского зарубежья. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 137–150; Суматохина Л.В. М. Горький и писатели Сибири. С. 6–40.

зации объекта прославления»²⁵⁵. Скорее эти тексты знаменовали обратный процесс – автосакрализацию²⁵⁶. Автор автоагиорафического текста не профанирует объект житийного прославления, а сакрализует объекты, ранее являвшиеся профанными, – собственные личность и биографию. «Автоагиография стала возможна и житие стало описывать человека не потому, что оно секуляризировалось, а потому, что человек был поднят над сферой профанного, в которой до сих пор преимущественно пребывал»²⁵⁷.

Трудно сказать, читал ли решавший задачу подобного рода автосакрализации Гребенщиков Епифания и Елеазара Анзерского. Однако он, безусловно, был хорошо знаком с житием протопопа Аввакума, более того, высоко ценил Аввакума как писателя²⁵⁸. Вместе с тем Гребенщиков заимствовал у него не столько конкретные элементы мотивной структуры, сколько сам принцип соединения житийного и автобиографического начал.

Автор «Егоркиной жизни» опирался также на более поздних авторов, с самого начала встраивая свое произведение в контекст русской классики. Так, в стихотворном «Посвящении» содержатся отсылки к «Евгению Онегину»²⁵⁹, а в самом начале первой главы четко обозначено следование модели толстовского автобиографического нарратива: «Егоркина жизнь» – «биографи[я] <...> детства, отрочества и отчасти юности» (6, 9–10). Но, по сравне-

²⁵⁵ Плюханова М.Б. К проблеме генезиса литературной биографии // Ученые записки Тартуского государственного университета. Выпуск 683. Литература и публицистика. Проблемы взаимодействия. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1986. С. 128.

²⁵⁶ Подробнее о феномене автосакрализации см.: Плюханова М.Б. О национальных средствах самоопределения личности: самосакрализация, самосожжение, плавание на корабле // Из истории русской культуры. 2-е изд. М., 2000. Т. 3: XVII – начало XVIII века. С. 380–459.

²⁵⁷ Плюханова М.Б. К проблеме генезиса литературной биографии. С. 128. О феномене «пансакрализации» см. также: Ранчин А.М. Автобиографические повествования в русской литературе XVI – XVII вв. (*Повесть* Мартирия Зеленецкого, *Записка* Елеазара Анзерского, *Жития* Аввакума и Епифания): проблема жанра // Ранчин А.М. Вертоград Златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. С. 233–247.

²⁵⁸ В том числе как автора травелога – любимого Гребенщиковым жанра. В «Моей Сибири» читаем: «святитель Аввакум <...> оставил самое лучшее литературное описание своего путешествия в Сибирь» (Гребенщиков Г.Д, Моя Сибирь. Барнаул, 2002. С. 43).

²⁵⁹ Ср. вполне «пушкинскую» характеристику книги как «плода», погруженную, впрочем, в совсем иной, патриотически-серьезный, контекст: «Сей плод любви к родной стране я посвящаю <...>» (6, 9).

нию с трилогией Толстого и тем более с пушкинским романом в стихах, Гребенщиков предельно сокращает дистанцию между автором и персонажем. Это достигается, во-первых, с помощью полного тождества не только имен автора и главного героя (Егорка = Георгий), но и всех остальных персонажей и их прототипов; во-вторых, соответствием фактографического материала канве биографии писателя, изложенной в его «автобиографическом» письме Клейнборту.

Егорка является литературной «маской» автора, призванной решить, как кажется, центральную прагматическую задачу Гребенщикова — создание автоагиографического текста с чертами жития-мартирия, подводящего итог длительной работе по формированию собственной литературной биографии. Однако этот прямолинейный ход (полное отождествление автора с персонажем житийной автобиографии, неминуемо создающее эффект самосакрализации) отчасти снят риторическим отождествлением персонажа с народом:

Затянулась наша повесть. Такая длинная история о таком маленьком человеке. Пора ее кончать. <...> Без преувеличений и без ненужных, унижающих человека преуменьшений примем эту жизнь так, как она здесь рассказана, как жизнь одного из сынов простого и все-таки великого народа. Ведь о народе и был наш главный сказ (6, 286).

Гребенщиков, активно прибегнувший к использованию мотивнотематического репертуара агиографической литературы, реализовал в «Егоркиной жизни» практически все элементы структуры преподобнического жития²⁶⁰: рождение от «христолюбивых родителей» (этому критерию соответствует только набожная и «богомольная» мать, мечтающая постричься в монахини (6, 96), но нерелигиозный отец описан как добрый, мягкий; его грубость детерминирована жизненными обстоятельствами); исключительность героя и проявление склонности к избранному пути с детства (изначальная предназначенность служению, открывающаяся матери и ему самому); неуча-

²⁶⁰ Мы опираемся по преимуществу на описание структурно-типологической модели преподобнического жития, предложенное В.К. Васильевым на основе генерализации опыта предшествующих исследователей. См.: Васильев В.К. Сюжетная типология русской литературы XI–XX веков (Архетипы русской культуры): учеб. пособие. Ч. І. Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2005. С. 39–40.

стие в детских играх (как и в праздниках взрослых); ранние (относительно других деревенских детей) успехи в освоении грамоты и христианского учения (замещенное в повести особой религиозной чувствительностью); искущения; аскетизм; теофания; уход из родительского дома. Целиком отсутствует лишь описание кончины, а изображения чудес ограничены прижизненными примерами, поскольку жизнеописание Егорки длится до восемнадцати лет.

С точки зрения трансформации житийного канона здесь наиболее интересны два момента. Во-первых, Гребенщиков инвертирует этикетный прием самоуничижения средневекового агиографа, артикулировавшего собственную ничтожность по сравнению с объектом описания. Здесь же, напротив, автор извиняется перед читателем за «ничтожность» заглавного героя, аналогично тому, как это делает Ф.М. Достоевский в романе «Братья Карамазовы» Вы» 1 предуведомлении «От автора» читаем:

хотя я и называю Алексея Федоровича моим героем, но, однако, сам знаю, что человек он отнюдь не великий, а посему и предвижу вопросы вроде таковых: чем же замечателен ваш Алексей Федорович <...>? Что сделал он такого? Кому и чем известен? Почему я, читатель, должен тратить время на изучение его жизни? 262 .

Характерно, что Гребенщиков помещает схожий пассаж не в начало произведения (как у Достоевского), а в его конец. Достоевский «признается» в отсутствии аргументов, объясняющих необходимость внимания к герою романа, объясняя наличие предуведомления авторской «вежливостью» и

²⁶¹ Эта параллель усиливается разнообразными отсылками к «Братьям Карамазовым», обнаруживающимися в других произведениях Гребенщикова. А.П. Казаркин обоснованно писал об ориентации персонажной системы романа «Чураевы» на последний роман Достоевского. См.: Казаркин А.П. Сибирская областная эпопея // Сибирский текст в русской культуре. Томск, 2002. С. 67 и сл. Эта идея исследователя нашла продолжение в работе: Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX — начала XX века: Особенности становления и развития региональной литературной традиции. С. 271 и сл. В позднейшей статье «Нормально ли современное человечество» (1950-е) Гребенщиков, говоря о современном атеизме, характеризует эпоху взятыми в кавычки словами «все позволено» (ГМИЛИКА. ОФ. 56739/223. Л. 2), создающими интертекстуальную перекличку со знаменитыми размышлениями Ивана Карамазова.

²⁶² Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 14. Л.: Наука, 1976. С. 5. Ср. общую трансформацию житийных традиций в романе.

«хитростью». Гребенщиков же, поставивший своей задачей попытку написания своеобразного коллективного жития, жития «простого народа», поясняет необходимость «тратить время» на «изучение жизни» своего героя тем, что оно эквивалентно изучению народа, поскольку Егорка концептуализируется как его метонимия.

В самом начале книги возникает мотив исключительности Егорки, основанной на его принадлежности к «народному телу»: «избрали мы Егоркину жизнь не потому, что он сын бедняка и что жизнь его полна будет обидами и нищетой, а потому, что < ... > хлеб его выкормит, вода вымоет, а что из него выйдет – гадать не будем. А главное, потому, что повезло Егорке родиться в той среде, в которой он рос, как в бурьяне, пропахший горькою травойполынью, а полынь, как известно, даже и коровы не едят, а блохи от полыни скачут во все стороны» (6, 18). Образ Егорки, в полном соответствии с житийным текстом, подан как исключительный. Но понимание этого доступно только его матери²⁶³: «Ни сам он, никто из его ближних не могли предвидеть, что к чему. И только мать его <...> понимала, что в Егорке что-то дано ей в утеху» (6, 93). Мать «[н]аметила <...> его Богу посвятить, а как – не знает. Боится, что при следующих родах умрет, а до этой воли Божией хотелось ей свою волю как-то закрепить». Но Божий Промысел помогает матери разгадать предназначение Егорки: «Но когда шла домой, воля Божья сама постучалась в ее раскрытое сердце просто и тепло: "Подрастет, отдам его в ученье, поручу его Воле Божьей". Кто же это так просто и твердо сказал в ней или над ней? Даже и мечтой угадывать не посмела» (6, 97).

Провиденциальность егоркиной судьбы подчеркнута, помимо прочего, тем, что его жизнь постоянно подвергается опасности, но он каждый раз остается в живых: мальчик выздоравливает после тяжелой и затяжной болезни (вопреки ожиданиям матери), он спасается во время смертельной опасно-

²⁶³ Исключительность героя рифмуется с неординарностью его матери. Например, мудрому деревенскому старику Вяткину она кажется «необычайной, не простой, не малограмотной, а очень сильной мудростью, и мудрость ее в простоте и в <...> чистой покаянной кротости» (6, 97).

сти на сплаве бревен и т.д. Моменты опасности, потенциальной смерти и ее преодоления приобретают (и в логике сюжета, и в прямых авторских высказываниях) телеологическую окраску: Егорка не умирает в силу своего особого предназначения. В соответствии с логикой синтеза двух дискурсов – агиографического и автобиографического – этот житийный мотив ослабляется беллетристической декларацией авторского «незнания» судьбы героя: «пересмотрим прошлое Егорки, которому, быть может, суждена долгая и полная еще более пестрых приключений жизнь» (6, 287). Егорка не выбирает свою судьбу, он, подобно житийному святому, изначально предназначен для миссии, которая нуждается только в расшифровке, прозрении²⁶⁴.

Исключительность героя коррелирует с его обособленностью: как и святой, Егорка не участвует в окружающих его играх, забавах и празднествах. Эта выключенность из органичного и «нормального» для ребенка контекста может иметь различные мотивировки: с соседскими детьми Егорка не играет потому, что не может оставить без присмотра младшего брата (6, 84); в веселой и шумной свадьбе своей тетки он «[о]дин оставался не у дел», потому что у него не было сапог (6, 166). Житийная мотивировка здесь ослабляется (святой не играет со сверстниками потому, что он изначально изъят из «профанной» сферы, Егорка не имеет возможности включиться в эту сферу), но семантика остается прежней.

С отмеченной выделенностью героя из своей среды и семьи контрастирует его жалкий вид — духовная чистота находится в диссонансе с телесной грязью и болезнями. «[В]ид Егорки <...> постоянно жалкий»:

ноги его в цыпках [цыпки и сопли — постоянные атрибуты первых лет жизни героя. — $A.\Gamma.$], грязные и в ссадинах, то ноготь сорван, то колено распухло от ушиба, то где-нибудь сидит на его теле мучительный чирей»; «ни Миколка, ни Оничка, ни даже маленькая Фенька [брат и сестры Егорки. — $A.\Gamma.$] никогда не бывают такими жалкими (6, 93; 94).

²⁶⁴ По словам М.Б. Плюхановой, «[в]ажнейшая особенность традиционной агиографической системы состоит в том, что не герой жития выбирает святость, а святость уже выбрала его прежде, чем он стал объектом житийного прославления» (Плюханова М.Б. К проблеме генезиса литературной биографии. С. 122).

Показательно, что Гребенщиков нигде однозначно не говорит о том, к какому служению именно предназначен его герой. В мечтах матери ориентир для Егорки – судьба Ломоносова: «Ведь летят же птицы – на лето из теплых стран на север, а на зиму опять же на теплые моря далекие... Ведь не все же сказки, и не все из книжек вычитала... Был же и Михайла Василич Ломоносов из бедняков... Это у Елены уже зарождается мечта о будущей судьбе Егорки» (6, 95). В то же время провиденциальную функцию «небесного покровителя» Егорки выполняет Пушкин, чей образ контаминируется в сознании героя с фигурой его матери, в «буранливую ночь» читающей в избе «Буря мглою небо кроет...»:

постучался кто-то столь родной и близкий и столь великий, столь все понимающий и знающий все подробности их жизни, что он никогда-никогда их не оставит, а Егорку поведет через тернистые пути его будущей жизни и поможет, поможет все перенести, все вытерпеть (6, 141).

Это дает основания интерпретировать «Егоркину жизнь» как своего рода литературный мартиролог. Характерно, что знание и его источник — школа — наделены в тексте семантикой святости. Так, учительница прямо названа «святой» 265 (6, 296). В сознании Егорки святость синонимична красоте. Поэтому учительница, которая сравнивается с матерью (изначальным эталоном «красоты» и «святости» для героя), оказывается «красивее» и, следовательно, «святее» последней 266. С учительницей также связана любопытная художественная манифестация гребенщиковского литературоцентризма (о котором подробнее будет говориться в третьей главе) — ее красота рифмуется с «идеальной красоты прописны [ми] букв [ами]», символизирующими знание, которые она выводит на доске. Впоследствии учительница «никогда не вышла замуж, может быть, из-за руки [поврежденной в юности. — А.Г.], а может быть, потому, что отдала себя школе, как монастырю» (6, 297). Егорка приходит в школу раньше других ребят и уходит позже, потому что школа — это

мая святая во всем мире для меня» (6, 296).

²⁶⁵ Ср. в письме Клейнборту: «В учительницу был влюблен, <как> в святую, и все ее слова запоминал как заповедь» (Гребенщиков Г.Д. Письма (1907–1917). Книга вторая. С. 35).

²⁶⁶ Ср. характеристику учительницы в «Послесловии»: «Может быть, самая красивая и са-

пространство святости и чистоты, контрастирующее с локусом «греха» — домом 267 , где он обнаруживает грубое обращение отца с матерью; ссоры, вызванные нищетой и т.п.

Функцию помехи в учении (как в агиографическом тексте — помехи в изучении церковных книг и служении Христу) выполняет член семьи²⁶⁸. Брат Миколка издевается над Егоркой и даже бьет его за то, что тот учится в школе²⁶⁹. «Егоркины книжки и тетрадки раздражали Миколку, и он все грозился сжечь их, да матери побаивался, хотя и на нее косился — это ее затея из Егорки "писаря доспеть"». Остальные жители деревни тоже высмеивают Егоркученика, называя его «конторским» (6, 184, 214).

Ключевым аргументом в пользу исключительности героя, соотнесенным с мотивом прозрения им собственной судьбы, является визионерство (ср. визионерство Аввакума²⁷⁰). Во время продолжительной болезни ослабевшего Егорку привозят на пашню. Там происходит теофания, подготовленная и мотивированная пограничным состоянием героя: «в это незабываемое утро маленькой душе Егорки, едва теплившейся в иссохшем в долгом, невинном страдании тельце, открылся Бог во всем Своем сиянии, во всей Своей беспредельности и светозарной красоте» (6, 181).

 $^{^{267}}$ Ср. сгущение темы, приводящее к описанию школы как рая в том же письме: «Любил в школу приходить раньше других, особенно весной, и чувствовал себя в ней как в раю. Особенно после того домашнего греха, в котором постоянно <...> находилась моя семья» (Гребенщиков Г.Д. Письма (1907–1917). Книга вторая. С. 35).

²⁶⁸ Аналогичный конфликт был разработан Гребенщиковым уже в пьесах «Сын народа» (где содержатся сцены притеснения главного героя Федора Правдина отцом и старшим братом Савелием за чтение книг) и «Джаксы джигит» (где аналогичный конфликт выражен менее отчетливо).

²⁶⁹ Исследователь древнерусской книжности отмечает «[3]начимость родственных <...> отношений святого и его врагов для сюжета страстотерпческой агиографии» (Ранчин А.М. «Дети дьявола»: убийцы страстотерпца // Ранчин А.М. Вертоград Златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 122).

²⁷⁰ О видении Аввакума, структурирующем в его сознании собственную жизнь как единый текст, и придающем ему телеологическое измерение, см.: Ранчин А.М. Автобиографические повествования в русской литературе XVI – XVII вв. (Повесть Мартирия Зеленецкого, Записка Елеазара Анзерского, Жития Аввакума и Епифания): проблема жанра. С. 242 и сл.

Там же, на пашне, происходит видение Егорки: плывущее по нему облако оказывается ангелом.

Внизу сверкала тихая речка возле мельницы <...> и уплывающее вдаль белое облако <...> смеялось оттого, что унеслось уже так далеко – никто не догонит, не поймает. Тут Егорка прищурил глаза – подождите! Это же ангел Божий летит. Самый настоящий, с перистыми, заостренными на концах крыльями. <...> Есть ангелы! Есть! Егорка от усталости закрыл глаза и не мог их открыть. Сон одолевал его (6, 181–182).

Другое видение героя происходит во время сплава брёвен:

Он видел сон наяву. <...> Егорка как будто задремал на своем коне, и ему казалось – откуда-то из книжек – он видит на себе отражение былинной правды, он взрослый и даже очень старый, старый человек... Нет, он не богатырь, перед распутьем трех дорог, он неизвестный, безымянный старый человек, которому суждено увидеть все, что сейчас перед ним, и понести эту правду-быль из века давно-давно прошедшего в века, далеко уходящие в будущее. Вот именно здесь, на этой высоте, он впервые вырос в высоту недетского прозрения: он все это унесет с собой далеко в пространстве и во времени (6, 212).

Еще одно видение является Егорке по дороге в город, куда он отправляется с отцом. На третий день пути, «под вечер на ровном и туманном горизонте, на желто-красном предзакатном небе показалось нечто странное, невиданное — город» (6, 221). Это видение города оказывается псевдовидением: впервые видевший город Егорка принял за мираж реальные очертания Семипалатинска. Однако в жизни Егорки было и настоящее видение города: однажды «в полудремоте или в бреду» Егорка видел «неправдишное небо и неправдишный город, но тонкий и прозрачный, насквозь был виден весь, как сотканный из полотна».

Нам представляется, что это странное видение, в котором оказалось «много мечетей, больше, нежели церквей» (там же), можно объяснить двояко. Во-первых, Егорка прозревает свое попадание в Семипалатинск, «одноэтажную деревянную столицу прииртышской Киргизии» (6, 243). Не случайно одно из первых городских впечатлений мальчика – вид татарского муллы рядом с мечетью и звуки утреннего намаза, раздающиеся со всех «отдаленных концов города» (6, 223). В то же время доминирование мечетей над православными храмами отсылает к важнейшей для историософской рефлексии

Гребенщикова эпохе татаро-монгольского ига. Такое прочтение поддерживается «подсвеченностью» образа другого литературного alter ego автора – визионера и историософа Василия Чураева – фигурой прп. Сергия Радонежского, святого-духовидца, с чьим именем привычно ассоциирована победа над игом. Сергий является Василию и разрешает сложности историософской концепции героя, ищущего телеологического оправдания жестокостям и крови Московского царства. «Когда Василий вышел [из старообрядческой церкви на Рогожском кладбище. – $A.\Gamma.$] <...> и вдохнул в себя струю свежего воздуха, над ним раздался мощный благовест и, как живой, встал образ Сергия Радонежского. Вот о ком забыл он, когда обвинял Московскую Русь»; вслед за этим колокольня храма кажется Василию «похожею на сказочного гиганта-витязя, смотревшего с горы куда-то вдаль». «Могучий витязь точно ожил. В красной кольчуге, в тяжелом сером шлеме с остроконечным верхом, заканчивающимся золотым крестом, он зычно повторял какое-то одно могучее, большое, еще никем не понятое слово»²⁷¹. Примечательно, что герой расшифровывает этот символ как призыв возвращаться домой, в родную кержацкую деревню (это возвращение будет предшествовать окончательному разрыву Василия с семьей).

Принципиально важно это сгущение визионерской мотивики — героюдуховидцу предстает святой, тоже в свою очередь являющийся визионером. Как показал Г.П. Федотов, Сергий Радонежский был первымв русской агиографии визионером, имевшим видения не только темных сил²⁷². Выше мы уже отмечали, что Гребенщиков наиболее точно следует канону преподобнического жития. Как нам представляется, центральным агиографическим источником «Егоркиной жизни» стало как раз житие Сергия Радонежского —

 $^{^{271}}$ Гребенщиков Г.Д. Чураевы: Братья Чураевы. Роман в трех частях. Спуск в долину. Роман. С. 138.

²⁷² Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М.: ТЕРРА; «Книжная лавка – РТР», 1997. С. 133 и сл. В ранней русской агиографии видения «являлись искушением»; кроме того, святые могли быть наказали «ложными видениями» за «[в]ысокомерие чрезмерных подвигов» (Плюханова М.Б. К проблеме генезиса литературной биографии. С. 124).

главного, по мнению писателя, святого в отечественной истории²⁷³. Егорка, как и древнерусский святой, с детства наделен особым зрением²⁷⁴, которое позволяет ему предвидеть свое предназначение.

Переездом в город, являвшийся мальчику в его видениях, символизирован окончательный отрыв от семьи, автономность героя и начало его «служения». В житиях осуществлению подвижнического пути святого предшествует его пространственное перемещение — удаление его «от мира» (в монастырь, скит и т.п.). В «Егоркиной жизни» перемещение героя (из деревни в город) выполняет иную функцию — приобщение его к миру знания, сосредоточенного в городском локусе. Вся городская жизнь Егорки описана с помощью метафоры лестницы — как «восхождение» со ступени на ступень. Повышение Егорки по службе в аптеке, сопровождаемое перемещением из подвала в саму аптеку, «было <...> для него как бы восхождением от земли к небеси» и рождает намерение переодеться в «новые рубашку и штаны» — «[н]адо быть чистеньким» (6, 253).

Такая пространственная семиотика, восходящая к традиции средневековых текстов²⁷⁵, позволяет автору показать путь своего героя как постепенное восхождение от «тьмы» (греха, невежества) к «свету» (святости, знанию)²⁷⁶. Но житийный мотив избранности героя, телеологически структурирующий его судьбу от рождения до смерти, остался не реализованным, поскольку повесть обрывается главой «Первая любовь», в которой герой представлен в восемнадцатилетнем возрасте.

²⁷³ Особое отношение Гребенщикова к Сергию Радонежскому и различные средства его репрезентации будут обсуждаться в 3.3.

²⁷⁴ Ср. наделение зрения функцией главного анализатора и связанную с этим особую значимость в тексте точки зрения: название первой главы — «Что первое увидели глаза»; последний абзац художественной части текста: «Возьми, Господи, мой разум, мою память, мой слух и все иные Твои блага, но оставь мне по ту сторону жизни глаза мои <...> Ибо глазами возлюбил я и благословил всю мудрость творения Твоего... Глазами я увидел небо на земле» (6, 9; 291).

²⁷⁵ См.: Лотман Ю.М. О понятии пространства в русских средневековых текстах // Лотман Ю.М. О русской литературе. С. 112–117.

²⁷⁶ Ср. отмеченную в 1.1. метафорику «света» и «тьмы» в более ранних вариантах (авто)биографического нарратива Гребенщикова.

Тема греховности города (контрастирующей с «чистотой» деревни), в «Егоркиной жизни», по сравнению с житийными образцами (как и в романе «Чураевы»), ослаблена. В городе, который в житиях с их бинарной пространственной семиотикой обычно изображался как локус греха, набожный Егорка сталкивается с искушениями. Важно, однако, что искушения, как и переживания собственной греховности сопровождали героя уже в детстве, прошедшем в деревне. Так, на праздничных катаниях с горки мальчик поцеловал, по обычаю, поповскую дочку Маничку, которая рассердилась на этот поцелуй. После этого Егорка несколько недель мучился, не мог заниматься в школе и считал себя «грешником», будучи «уверен, что батюшка не даст ему Причастия. Если батюшка не простил, то и Бог не простит» (6, 196). Религиозность героя репрезентирована также его переживаниями во время литургии. В Страстную Субботу «[н]овым с головы до ног и новым изнутри почуял себя Егорка, когда они подходили к храму» (6, 250). Лицо Егорки изображается как лик:

когда из церкви полился поток света, <...> Егоркино лицо, подернутое белым пушком, такое еще детское и чистое, озарилось не только светом его собственной свечи, но и сиянием настоящего счастья (6, 251).

Через несколько лет после отъезда Егорки в город происходит его встреча с матерью. Этот эпизод с точностью дублирует житийные образцы. Узнав от богомолок, что мать, идущая в сопровождении других странниц «на богомолье к Абалацкой Божьей Матери», Егор выходит навстречу и на пыльной дороге перевязывает ей и другой женщине ноги, стертые песком, набившимся «в пыльные обутки»²⁷⁷. После чего герой вместе с паломницами идет в обитель, где проводит «весь следующий день, истратил все свои лекарства, не хватило ни бинтиков, ни присыпок. После посещения обители яснее становится мечта Егорки – лечить «больных и страждущих», которых «много не только в больницах, но и при святых обителях» (6, 265, 267, 268).

²⁷⁷ Эти мотивы с очевидностью восходят к евангельскому топосу врачевания и омовения ног. См., например, сцены омовения ног Иисуса Марией Магдалиной (Иоанн 12: 1–8) или омовения Иисусом ног апостолов (Иоанн 13: 1–20).

Таким образом, традиционный евангельский (и впоследствии — житийный) мотив способности героя к врачеванию служит одной из нарративных рифм, придающих схожесть образам Егорки и его матери: Егорка наследует от матери особую чуткость и любовь к людям; эта любовь реализуется в его врачебной службе (в частности, в помощи матери и другим паломницам); незадолго до смерти у матери открывается особый дар к исцелению²⁷⁸. Любопытно при этом, что Егорка, постоянно находясь рядом с инфекционными больными, остается здоровым. Мать же его, «видимо, простудившись или заразившись от больных, внезапно умерла в тридцати верстах от дома» (6, 294). Сам герой находился от дома намного дальше, но избежал опасности, что можно расценивать как чудо, эквивалентное чудесам, сопровождавшим жизнь и посмертие святых²⁷⁹.

Егорка, после многочисленных городских «мытарств» работающий в больнице, регулярно наблюдает натуралистически описанные телесные страдания. Этот мотив плотских страданий, которые герой помогает врачевать, поддержан мотивом своеобразного «умерщвления» им собственной плоти (переосмысленный вариант житийного мотива). В отличие от сознательного «умерщвления плоти» святым (являющегося актом подражания Страстям Христовым), аскетизм Егорки²⁸⁰, акцентируемый автором, не является осознанным — он обусловлен внешними причинами и особой «стыдливостью» героя. Егорка не любил книги «о любви», потому что в больнице, где он был учеником фельдшера, он «отвратился от любви» (6, 256). Причины этого содержатся в двух эпизодах. Первый — вскрытие молодой красивой девушки, соблазненной, брошенной и покончившей жизнь самоубийством. Второй — восходящая к агиографическому сюжету соблазнения святого блудницей

²⁷⁸ «Она всегда всем помогала чем могла. А последние годы ездила лечить и повивать по множеству окрестных сел и деревень. Слава о ее лечении была так велика, что и врачи с нею дружили» (6, 294).

²⁷⁹ Ср. в письме Клейнборту: «Здоров я был на удивление. Меня запрут в палату с рожистым, или с "сибирской язвой", или с пятнистым тифом, и я хоть бы подумал об опасности. Теперь я с ужасом вспоминаю, что 300 раз мог заразиться. Однако — Бог хранил» (Гребенщиков Г.Д. Письма (1907–1917). Книга вторая. С. 36).
²⁸⁰ Ср. декларации аскетизма самого автора (4, 466; 5, 375).

«шутка» помощника фельдшера Виктора, заманившего Егорку в палату с проститутками, одна из которых была в этот момент обнаженной. Помимо того, что зрелище вивисекции содержало в себе момент религиозного искушения²⁸¹, последнее событие «хуже, нежели от мертвого трупа девушки, отвратило его от живой женской плоти» (6, 259–261). Впоследствии Виктор «не успокоился и <...> стал добиваться, чтобы Егор заменял его при осмотре доктором девиц, а их приезжало около двадцати» (6, 261). Учитывая наличие в структуре «Егоркиной жизни» сюжетно-стилевых клише различных житийных канонов, можно утверждать, что сюжетное задание Виктора как искусителя Егорки, одновременно эквивалентно функции бесов, искушающих святого, и функции врага святого-страстотерпца²⁸². Характерно, что в образе Виктора проявлена семантика зооморфного, репрезентированная прежде всего мотивом волос²⁸³: «самый неприятный человек в больнице. Низенький, сухой и прыщеватый, с прямыми космами, падающими на глаза, он ходит, склонивши голову и смотрит на людей не прямо, а как-то сбоку и сквозь космы черных волос» (6, 259). Помимо «лохматости», Виктор наделен еще одной инфернальной чертой – искаженной перспективой взгляда («не прямо, а как-то сбоку и сквозь космы»)²⁸⁴. Любопытная мотивная перекличка с эпи-

 $^{^{281}}$ Ср. в письме Клейнборту: «Тогда я очень верил в Бога, в бессмертие души, и вид изрезанного человеческого тела оскорблял меня. Не выдержал я больничной обстановки» (Гребенщиков Г.Д. Письма (1907–1917). Книга вторая. С. 37).

²⁸² А.М. Ранчин указывает, что «[р]оль антагонистов святого-страстотерпца в "протосюжете" о его убиении <...> исключительно велика. Она связана с "анти-", "нечеловеческими" характеристиками убийц» (Ранчин А.М. «Дети дьявола»: убийцы страстотерпца. С. 127).

²⁸³ Ср. описание «волосатого» героя романа «Чураевы» учителя Мальчевского, «ушедш[его]» «из рода человеческого в звериное сословие» (Гребенщиков Г.Д. Чураевы: Сто племен с единым. С. 124). О «лохматости» дьявола, к фигуре которого восходят подобные «инфернальные» персонажи, см.: Махов А.Е. Сад демонов — Hortus daemonum: Словарь инфернальной мифологии Средневековья и Возрождения. М.: INTRADA, 1998. С. 75.

²⁸⁴ Подобно гоголевскому Вию, вероятному источнику образа, Виктор не способен видеть, не произведя предварительно специальный жест «прозрения»: «То одною, то другою рукою он все время подбрасывает волосы назад, а они тотчас же падают» (6, 259). Ср.: «Подымите мне веки: не вижу!» (Гоголь Н.В. Вий // Гоголь Н.В. Собр. соч.: в 7 т. / Под общ. ред. С.И. Машинского и М.Б. Храпченко. Т. 2. М.: Художественная литература, 1976. С.

зодами издевательств Виктора над центральным персонажем содержится в одном из описаний жалкого внешнего вида маленького Егорки, другие примеры которого приводились выше. «[Р]убашка у него всегда разорвана на животе, запачкана потеками от арбуза или дыни, так что мухи постоянно его одолевали» (6, 93). Этот фрагмент содержит богатую мифопоэтическую семантику – как известно, в христианской традиции за мухой закреплено значение «носительницы зла, моровой язвы, греха <...>»²⁸⁵. Мухи, «одолевающие» героя в детстве, в этой перспективе отчетливо рифмуются с зооморфным искусителем юного Егорки. Итак, этот мотивный комплекс актуализирует типичную для жития-мартирия коллизию мученика и его мучителя и одновременно мотив бесов, искушающих святого в преподобническом житии и тем самым мотивирующих аскетизм последнего.

Аскетизм героя проявлен и в любовном сюжете. Первая любовь Егорки описана с обильным использованием романтической топики, подчеркивающей литературно окрашенную «святость» любовного переживания в сознании героя. Плоть для него по-прежнему одухотворена: «он как-то сразу был поднят на вершину обожания. <...> Он просто сразу, тут же, без раздумий, в одну минуту убедил себя, что он никогда не должен прикасаться к ней, потому что он ее не стоит...». Аннушка, в которую влюбился Егор, вскоре вышла замуж за станового пристава, «серьезного, взрослого». Он же в своей молитве говорит, что «первую любовь свою не оскорбил даже помышлением» (6, 290, 291).

В повести отсутствуют какие-либо признаки физической, «плотской» любви. Не случайно последней главой становится «Первая любовь», где чувство героя описывается как обожание идеала. «Стыдливость» Егорки, его аскетизм функционально соответствует аскетизму святого и отказу последнего от брака — структурно необходимым элементам преподобнического жития.

^{179).} В обоих случаях антагонист стремится погубить главного героя либо физически – как Вий, либо духовно – как Виктор.

²⁸⁵ Топоров В.Н. Муха // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Рос. энциклопедия, 1994. Т. 2. С. 188.

Таким образом, синтезируя нарративные стратегии автобиографической повести и автоагиографии, Гребенщиков создал произведение, жанр которого точнее всего было бы определить как житийная автобиография. «Егоркина жизнь», построенная по агиографическим сюжетным лекалам, является фактом своего рода самосакрализации. Согласно проницательному наблюдению Е. Пономарева, «общей тенденцией второй половины 1920-х – первой половины 1930-х становится осовременивание религиозной проблематики <...> Популярный жанр – "новое житие" – приобретает ряд беллетристических черт. "Житийное" и "литературное" смешиваются» 286. Книга Гребенщикова четко вписывается в этот контекст. К моменту ее написания Гребенщиков уже имел опыт «смешивания» житийного и литературного начал. Агиобиография «Радонега» была написана Гребенщиковым в 1930-е гг., «когда начинается волна биографий русских деятелей искусств (преимущественно писателей), религиозная энергия, по слову Н.А. Бердяева, "переключается" и на них», в результате чего «[б]иографии русских писателей получают яркую житийную окраску»²⁸⁷. Гребенщиков «переключает» эту энергию на собственную фигуру, проходя путь от агиобиографа («Радонега») до автоагиобиографа («Егоркина жизнь»), что соответствует общей динамике жанра житийной биографии в культуре диаспоры: после Второй мировой войны он «затухает», а в оставшихся образцах²⁸⁸ «[н]аправленность текста на жизнь биографа становится < ... > основной чертой»²⁸⁹.

Слой мессианских, провиденциальных мотивов, связанных с судьбой Егорки, явственно соотносится с размышлениями об особом предназначении диаспоры и участи писателя-изгоя внутри нее, регулярно озвучиваемыми в публицистике и эпистолярии Гребенщикова эмигрантского периода. Этому будет посвящена следующая глава.

 $^{^{286}}$ Пономарев Е. Россия, растворенная в вечности. Жанр житийной биографии в литературе русской эмиграции // Вопросы литературы. 2004. № 1. С. 95. 287 Там же. С. 95, 96.

²⁸⁸ Таких, например, как романы-биографии Б.К. Зайцева «Жуковский» (1951) и «Чехов» (1954)

²⁸⁹ Там же. С. 107–109.

Глава 2. Мессианский дискурс Г.Д. Гребенщикова

Тезис об актуальности мессианских и профетических тенденций в русской литературе XIX–XX вв. представляется аксиоматическим²⁹⁰. Важно, однако, подчеркнуть, что мессианская парадигма русской литературы сформирована писателями первого ряда — Н.В. Гоголем, Л.Н. Толстым, А.И. Солженицыным и др. Нас же будет интересовать гораздо менее типичный случай — пример писателя-«проповедника» второго ряда, к тому же регулярно декларировавшего собственную маргинальность и провинциальность.

В истории русской литературы мессианская позиция писателя, как правило, формировалась (или обретала четкие контуры) после временного отъезда из страны (Н.В. Гоголь) или эмиграции (А.И. Солженицын). Писатель формулировал свою особую миссию и начинал функционировать в качестве проповедника после того как оказывался за пределами России, т.е. так или иначе воспроизводил «внешнюю» точку зрения, оказываясь на границе (или за ее пределами) той территории, которая становилась объектом его описания. Модель, внутри которой провинциал в географическом и/или маргинал в социокультурном смысле артикулирует мессианские идеи, имеет в русской культуре длительную традицию. Эту парадигму И.П. Смирнов определил как неофициальный традиционализм – свойственную русской истории на разных этапах ее развития «дополнительную» культуру, генезис которой связан с утратой «господствующей» культурой способности «недвусмысленно удовлетворять идее национальной идентичности»²⁹¹. Внутри неофициального традиционализма, зачастую оборачивающегося мессианизмом, «[в]ыход из кризиса идентичности отыскивается в <...>

²⁹⁰ См., в частности: Панченко А.М. Русский поэт, или Мирская святость как религиозно-культурная проблема // Звезда. 2002. № 9. С. 140–147; Песков А.М. «Кто меня судьею поставил?»: Пророческая парадигма // Песков А.М. «Русская идея» и «русская душа»: Очерки русской историософии. М.: ОГИ, 2007. С. 9–13.

²⁹¹ Смирнов И.П. О Древнерусской культуре, русской национальной специфике и логике истории // Смирнов И.П. Мегаистория. К исторической типологии культуры. М.: Аграф, 2000. С. 384.

гипертрофировании идентичности», в редукции множества признаков и ключевых характеристик национальной культуры до «нескольки[x], – жестко фиксированы[x]» 292 .

Случай Г.Д. Гребенщиков, в разное время культивировавшего образ провинциала²⁹³ маргинала В социокультурном пространстве реализовывавшего в эмиграции модель поведения писателя-проповедника, на неофициального наш взгляд, четко вписывается парадигму традиционализма, представленную (по Смирнову), в числе прочих, иноком Филофеем и А.И. Солженицыным. Примечательно, что со всеми названными авторами Гребенщикова сближают не только типологические, но и историкогенетические связи.

И.П. Смирнов отмечает, что содержащаяся в важнейшей для Гребенщикова концепции «Москва — Третий Рим» идея translatio imperii является «компенсации[ей] русской дистанцированности от мест, где вершится большая история <...>. В одном из своих посланий идеолог Третьего Рима, Филофей, заметил: "яз селской человѣкъ". Он понимал, как никто другой, откуда взялась его доктрина»²⁹⁴. Творчество позднего Гоголя, прежде всего «Выбранные места из переписки с друзьями», обнаруживают любопытные переклички с книгой Гребенщикова «Гонец. Письма с Помперага», которые будут обсуждаться ниже. И, наконец, Солженицын,

²⁹² Там же. С. 388.

²⁹³ В первую очередь это прослеживается по письмам к Е.А. Ляцкому: «Мы, провинциальные люди <...>», 5 декабря 1912 г.; «Всего Вам лучшего, не забывайте захолустного обывателя», 21 января 1913 г.; «Не забудьте сибиряка – ответьте», 4 июня 1913 г. (Гребенщиков Г.Д. Письма (1907–1917). Книга вторая. С. 45, 47, 56). Ср. в письмах М.Ф. Андреевой (от 1 января 1914 г.: «<...> я шлю Вам из глухой и великой страны свой горячий привет»; Там же. С. 29) или В.С. Миролюбову (от 5 февраля 1914 г.: «<...> не покидайте [далее зачеркнуто: меня] в глухих местах заброшенного <...>»; Там же. С. 75). Семантику географической периферийности содержали и некоторые псевдонимы Гребенщикова – Сибиряк, Алтаич.

 $^{^{294}}$ Смирнов И. О метапозиции. Провинция // Звезда. 2003. № 11. С. 218.

долгое время живший в Вермонте, по мнению И. Кукулина, учитывал гребенщиковский опыт реализации утопического проекта²⁹⁵.

Важно отметить также, что модель поведения писателя-учителя, актуализированная Гребенщиковым в Америке, была архаична для «высокой» литературы начала XX в., которую характеризовало «ослабление привлекательности "направленческой", "учительской" этики литературного труда на верхних этажах литературной иерархии», присущее литературе конца XIX в.²⁹⁶. Однако эта тенденция вновь была востребована в культуре диаспоры 1920-х гг.

2.1. Учитель в изгнании: стратегия писателя-«изгоя»

Г.Д. Гребенщиков неоднократно артикулировал проповедничество как центральную задачу писателя, независящую от его собственной воли. Наиболее ярко он высказался на этот счет в статье 1946 г. «Толкай телегу к звёздам!», характеризуя специфику своего преподавательского опыта так: «[В] классах, где не допускается ни политическая пропаганда, ни религиозная проповедь, я поневоле становился проповедником» (6, 351). Четвертью века ранее, в 1920 г., писатель эмигрировал из советской России. С определенного момента эмигрантского периода своей жизни он активно конструировал идентичность, основанную на сочетании двух концептов — «изгойничества» и «вестничества» (семантически соотнесенного с «проповедничеством»). В первые годы эмиграции в публицистике и письмах Гребенщикова преобладала идея изгойничества. Так, в очерке «Саркофаг Наполеона» (1923) встречается следующая самоаттестация: «скромный чужеземец, изгнанник своей ро-

²⁹⁵ См. об этом: Кукулин И. «Внутренняя постколонизация»: формирование постколониального сознания в русской литературе 1970–2000-х годов // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 903. Это предположение тем более вероятно, что город Кавендиш, в котором в 1976–1994 гг. жил Солженицын, находится недалеко (в 184 милях) от Чураевки.

²⁹⁶ Рейтблат А.И. «Роман литературного краха» // Новое литературное обозрение. 1997. № 25. С. 109.

дины» (3, 448). Однако уже в очерке «Русский жемчуг» (1924) Гребенщиков находит эффектную метафору русской эмиграции – рассыпанные «жемчужины русского искусства», собирающихся затем в «неслыханно чудесное ожерелье со значением всемирной миссии»²⁹⁷, в силу чего «становится осуществимой единая для всех русских людей мечта о родине, которая родиною нашей делает весь мир» (4, 415). Несколькими годами позже, в лекции «О Красоте» (1926?) Гребенщиков продолжает кардинальное переосмысление значения эмиграции (и, соответственно, собственного место внутри нее):

Нам необходимо знать, что бессмертные вестники всероссийской культуры, дети нашей русской красоты, разлетелись по всему земному шару и всюду на разные лады прославляют и возвеличивают русское имя, всюду без слов поют гимны России.

Так что Красоту и силу Русской Культуры теперь нельзя истребить до скончания веков, ибо эти вестники, посланники России, тайно или явно ушедшие во все концы земли: картины, ноты, книги, песни, артисты, искусные руки рабочих, гениальные мысли ученых, и даже просто всероссийское великое страдание и терпение – разве это не самая лучшая весть миру о том, что Россия не только не умрет, но что, напротив, русские границы расширяются до беспредельности²⁹⁸.

Итак, эмиграция в трактовке Гребенщикова, через традиционное для литературы диаспоры 1920-х гг. описание изгнания как путешествия²⁹⁹ обретает телеологизм. «Нас выгнали в узкие двери из России, – а мы войдем в нее че-

²⁹⁷ Необходимо, однако, отметить, что и до, и после 1924 г. подобная концептуализация феномена эмиграции соседствовала в текстах Гребенщикова с резко негативными описаниями диаспоры. Так, в письме Горькому от 29 марта 1922 г. читаем: «с ручкой за помощью не хожу, с кабашной эмиграцией не общаюсь, да и "коммунистической" недолюбливаю. Живу особняком и жду хорошей поры в России» (3, 478). Ср. в письме И.Г. Савченко (7 декабря 1926 г.): «как-то эмигрантщина становится невыносимой. Никаких достижений, распад, грызня, "яма" и — умирание. Мне очень хотелось бы, чтобы Ты постепенно уходил от этих людей прошлого. Наше с тобой дело — будущее. <...> Посмотрим просто в будущее и перешагнем все пороги и препятствия. Сибирь — вот где мы можем развернуться. Или же Америка, хотя бы в Европе, но Америка — американская энергия, находчивость, подвижность где бы мы ни очутились. И тогда мы вечно будем молоды, свободны и богаты духом» (4, 474). Ср. также отзыв об эмигрантской литературе в очерке «Русские в далеком Уругвае (Из переписки с в рассеянии сущими)» (1937): «если быть беспристрастным и добросовестным, можно отобрать немало и жемчужных зерен в этом беспочвенном навозе» (ГМИЛИКА. ОФ. Ед. хр. 56739/147. Л. 2).

²⁹⁸ ГМИЛИКА. ОФ. Ед. хр. 699/2. Л. 5.

²⁹⁹ См.: Тиме Г. Изгнание как путешествие: русский взгляд Другого (1920-е годы) // Беглые взгляды: Новое прочтение русских травелогов первой трети XX века: Сборник статей / Под ред. В.-С. Кисселя, Г. Тиме. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 235–246.

рез широкие ворота³⁰⁰ чудесной и всемирной славы красоты русского не умирающего духа». Таким образом, телеологически понятый феномен эмиграции как «культурного похода» (или даже «завоевания мира»³⁰¹) соединяется с идеологемой «русской идеи», реактуализированной в среде диаспоры. «Миссия», описываемая Гребенщиковым, обладает интегрирующими свойствами — она должна объединить людей, находящихся за пределами родины, и призвана обеспечить смысл существования каждого из них: «одна забота должна быть у каждого русского человека — быть достойным этой миссии и по силе разумения всячески ей помогать» (4, 415)

В процессе этой культурной экспансии особое место отводилось Чураевке, основанной Гребенщиковым в США. В «Плане по Чураевке» (начало 1930-х гг.) читаем: «[Т]ак как вся Россия <...> вольно или невольно становится завоевательницей мира, то роль Чураевки может быть довольно значительной и достаточно широкой» В статье «Что такое Чураевка?» (1952) Гребенщиков безапелляционно заявлял, что созданные в Чураевке книги — это «птицы-вестники», «мечты-кристаллы, отобранные и оформленные здесь, в скорбях душевных и в потах телесных, но с великою любовью к тем, кто не только здесь и не только теперь должен прикоснуться к ним, как живой, целительной воде». Напомним, что вестничество этимологически соотносится со словом «ангел», и в авраамических мифологиях обозначает бесплотных существ, одна из функций которых — транслировать волю единого бога «стихиям и людям» Поэтому подобного рода метафоризация созданных в чураевской типографии книг едва ли случайна: эти книги призваны, по мысли Гребенщикова, нести некое новое религиозное «откровение».

 $^{^{300}}$ Любопытна эта инверсия значимого для писателя евангельского текста (Мф., 7: 13–14), в котором «широкие врата» наделены семантикой гибели, а «тесные», соответственно, — жизни.

³⁰¹ ГМИЛИКА. ОФ. Ед. хр. 699/11. Л. 1.

³⁰² ГМИЛИКА. ОФ. Ед. хр. 699/11. Л. 1.

³⁰³ Аверинцев С.С. Ангелы // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Рос. энциклопедия, 1994. Т. 1. С. 76.

Гребенщиковская мифологема поэта-вестника или поэта-«гонца» (и ее частных вариаций — таких, как книги-вестники) генетически восходит к творчеству Н.К. Рериха³⁰⁴ и наиболее интенсивно разрабатывается автором «Писем с Помперага» именно в период сотрудничества с семьей Рерихов. Однако в более широком контексте археопоэтики эта мифологема восходит к библейскому архетипу художника-вестника³⁰⁵, актуализированному Гребенщиковым в американский период его творчества в связи с формированием мессианского дискурса. В лекции «О Красоте» читаем:

Необходимо знать, что бессмертные вестники всероссийской культуры, дети нашей русской красоты, разлетелись по всему земному шару <...>

Так что Красоту и силу Русской культуры теперь нельзя истребить до скончания веков, ибо эти вестники <...> лучшая весть миру о том, что Россия не только не умрет, но что, напротив, русские границы расширяются до беспредельности 306 .

Феномен эмиграции, репрезентированный подобным образом, коррелирует с предельно актуальной для основателя Чураевки в этот же период идеологемой «русской идеи»³⁰⁷. Писатель, напряженно рефлексировавший в эмиграции на тему «русской идеи», воспроизводил ход мысли интеллектуалов первой трети XIX в. (в первую очередь, славянофилов), решавших важнейшую историософскую задачу — вписать русскую культуру в европейский контекст. По причине того, что «в западные историософские схемы Россия не вписывалась, способом аргументации ее исторического значения стала манифестация ее особого, по сравнению с Западом, пути во всемирной исто-

 $^{^{304}}$ См.: Царегородцева С.С. Роман Г.Д. Гребенщикова «Чураевы» в социокультурном контексте эпохи. С. 98–112.

³⁰⁵ См.: Тюпа В.И. Мифопоэтика сопряжения художника и жизни [Электронный ресурс] // Новый филологический вестник. 2011. № 2. Режим доступа: http://www.slovorggu.ru/nfv2011_3_18_pdf/11Tjupa.pdf (дата обращения: 25.11.2015). ³⁰⁶ ГМИЛИКА. ОФ. Ед. хр. 699/2. Л. 5.

³⁰⁷ Стоит заметить, однако, что в позднейших текстах Гребенщикова тема «всемирной миссии» эмиграции отходит на второй план, вытесняемая кенотическим потенциалом «русской идеи». Так, 19 апреля 1956 г. он пишет о том, что «[н]а России лежит миссия не в борьбе за избранничество, а в страданиях за Примерность Христианскую» (ГМИЛИКА. ОФ. Ед. хр. 519/8. Л. 1).

рии»³⁰⁸. Ближайшим следствием такой риторической операции оказывалась возможность описать любое историческое состояние России как своеобразный подготовительный этап на пути к будущему «величию», что и делает Гребенщиков.

Заметим, что в трактовке эмиграции как мессианской культурной экспансии, сначала соединяющейся с описаниями собственного «изгойничества», а затем вытесняющей их, автор «Чураевых» не был одинок. Он использовал парадигмальный для представителей «первой волны» эмиграции способ самоопределения, афористически генерализованный в известных словах З.Н. Гиппиус (часто атрибутируемых также Д.С. Мережковскому): «Мы не в изгнании, мы в послании». Однако нельзя не учесть определенной оригинальности стратегии Гребенщикова и в этом случае. Спустя два года по прибытии в Америку, он начал писать публицистическую книгу, составленную из посланий к адресатам, рассредоточенным по разным континентам, озаглавив ее «Гонец. Письма с Помперага» (опубликована в 1928 г.). Это название содержит в себе отчетливую фоно-семантическую аллюзию на овидиевские «Письма с Понта» 309. Нам представляется, что Гребенщиков использовал эту отсылку к изгнанническому опыту Овидия для усиления риторической и поведенческой позы изгнанника, которую активно разрабатывал в это время.

Овидий вошел в историю культуры как Поэт-изгнанник и создатель «традиции стихов об изгнании» 310, который несправедливо пострадал от Власти в лице императора Октавиана Августа 311. Гребенщиков же создает образ

 $^{^{308}}$ Песков А.М. Вводные замечания // Песков А.М. «Русская идея» и «русская душа»: Очерки русской историософии. С. 7-8.

³⁰⁹ Оба названия построены по идентичной модели и содержат гидроним. Pomperaug River – река в штате Коннектикут, на берегу которой находилась Чураевка.

³¹⁰ Гаспаров М.Л. Овидий в изгнании // Публий Овидий Назон. Скорбные элегии. Письма с Понта / Изд. подг. М. Л. Гаспаров, С. А. Ошеров. М.: Наука, 1979. С. 203.

³¹¹ Анализ гипотез о том, в чем именно состояла вина Овидия, см.: Там же. С. 199–200. Гаспаров придерживается версий, возникших в XX в. и сводящихся к тому, что Овидий был наказан не только несправедливо, но и без объявления какой-либо вины (Там же. С. 200).

Поэта-изгнанника, пострадавшего от литературной элиты 312 , в свою очередь, согласно «полевой теории» П. Бурдьё, являющейся средоточием символической власти 313 .

Тот факт, что, кроме содержащейся в названии реминисценции, проекция на Овидия никак не эксплицирована в тексте «Гонца», может быть объяснен тем, что некоторые источники своих религиозно-философских концепций и поведенческих жестов Гребенщиков зачастую предпочитал не эксплицировать. В то же время интертекстуального сигнала, содержащегося в названии, вполне достаточно для интерпретации сюжета в перспективе овидиевского мифа.

Вместе с тем писатель мог адаптировать этот «овидиевский» сюжет о Поэте-изгнаннике сквозь призму пушкинского мифа³¹⁴. По словам Ю.М. Лотмана, «[о]тождествление себя с Овидием, а Александра I – с лукавым деспотом Августом, <...> давало Пушкину и жизненную роль, и масштаб для измерения собственной личности». «Для Александра I (как позже для Воронцова) Пушкин был ничтожным чиновником, подвергшимся правительственному взысканию. Пушкин предлагал сам себе и читателям другое объяснение: он – Овидий, поэт, сосланный тираном»³¹⁵. Причем, как показал И.В. Немировский, Пушкин обратился к опыту Овидия в момент сдвига в автоин-

³¹² Описания «травли» существенным образом расходились с реальным положением дел: Гребенщиков переехал в Америку в качестве сотрудника музея Н.К. Рериха по личному приглашению последнего.

³¹³ Бурдье П. Поле литературы / Пер. с фр. М. Гронаса // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 24 и сл.

³¹⁴ Это предположение поддерживается общей ориентацией Гребенщикова на пушкинский жизнетекст, с разной степенью отчетливости эксплицированной на протяжении нескольких десятилетий. В таком случае овидиевский субстрат трудно отличить от пушкинского. Обе прототипические ситуации («Овидий в изгнании», «Пушкин в изгнании»), как и оба «донорских» текста, смешивались до полного неразличения, сливаясь в жизнетексте Гребенщикова в один «слой». Отметим, что такой способ рецепции овидиевского текста («через Пушкина») стал в русской литературе (особенно – в поэзии) XX в. традиционным, ярче всего реализовавшись в случаях О.Э. Мандельштама и И.А. Бродского.

³¹⁵ Лотман Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя // Лотман Ю.М. Пушкин. С. 66.

терпретациях «южной» ссылки: от добровольного отъезда к изгнанию³¹⁶. Аналогичным образом, как это явствует из приведенных примеров, поступает и Гребенщиков.

И, наконец, автор «Гонца», активно сотрудничавший в сибирских (и, в частности, в томских) журналах, и хорошо знакомый с наследием областников, вполне мог учитывать также более близкий ему и в хронологическом, и в географическом смысле прецедент — литературный опыт «старшего» областника Н.М. Ядринцева, испытавшего (как и Пушкин) опыт репрессий. Разрабатывая проблему русских переселенцев в Сибирь, Ядринцев использовал множество псевдонимов, одним из которых был «Овидий с Томи» 317.

Важно, однако, что в случаях Пушкина и Ядринцева проекциям на Овидия способствовала (или даже провоцировала их) «аура» места: пушкинская ссылка проходила относительно недалеко от городка, куда был сослан римский поэт³¹⁸; Ядринцев, живший на берегах Томи, без труда сконструировал интертекстуальную отсылку к жизнетексту Овидия, находившегося в ссылке в городке Томы. Ситуация Гребенщикова, находившегося в Америке, в этом смысле предоставляла меньшие возможности для автомифотворчества. Однако Гребенщиков в американский период жизни имел опыт решения проблемы самоидентификации с топонимами, находившимися на значительном расстоянии от него. Так, например, живя в деревне Чураевка, он риторически отождествлял ее с Алтаем³¹⁹. Автопроекции на жизнетексты Овидия, Пушки-

³¹⁶ Немировский И.В. Творчество Пушкина и проблема публичного поведения поэта. СПб.: Гиперион, 2003. С. 19.

³¹⁷ См.: Макарова Е.А. Формирование переселенческого дискурса в публицистическом творчестве Н.М. Ядринцева // Областническая тенденция в русской философской и общественной мысли: К 150-летию сибирского областничества. С. 103.

³¹⁸ Хотя, по точному замечанию М. Мейлаха, «Пушкин, хорошо зная, что и "проклятый город Кишинев", и Одесса находятся довольно далеко от городка Томы, куда был сослан римский поэт, тем не менее охотно с ним отождествляет места своей ссылки» (Мейлах М. Поэзия и власть // Лотмановский сборник. [Вып.] 3. / ред. Л.Н. Киселева, Р.Г. Лейбов, Т.Н. Фрайман. М.: ОГИ, 2004. С. 719).

³¹⁹ Интересно, что в обоих случаях мифотворческим усилиям Гребенщикова способствовали географические особенности: ландшафтно-климатические условия Чураевки были действительно схожи с алтайскими, а название реки Помпераг оказалось отдалённо созвучно Понту.

на и «старшего» областника Ядринцева, разные по степени напряженности, но несущие в себе мощный мифотворческий потенциал, усилили сюжет о писателе-изгое, один из центральных в структуре созданного Гребенщиковым еще в сибирский период персонального мифа о писателе «из народа», находящемся в непрерывной конфронтации с враждебно настроенной интеллигенцией. Инкорпорируя в собственный мифо-биографический нарратив овидиевско-пушкинско-ядринцевский субстрат, Гребенщиков репрезентировал частную историю эмигранта (одну из множества подобных) как архетипический сюжет о несправедливо гонимом Поэте.

Помимо значительной роли в процессе создания позиции несправедливо изгнанного писателя, «Гонец» стал программным трудом, содержащим наиболее полное изложение мессианских идей Гребенщикова. Уже подзаголовок книги — «первая помощь человеку» — отсылает одновременно как к традиции христианской учительной литературы, так и к «Выбранным местам из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя (в свою очередь, наследующим этой же традиции)³²⁰. В «Гонце» Гребенщиков пишет: «Думаю, когда книг моих коснется настоящее толковое внимание разумной власти, они будут признаны полезными для всякого читателя и во всякое время» (4, 363)³²¹. Подобная рефлексия своего избранничества, исключительной «духовной пользы» от собственных сочинений, роднящая Гребенщикова с Гоголем, и связанный с ней мотив обладания особыми знаниями, которых лишены остальные, появляются у сибирского писателя уже в очерке 1915 г. «В детстве» (1, 449–450).

Кроме того, Гребенщикова объединяет с поздним Гоголем рецептивная установка «Писем с Помперага», напоминающая герменевтические автоком-

³²⁰ С.С. Царегородцева сопоставляет «Выбранные места» и «Письма с Помперага» как «переходные книги», созданные во время работы над оставшимися неоконченными произведениями – вторым томом «Мертвых душ» и заключительными томами романа «Чураевы». См.: Царегородцева С.С. Роман Г.Д. Гребенщикова «Чураевы» в социокультурном контексте эпохи. С. 40–41.

³²¹ В «Радонеге» Гребенщиков мотивировал свою проповедническую активность ссылкой на апостола Павла: «"Горе мне, аще не благовествую" – однажды воскликнул апостол Павел» (Гребенщиков Г.Д. Чураевы: Лобзание змия. Роман. Радонега. Статьи. Воспоминания. С. 181).

ментарии автора «Выбранных мест» и «Размышлений о божественной литургии» 322. В статье «Что такое Чураевка?» Гребенщиков пишет: «сколь бы ни была моя книга незначительна и ничтожна, но я позволяю себе издать ее в свет и прошу моих соотечественников прочитать ее несколько раз»; «Пусть каждый купит книгу для себя и для духовно голодного читателя в Европе или Азии» (6, 398). Ср. в «Выбранных местах»: «прошу тех из них [соотечественников. – А.Г.], которые имеют достаток, купить несколько ее экземпляров и раздать тем, которые сами купить не могут» 323.

Рецептивными задачами обусловлена и декларативная установка на приоритет «духовной пользы» над эстетическими достоинствами книги. Текст «Гонца» ориентирован не на эстетическое удовольствие потенциального читателя, а на функционирование книги в качестве жизненной программы, задающей способы повседневного поведения³²⁴. Одному из адресатов «Гонца» Гребенщиков пишет: «Знаю, что Ты не осудишь меня строго за несовершенства моих писаний. На этот раз считаю важнее самые факты действия, нежели искусство их описывать» (4, 297).

Утопия Гребенщикова, поначалу индифферентная к религиозному дискурсу, уже в 1920-е гг. предполагала создание синкретической религии, ко-

³²² О герменевтических установках Гоголя этого периода см.: Гончаров С.А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1997. С. 100–120.

 $^{^{323}}$ Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н.В. Собр. соч.: в 7 т. Т. 6. М., 1978. С. 185.

³²⁴ В качестве наиболее типологически релевантной аналогии можно вспомнить художественную слабость романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?», элиминированную рецепцией книги как «программы поведения». Подробнее об этом см. в: Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский — человек эпохи реализма. Как замечает другой исследователь, роман Чернышевского в XIX столетии «являлся предметом вполне серьезного культа среди русских революционных "нигилистов"», а «поведение его персонажа Рахметова служило многим из них образцом для подражания» (Зенкин С.Н. От текста к культу. С. 136). В семиотическом плане разница между книгами Чернышевского и Гребенщикова состоит в том, что превращению «Что делать?» в предмет культа и «образец для подражания» способствовала «его мифологизация, в том смысле, что поступки его героя <...> преврати[лись] в программу поведения, которой дальше подражают, иногда в игровых, а иногда и в самых серьезных формах» (Там же. С. 137); «Гонец» же (как и «Выбранные места» Гоголя) изначально создавался как отчетливо артикулированная поведенческая программа.

торая, по Гребенщикову, должна была стать основой для преображения человека и мира. Однако о том, что писатель никогда не декларировал идеи создания собственно религиозной общины, говорит принципиальное указание, данное им своему постоянному корреспонденту и последователю Алексею Ачаиру (основавшему в Харбине литературное объединение «Молодая Чураевка») в «Гонце»: «должна быть самая широкая терпимость к политическим и религиозным убеждениям членов Общины» (4, 357). Эта идея почти дословно повторяет 14 статью «Проекта устава Алтайской сельскохозяйственной артели», разработанного Гребенщиковым в 1907 г.: «Религиозные или политические убеждения каждого члена остаются его святыней и никто не должен кого-либо преследовать или осмеивать за его убеждения» (134)³²⁵.

Как хорошо известно, религиозная концепция Гребенщикова 1920-х годов была сформирована под влиянием оккультно-теософских идей семьи Рерихов, что констатируется в большинстве работ, посвященных этой теме³²⁶. Вместе с тем, как уже отмечалось во введении, в гребенщиковедении укрепилось мнение об «ортодоксальности» писателя. Приведем несколько характерных тезисов: «Г.Д. Гребенщиков убежден, что <...> только реставрация православия и укрепление веры может спасти Россию»³²⁷; «По его [Г.Д. Гребенщикова. – А.Г.] мнению, только православие приведет народ к всеобщему спасению, обретению Града Небесного»³²⁸; «Гребенщиков, считая, что пра-

 $^{^{325}}$ Особую важность этого принципа подчеркивает его частичное дублирование в ст. 15: «Членами артели могут быть лица обоего пола, без различия вероисповедания и национальности» (Там же).

³²⁶ См.: Царегородцева С.С. Роман Г.Д. Гребенщикова «Чураевы» в социокультурном контексте эпохи. С. 98–112; Санникова А.А. Чураевка как идеал русской общины (культурнопросветительская деятельность Г.Д. Гребенщикова). С. 18–28; Сирота О.С. Проблемы сохранения и развития русской культуры в условиях эмиграции первой волны: культурнопросветительская деятельность и литературное творчество Г.Д. Гребенщикова.

³²⁷ Санникова А.А. Чураевка как идеал русской общины (культурно–просветительская деятельность Г.Д. Гребенщикова). С. 23.

 $^{^{328}}$ Царегородцева С.С. Роман Г.Д. Гребенщикова «Чураевы» в социокультурном контексте эпохи. С. 87.

вославию суждено сыграть решающую роль в будущем русского народа, разделял идеи эволюционного направления русского космизма»³²⁹.

Подобного рода суждения являются, однако, искажением взглядов писателя. Приведем лишь несколько примеров из множества имеющихся. В «Гонце» Гребенщиков пишет:

И Христос, как Учитель жизни, как и Будда, должны быть почитаемы, по крайней мере, как первоучители мировой социальной справедливости. Не порицать их надо, а найти возможность очистить истинные их лики от аляповатых прикрас и тысячелетних наслоений грубой позолоты (4, 359)³³⁰.

В этой же книге содержится гребенщиковское понимание религии в двух предельно релятивных формулах: «[в]сякое идейное отношение к творчеству есть уже религия»; «всякое свободное мышление, положенное в систему и поставившее себе ту или иную благую цель, — есть религия», «лишь нетерпимость, а тем более преследование религии, извращают ее и делают вредной»³³¹. Очевидно, что приведенные пассажи прямо противоречат православному вероучению, подчас прямо отрицая некоторые положения догматики³³².

В связи с этим напрашивается вывод о том, что указанные исследователи проходят мимо ключевых манифестаций религиозных взглядов писате-

³²⁹ Там же. С. 88.

³³⁰ Ср. переживания отшельника в рассказе «Рождение Христа» (1940-е), который «ощутил в сердце своем слияние двух великих сил космических: любовь и свет Христа и свет и мудрость Будды как единый свет, одну надежду мира, как единую животворящую радость» (ГМИЛИКА. ОФ. Ед. хр. 56739/512. Л. 5).

³³¹ Ср. многочисленные рассуждения о религиозной терпимости в сочинениях Е.П. Блаватской, Е.И. и Н.К. Рерихов, А.М. Асеева и других классиков оккультной мысли. Приведем только один пример из письма Е.И. Рерих А.М. Асееву от 17 февраля 1934 г.: «смысл современных событий в том, что в мировом масштабе доказывается непригодность отживших идей и построений, и <...> зарождаются новые идеи великой терпимости и культурного духоводительства» (Рерих Е.И., Рерих Н.К., Асеев А.М. «Оккультизм и Йога». Летопись сотрудничества. Сборник. Т. І. 1931–1954. М.: Издательство «Сфера» Российского Теософского общества, 1996. С. 42).

³³² Показательно также, что, согласно свидетельству, приводимому В. Росовым, «любимым местом» Гребенщикова в Южно-Флоридском университете, где он преподавал с 1940 по 1955 г., был индуистский храм (Росов В.А. Белый Храм на высоких горах: Очерки о русской эмиграции и сибирском писателе Георгии Гребенщикове. С. 105).

ля³³³, игнорируя тот факт, что идеи Рерихов резко оппозитивны православному дискурсу³³⁴, либо исходят из широко распространенного в постсоветской культуре представления о том, что рерихианство представляет собой «синтез всех религий» (т.е. является результатом «развития» и «улучшения», в числе прочих религий, христианства)³³⁵. Религиозная концепция Гребенщикова носила синкретичный характер, чего писатель не скрывал, принципиально не различая религиозные конфессии и настаивая (вслед за Рерихами) на необходимости синтеза религий (при это Гребенщиков, как правило, сочетал рассуждения об этом с заявлениями о принадлежности к православной Церкви³³⁶). Приведем выразительную декларацию из «Гонца»:

Не знаю, почему, быть может, потому, что мы, русские, по целому ряду причин сделались почти "интернациональной нацией", мое религиозное сознание вообще не может уложиться в рамки одной религии (4, 345).

Одной из важнейших составляющих религиозного дискурса Гребенщикова был апокалиптизм. Пожалуй, наиболее яркая декларация Гребенщиковаапокалиптика содержится в статье «Кто есть мы», рисующей картину свершившегося Апокалипсиса:

Если за какие-нибудь тридцать последних лет истреблено войнами, революциями, застенками, концентрационными лагерями, голодом, болезнями и рассеяньем по чужеземным могилам изгнаний свыше ста миллионов человеческих жизней и не менее миллиарда изуродовано морально, искалечено физически, а остальное, так называемое, человечество утопает в скотском равнодушии к свершающемуся, то какое мы имеем право называть себя еще людьми и надеяться на какой-то новый, лучший, обновленный мир? Этот мир

 $^{^{333}}$ Ср. одну из последних деклараций на этот счет, сделанную на самом исходе писательского пути Гребенщикова в письме старообрядке Вассе Колесниковой (от 9 февраля 1956 г.): «[Я] <...> уважаю всех верующих в Господа Бога, а как они молятся, это дело их души и сердца. У нас, на Алтае, много разных верующих, и со всеми у меня была дружба, и ко мне все относились терпимо, даже допускали в свои дома и преломляли со мною хлебсоль» (Георгий Гребенщиков. Из эпистолярного наследия (1924–1957). С. 87).

³³⁴ Богословскую критику рерихианства с ортодоксальных позиций см.: Кураев А.В. Сатанизм для интеллигенции. О Рерихах и православии: В 2 т. М.: Изд-во Московского Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2006.

³³⁵ См.: Там же.

³³⁶ Например, в наброске «О писателе, редакторе и читателе», отклоняя обвинения в масонстве, он писал: «я все еще остаюсь в лоне Православной церкви и даже в "безблагодатной" Американской юрисдикции и не намерен менять ее ни на какие почести» (ГМИЛИ-КА. ОФ. Ед. хр. 56739/149. Л. 8).

хвастливой цивилизации не только гибнет, он погиб и нет у него права на спасение и прощение. И он вот-вот начнет взрываться в буквальном и фактическом смысле. Апокалипсис не только в полной мере оправдан, но и превзойден по масштабам и жестокости. <...> Суд пришел, и Суд Страшный, перед которым нет у нас защиты, и не будет пощады. Ждать мы не имеем права³³⁷.

Обилие апокалиптических мотивов в гребенщиковских текстах можно интерпретировать как реакцию интеллектуала-традиционалиста на смену социокультурных парадигм, поскольку «роль харизматического поэта противопоставлена модернизации культуры» ³³⁸. Иными словами, риторика автора, взявшего на себя профетическую роль, по определению оппозитивна действительности, не направленной на архаизацию и возврат к моделям прошлого, и поэтому концептуализирующейся и репрезентирующейся в эсхатологической перспективе. Однако специфика гребенщиковской позиции состоит в том, что его религиозные взгляды, при всех многочисленных рассуждениях о необходимости возврата к традициям, представляли собой разновидность религиозного модернизма, о чем речь шла выше. Это позволяет говорить применительно к Гребенщикову об «идеологическом» традиционализме (в понимании Ежи Шацкого³³⁹), для которого характерно «создание», «изобретение» традиции³⁴⁰.

Интенсификация в публицистике Гребенщикова мессианских идей хронологически совпадает с обсуждавшейся выше артикуляцией собственной мировоззренческой и литературной независимости. Автор «Чураевых» в конце 1910-х — 1920-е гг. настаивает на позиции наблюдателя, свидетеля череды социальных катастроф (Первая мировая война, революции 1905 и 1917 гг.), абсолютно независимого от каких-либо влияний и поставившего перед

³³⁷ Гребенщиков Г.Д. Кто есть мы [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://grebensch.narod.ru/who_are_we.htm (дата обращения: 12. 12. 2016).

³³⁸ Эткинд А. Хлыст: Секты, литература и революция. С. 108.

³³⁹ Шацкий Е. Традиция. Обзор проблематики / Пер. с польск. М.И. Леньшиной // Шацкий Е. Утопия и традиция. М.: Прогресс, 1990. С. 378 и сл.

³⁴⁰ Там же. С. 350–356; Hobsbawm E. Introduction: Inventing Traditions // The Invention of Tradition / Ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 1–14.

собой задачу максимально отстраненно репрезентировать травматичную реальность. В очерке «Бегство от самих себя (Из очерков о близком и далеком)» (1919) читаем:

Когда-нибудь, если останутся в живых беспристрастные и объективные свидетели и летописцы, когда весь океан — русский народ — войдет в свои безграничные берега, из всех деталей, наблюдаемых в наши дни, будет воспроизведена картина Страшного Суда Божьего (3, 381).

В другом очерке из этого же цикла под характерным названием «В дни безумия» (1919) уже содержится реминисценция Откровения Иоанна Богослова: «И в третий раз в те дни услышал я безумные слова и записал с такой же точностью <...>, как это было» (3, 388). В этой же перспективе репрезентации увиденных событий как Апокалипсиса стоит рассматривать проекции главного героя «Чураевых» Василия на фигуру Иоанна Богослова³⁴¹ — в первую очередь, с помощью мотива визионерства. Приведем лишь один пример — стойкое (длящееся «дней пять») апокалиптическое видение героя. Во время сцены взаимного покаяния Надежды и Викула «Василий <...> открыв глаза, оперся локтем о землю и смотрел не на жену и брата, а мимо них, на озеро. И широко раздвинулся от нового видения взгляд его. Исполинский обоюдоострый меч, разделив собою небо и землю, погрузился в тихое, зеркально-гладкое озеро, наполненное не водой, а кровью. А на конце меча висело чье-то надвое рассеченное, истекающее кровью сердце»³⁴².

Внутри утопического проекта Гребенщикова апокалиптическая перспектива описания действительности соединялась с националистическим дискурсом:

Чураевка будет делом по преимуществу русским, с русскими сотрудни-ками, с русскими особенностями стиля и заданий [очевидно, опечатка. Следует

³⁴¹ О позиции свидетеля пережитых катастрофических событий см.: Агамбен Д. Свидетель / Пер. с ит. О. Дубицкой // Агамбен Д. Ното sacer. Что остается от Освенцима: архив и свидетель. М.: Европа, 2012. С. 13—41. Использование идеи Агамбена применительно к отечественным репрезентациям военного опыта см.: Дубин Б. «Кровавая» война и «великая» победа [Электронный ресурс] // Отечественные записки. 2004. № 5. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/oz/2004/5/2004_5_5.html#t10 (дата обращения: 20.12.2006).

 $^{^{342}}$ Гребенщиков Г.Д. Чураевы: Веления Земли. Роман. Трубный глас. Роман. Барнаул, 2006. С. 161.

читать: зданий. — А.Г.], тогда как Алатас должен расширять свои идеи и возможности в масштабе международном 343 .

Интересно, что подобная тесная связь апокалиптического и национально-консервативного дискурсов была свойственна мыслителям, труды которых в той или иной степени стали источниками утопических проектов Гребенщикова, – Л.Н. Толстому, Н.Ф. Федорову и В.С. Соловьеву³⁴⁴.

Примечательно, что конструирование мессианского дискурса, тесно связанное с позицией «изгоя», в то же время было сопряжено с продолжавшимися попытками усиления собственной диспозиции в литературном поле. Наиболее репрезентативные примеры в этом смысле являют письма Гребенщикова И.А. Бунину, аккумулировавшие в себе основные тенденции 1920—1930-х гг.

28 октября 1937 г. Гребенщиков писал литературному мэтру, четырьмя годами ранее первым из русских писателей получившему Нобелевскую премию по литературе: «есть у меня сочинение, которого не всякий даже Нобелевский лауреат может сочинить: это деревня Чураевка, скромная, неказистая, с русскими плохими дорогами, с керосиновыми лампами, с ключевой водой и часовнею над рекой» (5, 379). Столь дерзкое заявление приобретает дополнительную значимость, если учесть, что у позднего Бунина формируется концепция последнего представителя классического канона, «последнего

³⁴³ ГМИЛИКА. ОФ. Ед. хр. 699/11. Л. 1 Этот аспект гребенщиковской публицистики приобрел ему сторонников среди традиционалистской части эмиграции. Показателен отзыв на книгу «Гонец» Великого князя Алексея Михайловича (в письме от 7 ноября 1929 г.), известного своими национал–консервативными убеждениями: «Читаю Вашу книгу "Гонец" и радуюсь узнать душу русского человека, который, не поддавшись либеральному нездоровому течению, которое привело Россию к гибели, сумел сохранить душу в чистоте и, благодаря этому обстоятельству, спас себя и спасает многих увлеченных безжизненными теориями, выдумками больного ума человеческого» (Георгий Гребенщиков. Из эпистолярного наследия (1924–1957). С. 32). В этом пассаже примечательно обширное использование риторического арсенала, характерного для национал-консервативного дискурса, включая метафорическую антитезу «больного» Запада и «здоровой» России, для народа (коллективного тела) которой Запад представляет смертельную угрозу.

³⁴⁴ См.: Матич О. Эротическая утопия: Новое религиозное сознание и fin de siecle в России. С. 163–164. Ср. актуализацию соловьевской идеи «панмонголизма» (с нетипичной для Гребенщикова прямой ссылкой на философа) в очерке «Китай идет! (Из воспоминаний детства)» (1911).

носителя элитарной традиции»³⁴⁵, которой он наследует по «династическому» признаку. «Символические статусы Бунина-академика, а позднее — Нобелевского лауреата были принципиальными аргументами в формировании этой позиции»³⁴⁶. Более того, факт получения премии, по справедливому замечанию исследователя, стал «моментом легитимации его статуса в международном масштабе»³⁴⁷.

Гребенщиков пытается проблематизировать положение вещей, незыблемое для Бунина³⁴⁸: он объявляет себя, выходца из деревни³⁴⁹, не состоящего ни в каком династическом родстве с классиками, превосходящим (пусть и в экстралитературном плане) обладателя Нобелевской премии. Вообще говоря, в этой ситуации Гребенщиков (как и в случае с письмом Фидлеру 1912 г.) оказывался в положении своеобразного «литературного самозванца», узур-

 $^{^{345}}$ Анисимов К.В. Литературный канон и осколки имперского нарратива в начале XX в. (случай И.А. Бунина) // Уральский исторический вестник. 2013. № 1 (38). С. 82. 346 Там же.

³⁴⁷ Анисимов К.В. «Грамматика любви» И.А. Бунина: текст, контекст, смысл. С. 5.

³⁴⁸ Любопытно, что несколькими годами ранее, в письме от 26 октября 1919 г. Гребенщиков писал автору «Суходола», соглашаясь на предложение последнего опубликовать рассказ в одесской газете «Южное слово»: «Ответ ясен: с Вами я хоть на эшафот. Боюсь одного – смогу ли быть на высоте Ваших требований». И далее: «Я как-то недавно говорил, что Вы один из тех святых, ради которых будет прощена и спасена Господом Богом многогрешная русская литература» (И.А. Бунин и Г.Д. Гребенщиков. Переписка. / Вступит. ст., публ. и примеч. В.А. Росова // С двух берегов: Русская литература ХХ в. в России и за рубежом / Под ред. Р. Дэвис, В.А. Келдыш. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 231). Подобная смена отношения к Бунину, возможно, была отчасти обусловлена восприятием гребенщиковских текстов в эмигрантской среде. Так, генерал П.Н. Краснов в письме от 9 августа 1934 г. следующим образом сравнивал Гребенщикова с автором «Темных аллей»: «в Вашем "Роднике в пустыне" Вы достигли большей художественной четкости, чем у Бунина, не говоря про то, что природа, Вами описываемая, много ярче той, которую рисует Иван Алексеевич» (Георгий Гребенщиков. Из эпистолярного наследия (1924—1957). С. 48).

³⁴⁹ В этой связи показательна гребенщиковская критика повести Бунина «Деревня». Так, 31 октября 1913 г. Гребенщиков писал В.В. Муйжелю: «Знаете, я недавно перечел его "Деревню" и удивился, почему она носит это название? Там есть всевозможные отбросы города и барщины, отбросы деревни, но деревни там <...> нет...» (Гребенщиков Г.Д. Письма (1907–1917). Книга первая. С. 25). Характерно, что сам Бунин несколькими годами позже оценит свою книгу как «типическую»: «Думал о своей "Деревне". Как верно там все! Надо написать предисловие: будущему историку – верь мне, я взял типическое» (Бу-[Электронный Дневник 1917–1918 нин И.А. $\Gamma\Gamma$. pecypc]. Режим доступа: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_1900-1.shtml (дата обращения: 04.02.2016)).

пирующего особый писательский статус, который в понимании Бунина может быть только «унаследован»³⁵⁰.

Но, несмотря на все свои усилия, в иерархии литературы русской эмиграции Г.Д. Гребенщиков при жизни прочно занял место писателя «второго ряда» Отчетливо просматривающаяся связь приверженности принципам реалистического письма с местом за пределами первого ряда литературы принципиально значима в данной перспективе, поскольку поэтика может рассматриваться как «одна из составляющих авторской стратегии в конкурентной борьбе за сохранение и увеличение уже имеющихся ценностей. Сре-

 $^{^{350}}$ В этой перспективе важно иметь в виду примеры дискредитации и демифологизации Буниным как реальных писателей с «сомнительным» происхождением (в частности, М. Горького или А.И. Куприна), старающихся компенсировать его мифологизацией биографии, так и вымышленных персонажей (например, Кузьмы Красова из повести «Деревня»). См. об этом: Анисимов К.В. Бунинские оценки современников и современности в исторический ретроспективе: о художественных механизмах антиутопического сознания // Русский проект исправления мира и художественное творчество XIX-XX веков: колл. монография / отв. ред. Н.В. Ковтун. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. С. 196 и сл. В этой же связи укажем на крайне показательную позицию одного из представителей «незамеченного поколения» эмиграции – В.С. Яновского. Для Яновского Бунин – не «последний классик», а «эпигон» реалистической традиции (Яновский В.С. Поля Елисейские: Книга памяти. М.: Астрель, 2012. С. 214); «зубр», который «самостоятельно вымирает, не способный к сложным мутациям» (Там же. С. 136); «интеллектуально беззащитн[ый]» писатель (Там же. С. 212). Помимо этого, нобелевский лауреат описывается как «самозванец»: «Бунин, с юношеских лет одетый изящно и пристойно, прохаживался по литературному дворцу, но был упорно провозглашаем литературным самозванцем» (Там же. С. 212). Литературный «аристократ», настаивающий на «династической» принадлежности к «высшему свету» отечественной прозы, сравнивается мемуаристом с «бывшим дворовым»: «Обо всех современниках у него было горькое, едкое словцо, точно у бывшего дворового, мстящего своим мучителям барам» (Там же. С. 215). Книгу Яновского «можно рассматривать как попытку идентификации (а отчасти и мифологизации) целого поколения» (Мельников Н. Незамеченный писатель // Яновский В.С. Поля Елисейские: Книга памяти. С. 25) и одновременной демифологизации мэтров эмигрантской литературы (Бунина, Алданова и др.). Эта коллизия рельефно обрисовывает борьбу за символическую власть, происходившую внутри литературного поля диаспоры, шедшую, с одной стороны, по линии реактуализации «классического» канона (дискредитировавшегося в России эстетическими практиками символизма и авангарда) и одновременно собственной легитимации в качестве фигуры, замыкающей этот канон (случай Бунина); с другой же стороны – по линии конструирования нового канона, предполагающего наличие в нем «эмигрантских сыновей» – таких, как Яновский.

³⁵¹ Важность описания того места, которое Гребенщиков занимал в иерархии современной ему эмигрантской литературы, определяется, помимо прочего, пристальным вниманием, которое Гребенщиков уделял рецепции своих текстов (как это видно, к примеру, из письма Бунину от 31 марта 1939 г.).

ди ставок этой борьбы – право фиксировать зоны актуальной и традиционной литературы, определять престижные позиции и границы литературы»³⁵².

Гребенщиков, как мы старались показать ранее, на всех этапах своей литературной деятельности определял себя как традиционалиста. Однако именно реалистическая манера, сопровождаемая регулярными декларациями собственного литературного традиционализма, определила место Гребенщикова во втором ряду современной ему русской литературы, отведенное ему эмигрантской критикой. Так, в одном из параграфов книги «Современная русская литература (1881–1925)» (1926), названном «Второстепенные писатели», Д.П. Святополк-Мирский располагает Гребенщикова в одном ряду с И.С. Шмелевым, Б. Савинковым, К. Треневым, О. Дымовым, характеризуя его как «сибиряка, чьи очень посредственные рассказы привлекли внимание в эмиграции именно описанием сибирской жизни»³⁵³. При этом автор числит Гребенщикова «среди более простых реалистов того поколения», отмечая, что «многие второстепенные писатели того времени подражали лирическому стилю короткого рассказа, начинателем которого был Тургенев, а продолжателем Бунин (современники различали его и у Чехова), но довели его до уровня низкой журналистики»³⁵⁴.

Кроме того, скептическим было отношение представителей русской диаспоры в Европе к профетическому пафосу Гребенщикова и связанным с ним способам писательской самопрезентации. Об этом свидетельствует, в частности, реакция Ю. Айхенвальда, довольно жестко критиковавшего Гребенщикова на страницах берлинской газеты «Руль». В рецензии 1925 г. критик писал о том, что тот «старается сделать себя достойным издательской рекомендации и начинает сам вещать в приподнятом тоне мистической теософ-

³⁵² Берг М. Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. М., 2000. С. 7. Как показывает П. Бурдьё, «[п]одчинение самым консервативным нормам и конвенциям является постоянной чертой <...> произведений, написанных представителями низших классов» (Бурдье П. Поле литературы. С. 84. Прим. 49).

³⁵³ Святополк-Мирский Д.П. Современная русская литература (1881–1925) // Святополк-Мирский Д.П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / Пер. с англ. Р. Зерновой. 4-е изд. Новосибирск: «Свиньин и сыновья», 2009. С. 616. ³⁵⁴ Там же. С. 618.

ской проповеди». Там же теософская риторика, использованная в рекламных проспектах «Алатаса» в связи с выходом второго тома романа «Чураевы», названа «выспренни[м] вздор[ом]»³⁵⁵. Г.П. Струве, отметив «свежесть и сил[у] в описаниях величественной алтайской природы», характерную для первого тома «Чураевых», отмечал, что в нем было «гораздо меньше безвкусия и потуг на дешевый символизм», нежели в последующих. Резюмировал критик безапелляционным высказыванием: «У Гребенщикова были и есть поклонники, но вклада в русскую литературу его эпопея не составит»³⁵⁶. 3. Гиппиус (под псевдонимом «Антон Крайний»), сравнивая произведения «серого повествователя-этнографа» Гребенщикова и И.А. Бунина, писала: «[Е]сли Бунин чистейшего огня рубин, то Гребенщиков – дай Бог с речного берега камушек», а «дома, на родной шахматной доске, Бунин стоял радом с ферзью, а Гребенщикова на этой доске, пожалуй, и вовсе не бывало»³⁵⁷. Пожалуй, наиболее резкий отзыв принадлежал А.Н. Толстому, назвавшему роман (написанный, по его мнению, так, как будто «[н]е было ничего. Андрей Белый не написал "Петербурга" и "Котика Летаева", по касательной пролетели мимо Гребенщикова и Ремизов и Замятин и весь "стиль эпохи" <...>») «ненужной книгой», находящейся «вне искусства», а его автора – «очередным Авсеенкой»³⁵⁸.

Показательно, что многие строгие критики Гребенщикова (3. Гиппиус, Г. Струве, Д. Святополк-Мирский) называются современным исследователем в числе тех, кто наиболее активно формировал в эмиграции миф о «серебряном веке» как о времени создания блестящей и сложной модернистской ли-

³⁵⁵ Цит. по: Азаров Ю.А. Основатель Чураевки // Азаров Ю.А. Диалог поверх барьеров. М.: Совпадение, 2005. С. 285.

 $^{^{356}}$ Струве Г. Русская литература в изгнании. Опыт исторического обзора зарубежной литературы. Paris: YMCA-Press, 1984. С. 129–130.

³⁵⁷ Крайний А. Полет в Европу // Литература русского зарубежья: Антология. Т. 1. Кн. 2 / Сост. В.В. Лавров. М.: «Книга», 1990. С. 373.

³⁵⁸ [Толстой А.Н.] Ненужная книга (Георгий Гребенщиков, «Чураевы», роман) // Накануне (Литературное приложение). 1922. 18 июня. С. 10.

тературы, прерванном Октябрьской революцией³⁵⁹. В этой перспективе становится еще более отчетливой взаимообусловленность оценок гребенщиковского творчества критиками и эстетическая практика автора «Чураевых» (вкупе с негативными отзывами писателя о «новых формах письма»).

В конце 1930-х годов Гребенщиков (не в последнюю очередь именно по причине неудовлетворенности местом во втором ряду эмигрантской словесности) настойчиво стремился post factum вписать свое пребывание в отдалении от центров русской эмиграции в контуры мифо-биографического сюжета об изгнании простонародного писателя из культурного поля. Однако однозначной версии, объясняющей собственную «изоляцию», Гребенщиков не предложил. Изначально заявив о трудности объяснения причин, свой «отход от европейских собратий» он описывал и как добровольный волевой акт, и как вынужденную меру, чередуя тем самым позиции «странника» (свободно выбравшего модель ухода и изоляции) и «изгоя» (оказавшегося в рамках этой поведенческой модели вынужденно). Как показали Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский, «"[и]згойничество" подразумевает положение выключенности из некоторой авторитетной организации. Организация эта может иметь характер социальной иерархии или пространственно выраженной структуры»³⁶⁰. В случае Гребенщикова наличествовали оба этих условия: пространственная отдаленность от культурных центров русской эмиграции и выключенность из литературного процесса, что создавало возможность сделать выбор в пользу версии о добровольности собственной изоляции. В письме И.А. Бунину от 1 января 1939 г. автор «Гонца» с гордостью декларировал уединение, акцентируя собственную «стойкость»: «Трудно объяснить причины моего уединения в стране, где все творится стадно, толпою. Одно могу сказать, сломать меня Америке не удалось и, думаю, не удастся. Этому помогла моя борьба за пра-

 $^{^{359}}$ См.: Рейтблат А.И. «... что блестит»? (Заметки социолога) // Новое литературное обозрение. 2002. № 53. С. 243. 360 Лотман Ю.М. «Изгой» и «изгойничество» как социально-психологическая позиция в

³⁶⁰ Лотман Ю.М. «Изгой» и «изгойничество» как социально-психологическая позиция в русской культуре преимущественно допетровского периода («Свое» и «чужое» в истории русской культуры) // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб.: «Искусство-СПБ», 2002. С. 231.

во быть самим собою, борьба непосильная, в одиночку, но, видимо, чисто сибирское упорство и прочная закладка здорового русского патриотизма и религиозного чувства, переданного мне моей простой, но сильной духом, матерью, помогли мне вынести эту непосильную борьбу»³⁶¹.

В другом письме Бунину (от 31 марта 1939 г.) содержатся объяснения причин разрыва с европейской частью русской эмиграции, в котором, по версии Гребенщикова, «сильно виноваты сами собратья в Европе»:

Куприн, если Вы заметили, первый написал обо мне в "Возрождении" ошеломивший меня пасквиль. Некая Даманская, которой я не мог устроить карьеру в Холливуде [sic! — А.Г.] с ее пьесой, открыто вела против меня кампанию. Г-жа Гиппиус писала обо мне явно недоброжелательные строки в "Совр<еменных записках". Милюков не принял моего рассказа в "Посл<едние нов<ости>". Алданов уклонился от участия в журнале, который я здесь затевал, правда к лучшему, т<ак> к<ак> здесь ничто порядочное долго существовать не может. <...> Словом, много причин для замкнутой [курсив наш. — А.Г.], упорной работы» 362 .

Гребенщиков актуализирует здесь впервые созданную им тремя десятилетиями ранее в статье «Перед судом фарисеев» мифологему литературного мученика, затравленного «врагами», роль которых теперь отводится литераторам диаспоры — в диапазоне от первостепенных (Куприн, Гиппиус и др.) до неизвестных («некая Даманская»).

По словам Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского, «[в] специфически русских условиях <...> потерявший свой статус и выброшенный в позицию социальной аномалии человек оказывался на положении "как бы иностранца"»³⁶³. Ситуация Гребенщикова в семиотическом плане была еще сложнее: писатель, по его версии, сперва оказавшийся изгоем по отношению к собственной родине в результате эмиграции, впоследствии (в 1930-х гг.) с помощью соответствующих автоописаний изгоя и «как бы иностранца» внутри культуры диаспоры, любопытным образом удвоил семантику своего изгойничества.

³⁶¹ И.А. Бунин и Г.Д. Гребенщиков. Переписка. С. 249.

³⁶² Там же. С. 249–250.

³⁶³ Лотман Ю.М. «Изгой» и «изгойничество» как социально-психологическая позиция в русской культуре преимущественно допетровского периода («Свое» и «чужое» в истории русской культуры). С. 231.

Такая позиция, в отличие от статуса провинциального литератора, стремящегося занять место в поле столичной литераторы или литературы диаспоры, исключала всяческую конкуренцию, являющуюся конститутивной особенностью литературного поля³⁶⁴. Вместе с тем, «неудача», постигшая Гребенщикова в поле литературы, никак не сказалась на мессианском утопизме его идей – он продолжал настойчивые попытки создания универсалистского ретроутопического проекта и предпринимал практические шаги для его реализации.

2.2. Сценарий «Отец и сын»

Одним из инструментов воплощения гребенщиковского мессианизма стали риторические и поведенческие шаги, совокупность которых мы определяем как сценарий «Отец и сын». В книге «Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии» Ричард Уортман использовал термин «сценарии» «[д]ля описания индивидуальных способов презентации императорского мифа»³⁶⁵. Мы будем, вслед за Уортманом, понимать под сценарием «Отец и сын» сумму «индивидуальных способов презентации» мессианских идей писателя-утописта, которые, по его замыслу, могли быть успешно реализованы внутри особой символической семьи, в которой он отводил себе место отпа.

Г.Д. Гребенщиков, как мы старались показать выше, использовал элементы дискурсивного «семейного» сценария и до эмиграции (отводя — в зависимости от ситуации — себе или адресату/собеседнику роль символического «предка»: «отца»/«дедушки»/«прадедушки»): как при конструировании позиции «наследника» сибирской областнической или национальной классической традиции, так и в процессе реализации профетической модели поведения. Принципиальная разница состоит в том, что в своей литературной

 $^{^{364}}$ Бурдье П. Поле литературы. С. 23.

 $^{^{365}}$ Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I / Авторизов. пер. с англ. С.В. Житомирской. М.: ОГИ, 2004. С. 22.

стратегии он конструировал отношения преемственности и топику «родственного» наследования классике, но с определенного момента этот сценарий вышел за рамки дискурсивной практики в область повседневного поведения.

Из мемуарных свидетельств мы знаем, что в США у четы Гребенщиковых было 17 приемных детей³⁶⁶. Чтобы показать своеобразие этих весьма необычных усыновлений, необходимо обозначить круг вероятных источников, на которые писатель мог опираться, вырабатывая свою модель семьи. Нам представляется, что художественное творчество и жизнестроительные жесты Гребенщикова американского периода в аспектах тела, сексуальности и брака так или иначе были связаны с учениями Н.Ф. Федорова и Л.Н. Толстого.

Как известно, поздний Толстой резко выступал против секса, брака и деторождения³⁶⁷, а Федоров, целью утопии которого стала «трансформация тела, в том числе коллективного»³⁶⁸, предлагал «замен[ить] деторождение отцетворением, или воссозданием отцов»³⁶⁹. Вопрос об отношении к полу у Федорова не имеет однозначного решения среди исследователей. Так, по мнению X. Гюнтера, федоровский проект имел в виду «создание нового целомудренного человека»³⁷⁰. Согласно более категоричной интерпретации О. Матич, учение Федорова предполагает, что «[в]оскресшие будут преображены эротической энергией, но сами будут свободны от желания, являя собой будущее сообщество бессмертных евнухов»³⁷¹.

Принципиально важно, что имя Н.Ф. Федорова, кажется, не упоминается в текстах Гребенщикова — это можно объяснить, как и в случае с «овидиев-

³⁶⁶ Росов В.А. Белый Храм на высоких горах: Очерки о русской эмиграции и сибирском писателе Георгии Гребенщикове. С. 105.

³⁶⁷ Об этом см.: Матич О. Эротическая утопия: Новое религиозное сознание и fin de siecle в России. С. 53–64.

³⁶⁸ Там же. С. 63.

³⁶⁹ Федоров Н.Ф. Философия общего дела. М.: Эксмо, 2008. С. 486.

³⁷⁰ Гюнтер Х. По обе стороны утопии: Контексты творчества А. Платонова. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 39.

³⁷¹ Матич О. Эротическая утопия: Новое религиозное сознание и fin de siecle в России. С. 27.

ским» сюжетом, манерой Гребенщикова «скрывать» отдельные источники собственных жизнестроительных стратегий. Однако есть все основания утверждать, что в американский период жизни Гребенщиков был знаком с трудами Федорова, имевшими хождение в среде интеллектуалов диаспоры. Один из ближайших учеников и популяризаторов федоровского учения Н.А. Сетницкий в 1925 г. оказался в Харбине, откуда рассылал переизданную им в Китае «Философию общего дела», собственные работы, посвященные изучению идей Федорова, а также книгу другого ученика Федорова – А.К. Горского. Адресатами Сетницкого, помимо европейских библиотек, были многие эмигрантские философы и писатели (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Г.В. Флоровский), в число которых входил и Г.Д. Гребенщиков 372 . Представляется, что Гребенщиков, внимательно читавший многочисленные письма, приходившие к нему из разных стран (и по возможности старавшийся отвечать всем корреспондентам), не мог пройти мимо учения, касающегося таких важных для него вопросов, как объединение для общей утопической цели, память в качестве фундамента будущего строительства и т.д.

Проследим федоровское влияние на идеи Гребенщикова на примере лекции «О красоте» (1926?), лейтмотивом которой является мысль о том, что необходимым условием культурного строительства является преодоление враждебных отношений между людьми (ср. федоровское «небратское» отношение людей друг к другу как основа зла):

лозунг наш: терпение, труд, всепрощение и любовь. Да, это самое трудное – полюбить вчерашнего врага и истязателя, но у нас, русских людей, нет иных путей к совместному строительству или мы должны остаться прежними и бесконечно истреблять друг друга»; «Если <...> мы начнем строительство с взаимного примирения, вернее с победы в самих себе мстительного чувства, <...> мы можем выстроить Россию – Храм. <...> Ради такого строительства стоит победить в себе всю боль обид и сладустную [sic! – А.Г.] жажду мести» 373.

³⁷² Гачева А.Г. Федоров Н.Ф. // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918—1940. Т.4. Всемирная литература и русское зарубежье. М.: РОССПЭН, 2006. С. 432–433. 373 ГМИЛИКА. ОФ. 699/2. Л. 7–8.

Такое пристальное внимание к мотивам вражды и мести становится более ясным, если интерпретировать их на интертекстуальном фоне «Философии общего дела», где им отведена роль тематических инвариантов³⁷⁴. Далее Гребенщиков, вполне в духе Федорова, настаивает на том, что необходимый результат может быть достигнут только в случае практической реализации идей: «все самые гениальные мысли и идеи без практического обладания материей приводили до сих пор к одним разочарованиям. Вот почему я повторяю, что недостаточно мечтать и говорить, но нужно действовать. И первый шаг такого действия – любовь, настойчивость в любви, и та самая настойчивость, перед которой не устояли бы никакие силы зла»³⁷⁵. Более того, в лекции содержится формулировка, практически дословно дублирующая федоровский призыв к власти над материей. «[В]се самые гениальные мысли и идеи без практического обладания матарьей [опечатка. Следует читать: матерьей. – А.Г.] приводили до сих пор к одним разочарованиям» 376 . Этот «федоровский» мотив регуляции материи Гребенщиков мог также встретить у Горького, усвоившего идеи философа и реинтерпретировавшего их в рамках советского дискурса³⁷⁷.

В отличие от открыто антипрокреативных учений Федорова и Толстого³⁷⁸, гребенщиковское отношение к телу и полу в целом было гораздо менее радикальным. Проект основателя Чураевки не предполагал в качестве утопи-

³⁷⁴ Наличие перекличек с федоровскими сочинениями, в частности, дает основания предполагать, что лекция «О красоте» была составлена Гребенщиковым под непосредственным впечатлением от чтения работ «московского Сократа» и его учеников. Это предположение подтверждается тем, что в архивной описи лекция предположительно датируется 1926 г., а отмеченная выше рассылка книг учеником Федорова Сетницким пришлась на 1925–1926 гг.

³⁷⁵ Там же. Л. 8.

³⁷⁶ Там же.

³⁷⁷ О горьковской рецепции идей Федорова см.: Эткинд А. Хлыст: Секты, литература и революция. С. 467; Сухих С.И. М. Горький и Н.Ф. Федоров // Русская литература. 1980. № 1. С. 160–168. Примечательно также, что с 1926 по 1934 гг. Горький состоял в переписке с Сетницким.

³⁷⁸ См.: Матич О. Эротическая утопия: Новое религиозное сознание и fin de siecle в России; Гюнтер X. По обе стороны утопии: Контексты творчества А. Платонова. С. 198.

ческого идеала фигуру андрогина (как у Соловьева³⁷⁹) или евнуха (как у Толстого и Федорова³⁸⁰). В случае Гребенщикова вопросы сексуальности чаще всего оставались на имплицитном уровне. Если же они нуждались в артикуляции, то Гребенщиков описывал тело как объект, который необходимо преобразить в религиозном смысле, и как своеобразный строительный инструмент для реализации трудовой утопии. Иными словами, гребенщиковское целомудренное отношение к телу экстраполировалось и на практику культурного строительства. Так, 7 декабря 1926 г. он писал своему другу и постоянному корреспонденту И.Г. Савченко о том, что его «[у]влекает <...> идея — построить нечто большое (сравнительно) и из дикого куска сделать культурный уголок, соединивши в нем девственность с культурой мысли» (4, 474). Этот пассаж можно считать программной декларацией «соедин[ения] девственност[и] с культурой мысли», которая наглядно демонстрирует окрашенность гребенщиковского утопического проекта в аскетические тона.

Ослабленность эротического элемента утопического дискурса Гребенщикова отчасти можно объяснить тем, что, по справедливому замечанию А. Эткинда, «человеческая сексуальность и ее производные – любовь, семья и становящаяся нужной собственность – разрушает утопический мир»³⁸¹. В той или иной мере опираясь на опыт утопистов-предшественников, Гребенщиков не мог не учитывать, что прямое обсуждение вопросов тела и пола, тем более запрет на брак, сожительство или сексуальные отношения между членами общины, может поставить под угрозу само ее существование. Тем не менее, первый опыт изложения программы устройства и функционирования трудовой общины («Проект устава Алтайской сельскохозяйственной артели») в силу самой своей специфики не мог игнорировать проблемы семьи. В артель

³⁷⁹ Матич О. Суета вокруг кровати: утопическая организация быта и русский авангард / Пер. с англ. И.Д. Прохоровой // Литературное обозрение. 1991. № 11. С. 81; Матич О. Эротическая утопия: Новое религиозное сознание и fin de siecle в России. С. 80–87.

³⁸⁰ Матич О. Эротическая утопия: Новое религиозное сознание и fin de siecle в России. С. 27.

³⁸¹ Эткинд А. Хлыст: Секты, литература и революция. С. 68. Симптоматично, что в качестве одной из иллюстраций этого тезиса исследователь приводит случаи разрушения коммун толстовцев.

могли быть приняты как мужчины, так и женщины³⁸² репродуктивного (однако строго регламентированного) возраста:

мужчины не моложе 21 и не старше 40 лет и женщины не младше 17 и не старше 30 лет. Допускается два исключения для обоих полов не старше 50 — женщина и 60 л<ет> — мужчина. Членов мужчин должно быть не менее двух третей, особенно в первое трехлетие отдается предпочтение мужской молодежи (134–135).

И, вместе с тем, руководствуясь «желанием осуществить артель во что бы то ни стало», Гребенщиков не планировал принимать в ее ряды больше пяти семей с детьми; семьи, имеющие более двух детей, вообще не имели возможности стать членами артели (135). Любопытно, что при этом особо оговаривались нравственные качества — потенциальные члены должны быть людьми «сознательны[ми], честны[ми], здоровы[ми] телом и духом» (134), а «[х]ронически больные или порочные лица» не могли быть приняты вовсе (135)³⁸³.

Уже в третьем пункте «Проекта» артикулировалось намерение устроить артель по модели семьи: «Артель стремится, прежде всего, к объединению своих членов в общую семью тружеников — <...> на началах полного равноправия» (131), «придавая труду большую ценность, чем деньгам» (132). Не останавливаясь сейчас на этом специально, отметим стремление Гребенщикова впоследствии организовать по той же модели и чураевскую общину, что автоматически ставило вопрос о наличии в этой «семье» детей. Нам представляется, что именно поэтому в американский период складывается пове-

³⁸² Специально оговаривалось, что «женский труд <...> не освобождает» женщин от выполнения бытовых работ, в числе которых названы «приготовление кушаний, уход за скотом и птицей, стирка белья и тому подобное», при этом «исключительные облегчения» в работе предусмотрены для женщин, «находящи[х]ся во втором периоде беременности» (132, 133). Здесь и далее текст «Проекта» цитируется по работе В.Н. Леонова «Культурологическая концепция Г.Д. Гребенщикова», в которой он приведен в качестве приложения, с указанием страниц в скобках.

³⁸³ Показательно при этом, что Гребенщиков никак не поясняет, каким именно образом могли быть верифицированы такие качества, как «сознательность» или «здоровье духа».

денческий сценарий «Отец и сын», одним из центральных элементов которого стала практика усыновления³⁸⁴.

Специфика гребенщиковских усыновлений состояла в том, что приемными детьми писателя зачастую становились совершеннолетние люди. Безусловно, это имело конкретное прагматическое обоснование – такие усыновления позволяли спасти молодых людей от грозящей им репатриации в СССР, где им была уготована участь политических заключенных 385. Вместе с тем, это соображение никак не отменяет возможности включения означенной практики в контуры жизнестроительной активности писателя, поскольку эта практика была результатом свободного и самостоятельного решения писателя, тесно соотносилась с его концепцией эмиграции как временного «рассеяния» (предшествующего «объединению» и «возрождению» русской культуры) и многочисленными декларациями о необходимости взаимопомощи в эмигрантской среде. Кроме того, эти усыновления заставляют рассматривать случай Гребенщикова в широкой перспективе жизнестроительных экспериментов с традиционной моделью семьи, сопровождавших русскую культуру первой половины ХХ в.

³⁸⁴ Необходимо оговориться, что отсутствие детей от брака писателя с Т.Д. Гребенщиковой (Стадник) может объясняться и иными причинами (внутрисемейными, медицинскими и т.д.). Но, во-первых, достоверные сведения на этот счет нам неизвестны, следовательно, такой способ объяснения не может считаться исчерпывающим; во-вторых, этот факт интересует нас в перспективе реконструкции утопической программы Гребенщикова, а потому и рассматривается в контексте других ее манифестаций.

³⁸⁵ Гребенщикова вообще чрезвычайно заботила судьба беженцев и русских военнопленных. См. письмо супругам Коварским от 19 августа 1947 г. (Росов В.А. Георгий Гребенщиков: Письма И.Н. и Л.А. Коварским (1940–1963) // Алтайский текст в русской культуре. Вып. 3. С. 168), а также очерк «На фарме толстовского фонда», статьи «Привет новоприбывшим» и «Дары кораблекрушения». Помимо этого, в эмиграции он оказывал помощь (в частности, материальную) русским писателям. Так, например, в 1922 г. он писал М. Горькому: «Теперь материально оправился настолько, что писателям в Россию направил посылок и проч. в общей сложности на 25 000 германских марок» (3, 478). Позднее он организовывал сбор средств в поддержку нуждающихся русских писателей во Франции, причем половина этих денег, по его инициативе, должна была быть передана И.А. Бунину. См.: И.А. Бунин и Г.Д. Гребенщиков. Переписка. С. 252–253 и сл. Ср. ещё один пример (из множества имеющихся) в письме некоей Н. Тороповой Гребенщикову от 11 января 1932 г.: «Знаю, что очень много русских эмигрантов нашли себе работу благодаря Вам» (ГМИ-ЛИКА. ОФ. Ед. хр. 56739/395. Л. 1).

Итак, интересующий нас случай (на котором мы сосредоточим внимание при анализе сценария «Отец и сын», рассматривая его в качестве идеальной модели, так и не воплотившейся в жизнь) выбивается из череды многочисленных усыновлений четы Гребенщиковых, нося принципиально иной характер. 14 февраля 1945 г. Гребенщиков написал письмо Степану Бескиду³⁸⁶, которое можно считать важнейшей манифестацией сценария «Отец и сын». В этом письме содержится предложение усыновить адресата, в недавнем прошлом талантливого студента³⁸⁷. Зная, что Бескид не нуждается в обыкновенном усыновлении³⁸⁸, Гребенщиков акцентирует мотив особого, символического (и в тоже время вполне реального) «усыновления»: «Это отнюдь не значит, что ты перестанешь быть сыном и братом своей родной семьи, но это значит, что наш дом отныне твое родное гнездо». Таким образом, писатель предлагает Бескиду несколько странное положение члена одновременно двух семей. Вместе с тем речь не идет о некоем абстрактном «духовном» родстве: «материально мы должны делиться всем, что у нас есть и заботиться друг о друге со всей любовью родных людей»³⁸⁹. Гребенщиков создает такую семиотическую ситуацию, в которой отводит себе роль «отца», а Бескиду – «сына»³⁹⁰.

Это письмо позволяет сделать вывод о том, что прагматически сценарий «Отец и сын» также призван был решить важнейшую проблему, вставшую

³⁸⁶ Обстоятельства их знакомства, по воспоминаниям Бескида, таковы: он узнал из газеты, что «писатель Гребенщиков дает студентам три стипендии». Обладателем одной из них и стал Бескид, написав автобиографию на русском языке (его родители были родом с Прикарпатья, поэтому в семье говорили по-английски и по-русски). Это дало Степану возможность стать студентом университета во Флориде, где он слушал лекции Гребенщикова («учился у него русской истории, литературе»). Впрочем, вскоре Бескид вынужден был вернуться домой по причине болезни матери (Росов В.А. Белый Храм на высоких горах: Очерки о русской эмиграции и сибирском писателе Георгии Гребенщикове. С. 52–53).

³⁸⁷ Тот факт, что письмо подписано от лица писателя и его супруги, демонстрирует согласованность принятого решения.

³⁸⁸ Бескид родился в США и был американским гражданином, следовательно, ему не угрожала репатриация. Помимо этого, на момент предложения Гребенщикова он не был сиротой и достиг совершеннолетия.

³⁸⁹ Росов В.А. Белый Храм на высоких горах: Очерки о русской эмиграции и сибирском писателе Георгии Гребенщикове. С. 48.

³⁹⁰ Любопытно, что глава из книги В. Росова, в которой опубликовано письмо Гребенщикова Бескиду, носит название «Отец и Сын» (Там же. С. 47–59).

перед Гребенщиковым, – проблему трансляции его религиозно-философских идей и культуростроительной программы. Для такой трансляции необходимы были единомышленники, которые могли бы расширять зону распространения идей основателя Чураевки. Эту задачу можно было частично решить с помощью конструирования отцовско-сыновних отношений (пусть и символических), которые вполне естественно предполагают и включают в себя отношения в системе координат учитель – ученик. Программное письмо Бескиду демонстрирует именно такой механизм: Гребенщиков, не дожидаясь согласия адресата быть «усыновленным», берет на себя функции учителя, предлагая «сыну-ученику» четыре «правила Жизни». По причине концептуальной важности этих правил, приведем их текст целиком:

- 1. Ходи в Правде Божией, не полагаясь на правду человеческую. Правда Божия вложена в твое сердце в виде любви, совести, жажды Красоты и счастья. Без духовного устремления человек никогда не может быть по-настоящему счастлив.
- 2. Всякий суд над другими начинай с суда над самим собою. То есть, прежде чем судить других, спроси себя, все ли в тебе совершенно. Поэтому уменьшай недостатки других и увеличивай свои достоинства. Ищи даже в самом плохом человеке что-либо хорошее, и ты всегда найдешь, а это значит, что и самый плохой человек в общении с тобою станет лучше. Ибо Бог дал тебе свет разума и любви, и лучи их всегда должны согревать других.
- 3. Выбирая для себя спутницу жизни жену, не прельщайся только внешней красотою, но ищи красоты сердца, ума и трудолюбия. Женившись, будь верен жене до конца дней, а когда будут дети, приучай их с малых лет к нужде да, к нужде, чтобы ценили все, что от даров Божиих и от богатства опыта. Запомни, что не знающие нужды дети и при миллионах будут нищими.
- 4. Избери себе определенный путь и какую-либо большую идею для достижения и следуй по этому пути без отступления, упорно и не отчаиваясь при неудачах: удачи нас портят, неудачи учат³⁹¹.

Советы Гребенщикова располагаются в широком тематическом диапазоне от абстрактных «духовных» до вполне конкретных. Эти «правила» и содержательно, и риторически варьируют стандартные топосы и формулы, характерные как для текста Библии³⁹² и ортодоксального богословия, так и для

³⁹¹ Там же. С. 49.

 $^{^{392}}$ Так, центральная идея 2-го правила (предпочтение суда «над собой» суду «над другими») непосредственно восходит к евангельской притче (Мф. 7: 1-5).

многочисленных рерихианских сочинений, что соответствует манере Гребенщикова синтезировать различные религиозные традиции.

Рецептивная установка текста, предложенного Гребенщиковым Бескиду, основывается на переписывании и многократном чтении адресатом ригористических максим «учителя» вплоть до их запоминания («И запомни, запиши несколько правил Жизни»³⁹³), поскольку последние, согласно их автору, недоступны для понимания после первого прочтения и рассчитаны на «медленное» усвоение: «Читай и перечитывай это письмо, пока поймешь его вполне и примешь всем сердцем»³⁹⁴. О новом коммуникативном режиме отношений Гребенщикова и Бескида также свидетельствует обещание автора письма молиться за адресата и просьба об ответной молитвенной поддержке³⁹⁵ – чета Гребенщиковых и их новый «сын», по мысли писателя, должны были оказывать друг другу особую «духовную» помощь. Эти особенности письма объясняются религиозностью и как его автора, и Степана Бескида, набожность которого была важнейшим условием при выборе его кандидатуры на роль «наследника» Гребенщикова. Позднее Бескид вспоминал: «Он [Г.Д. Гребенщиков. – А.Г.] такой набожный, и я – набожный. Каждую пятницу у нас была малая вечеря»³⁹⁶.

Показательно, что в этом письме Гребенщиков строго дозировал объем дидактической информации, рассчитывая на продолжительный диалог — на это, помимо небольшого и подчиненного нумерации количества «правил»,

³⁹³ Там же.

³⁹⁴ Там же. В этом смысле письмо продолжает тенденцию, наиболее полно воплощенную Гребенщиковым в «Гонце». В рамках отмеченной выше перспективы сопоставления «Гонца» и гоголевских «Выбранных мест» заметим, что такая рецептивная установка отчасти напоминает герменевтические принципы, которые поздний Гоголь неустанно предлагал своим читателям, настаивая на прочтении собственных текстов в духе александрийской богословской традиции аллегорического чтения. См.: Гончаров С.А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. СПб., 1997. С. 110–120.

³⁹⁵ Росов В.А. Белый Храм на высоких горах: Очерки о русской эмиграции и сибирском писателе Георгии Гребенщикове. С. 49.

³⁹⁶ Там же. С. 53.

указывает фраза, следующая сразу после 4-го правила: «Ну вот, это пока ${\rm все} > 397$.

Писатель видел в Бескиде не просто сына, но и литературного помощника — в письме он осторожно замечает: «Если нам понравится, мы вместе займемся литературными трудами, ты можешь во многом помочь <...>». В то же время Гребенщиков не настаивает на таком варианте развития событий: «<...> может быть, спланируем иные перемены жизни — все будет зависеть от обстоятельств, свободного решения и взаимной любви и бескорыстия»³⁹⁸.

Этот сюжет гребенщиковского жизнетекста необходимо рассматривать в перспективе сюжетных взаимоотношений отцов и сыновей в его прозе, для которой рефлексия семейных конфликтов была необычайно важна³⁹⁹. Инвариантом ключевых гребенщиковских произведений стал мотив разрыва младшего сына с отцом (и, как следствие, с семьей вообще) на основании мировоззренческих (идеологических и/или религиозных) расхождений. Так, в «Чураевых» Фирс Платоныч отправляет Василия в Москву, чтобы тот, получив необходимое образование, «постоял за истинную веру» и укрепил положение отца – лидера общины – в борьбе с его антагонистом «еретиком» Данилой Анкудинычем⁴⁰⁰. Однако Василий, разоблачив отцовский обман (совершенные дедом и отцом убийства, скрывавшиеся последним), разрывает отношения с семьей и окончательно отходит от старообрядчества, становясь

³⁹⁷ Там же. С. 49.

³⁹⁸ Там же. С. 48. Однако этой надежде не суждено было сбыться: в старости, будучи тяжело больным человеком, супруга Гребенщикова (ухаживавшая за писателем, потерявшим речь и память и лишенным возможности передвигаться) осталась без всяческой помощи и не имела возможности привести в порядок архив писателя, хранившийся в гараже возле дома. См. об этом в ее письмах к Н.Н. Яновскому.

³⁹⁹ Неслучайно Т.Н. Закаблукова, исследуя жанровую специфику «Чураевых», характеризует роман как семейную хронику. См.: Закаблукова Т.Н. Семейная хроника как сюжетнотипологическая основа романов «Чураевы» Г.Д. Гребенщикова и «Угрюм-река» В.Я. Шишкова. Дисс. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2008.

⁴⁰⁰ Подробнее об этом прагматическом мотиве Фирса Платоныча см.: Закаблукова Т.Н. Семейная хроника как сюжетно-типологическая основа романов «Чураевы» Г.Д. Гребенщикова и «Угрюм-река» В.Я. Шишкова. С. 59 и сл.

богоискателем 401 . Кульминацией разрушения чураевской семьи становится сцена проклятия отцом сына 402 .

По сходной сюжетной траектории развивались отношения центрального героя написанной десятилетием ранее пьесы «Сын народа» Федора Правдина с его отцом Самсонычем, который (вместе со старшим братом Федора Савелием) препятствует тяге сына к чтению. Савелий уничтожает книги, бьет Федора и т.д. Аналогичный мировоззренческий конфликт обнаруживается и в пьесе «Джаксы джигит». Здесь отец — богатый скотовод Акпай — представитель традиционного киргизского общества, а у его сына Султанбека, получившего хорошее (и, естественно, крайне редкое в его среде) образование, формируется совершенно иная картина мира: «Мне <...> милее быть вполне образованным, чем иметь тысячи голов скота» Это естественным образом приводит к неминуемым драматическим разногласиям Султанбека, ставшего адвокатом, со своей средой. Таким образом, и Федор Правдин, и Султанбек, и Василий Чураев сталкиваются с реалиями «закрытого» общества, препятствующего разрыву героев с традиционными моделями поведения 405.

Вообще говоря, многие центральные герои Гребенщикова — это модерные субъекты, в силу обстоятельств (рождение за пределами города или при-

⁴⁰¹ О богоискательстве героя см.: Забелин П.В. Философское наследие Г.Д. Гребенщикова: поиски Василия Чураева // Культурное наследие Алтая. Барнаул: Алтайское кн. издательство, 1992. С. 87–89; Закаблукова Т.Н. Мотив «блудного сына» в романе-эпопее Г.Д. Гребенщикова «Чураевы» // Алтайский текст в русской культуре. Вып. 3. С. 12–18; Яранцев В. «Ступени к храму» Василия Чураева // Алтай. 2007. № 1. С. 169–173.

⁴⁰² Как кажется, источником этой сцены стал эпизод проклятия Ариной Петровной своего сына Иудушки в другой своеобразной «семейной хронике» — романе М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы».

 $^{^{403}}$ Гребенщиков Г.Д. Джаксы джигит [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://grebensch.narod.ru/zhigit.htm (дата обращения: 15.01.2016).

⁴⁰⁴ В перспективе «семейной» составляющей гребенщиковской утопии и обсуждаемой проблематики столкновения модерного героя с домодерной средой примечательно, что Василий женится на Наденьке, которая сперва была женой его брата Викула.

⁴⁰⁵ В случае Султанбека любопытно, что его отличие от родителей особенно маркируется характерной разницей в одежде: мать и отец носят традиционные костюмы, Султанбек же в последней картине одет в пальто и «элегантный черный сюртук». Ср. в эой перспективе разработанный Гребенщиковым широкий репертуар средств репрезентации контраста между исходным и достигнутым положением, а также его манеру одеваться подчеркнуто «по-городски» (см. 1.1.).

езд из города в деревню) погруженные в домодерную среду. Эта исходная коллизия порождает болезненную невозможность реализации иных, не принятых в традиционном сообществе социальных моделей и стремление изменить собственную идентичность, присущее модерному субъекту.

Помимо Федора Правдина, Василия Чураева и Султанбека, в этом ряду (не претендуя здесь на его исчерпанность) можно назвать героиню одноименной повести Любаву, протагониста статьи «Перед судом фарисеев», мечтающего о побеге в Америку мальчика из рассказа «Двое». Большинство из этих персонажей в той или иной мере являются трикстерами. Все они отчасти наследуют фигуре культурного героя (в европейской мифологии манифестированной, например, образом Прометея – ср. отсылку к его фигуре в статье «Перед судом фарисеев»), занятого просвещением людей и обучением их ремеслам и искусствам 406 ; отчасти же вписываются в парадигму трикстерства, описанную M. Липовецким⁴⁰⁷, во многом, впрочем, выбиваясь из нее⁴⁰⁸. Так, прежде всего гребенщиковские герои-трикстеры лишены «плутовской», шутовской, клоунской составляющих – для их мировоззрения характерны серьезность и прямолинейность, граничащие с трагизмом. В этом их отличие от автора, который, как уже говорилось в первой главе, в многочисленных эгодокументах необычайно активно прибегал к автомифологизации, неизбежно искажая сведения о себе и меняя риторические стратегии в зависимости от коммуникативной ситуации. Персонажи Гребенщикова испытывают (иногда неотрефлексированное) «томление», желание «вырваться» за пределы родных мест, разрывая связи со своей средой и реализуя заложенный в них по-

 $^{^{406}}$ См.: Мелетинский Е.М. Культурный герой // Мифы народов мира. Т. 2. С. 25–28.

 $^{^{407}}$ Липовецкий М. Трикстер и «закрытое общество» // Новое литературное обозрение. 2009. №. 100. С. 224–245.

⁴⁰⁸ Однако их принципиально важными сходствами с архетипом трикстера, исследованным Липовецким применительно к его манифестациям в советской культуре, остаются такие качества, как «амбивалентность и функция медиатора», «лиминальность», «прям[ая] или косвенн[ая] <...> связь[] с сакральным контекстом» (Там же. С. 227–233.).

тенциал странничества (имеющего в русской культуре отчетливый жизнестроительный обертон 409).

Совокупность этих примеров демонстрирует механизм выстраивания Гребенщиковым жизнетекста с учетом собственного литературного опыта. В свое время Т.Г. Черняева отмечала стремление Гребенщикова в ранних вещах «найти возможные варианты собственной судьбы» 410. Применительно к этому же периоду творчества писателя относится предложенное О.А. Толстоноженко понимание «переклич[ек] между жизнью и творчеством <...> как элемент[ов] жизнетворческой автометаописательной программы» 411. В плане интересующей нас проблематики этот механизм остается неизменным: если в романе «Чураевы» брак отвергается литературным alter едо автора в пользу религиозного поиска, то в биографии самого автора активность по созданию символической семьи встраивается в контуры универсалистского религиозно-утопического проекта, подчиняясь его прагматике.

Динамика «проповеднических» амбиций Гребенщикова нагляднее всего видна при сопоставлении письма Бескиду с письмом, четвертью века ранее адресованным литератором своей первой жене Людмиле Николаевне Гребенщиковой и единственному сыну Анатолию. Письмо это, написанное в Ялте 23 марта 1919 г., является единственным дошедшим до нас эпистолярным посланием первой семье⁴¹². Т.Г. Черняева, предпринявшая попытку реконструкции эмоциональных переживаний автора, замечает, что «[п]исьмо отражает двойственное положение Гребенщикова, нашедшего на фронте верную подругу будущей эмигрантской жизни, <...>, но, безусловно, испытывавшего душевный дискомфорт в связи с оставленными <...> женой и сыном»⁴¹³. Нам представляется, что об эмоциональном состоянии Гребенщико-

 $^{^{409}}$ См.: Смирнов И.П. Странничество и скитальчество в русской культуре // Звезда. 2005. № 5. С. 212.

⁴¹⁰ Черняева Т.Г. Начало творческой биографии Г.Д. Гребенщикова. С. 42

⁴¹¹ Толстоноженко О.А. Провинциальный интеллигент в столице: рефлексия травмы в раннем творчестве Г.Д. Гребенщикова. С. 343

⁴¹² Гребенщиков Г.Д. Письма (1907–1917). Книга первая. С. 105.

⁴¹³ Там же.

ва на основе этого письма адресанта судить сложно⁴¹⁴. Так или иначе, обращает на себя внимание полное отсутствие в этом «прощальном» письме каких-либо наставлений жене или сыну, вполне ожидаемых, если учесть ряд факторов: возраст Анатолия, которому на тот момент шел тринадцатый год; дата написания письма – спустя два дня после дня рождения сына (мальчик родился 21 марта $1906 \, \Gamma$.)⁴¹⁵; общий тон письма и отдельные фразы, сближающие его с завещанием («я пишу на всякий случай и думаю, что не погибну, хоть и примирился с мыслью о смерти. Если же умру <...>» 416) и даже прямую характеристику письма как «завещания» 417, что автоматически предполагает обращение к близким с некими финальными наставлениями. Но, несмотря на все это, писатель не дает жене и сыну никаких советов или дидактических «правил» – все указания, содержащиеся в тексте, сводятся к финансовым (автор перечисляет, где и у кого оставил средства, предназначенные для семьи, называет адреса и даты переводов) и литературно-бытовым аспектам (просьба «дороже денег <...> хранить до первой возможности издать» рукопись романа «Чураевы»)⁴¹⁸.

Эту особенность письма можно интерпретировать как нежелание открыто дать понять близким о невозможности своего возвращения, но такое объяснение едва ли может считаться исчерпывающим хотя бы по причине «весьма заметн[ого] прощальн[ого] "подтекст[а]", скорее всего прочи-

⁴¹⁴ Не говоря о том, что едва ли возможно относиться с полным «доверием» к уверениям писателя в непреодолимом желании вернуться домой, учитывая отмеченный самой исследовательницей факт его знакомства с будущей второй женой («верной подругой будущей эмигрантской жизни») задолго до момента написания письма и констатацию «напрасности» «попытки убедить близких в своей привязанности и тоске по ним» (Там же). Помимо этого, Т.Д. Стадник в 1934 г. свидетельствовала о том, что отъезд писателя из России состоялся «добровольно, на свой счет, вне эвакуации с намерением издать свои труды за границей и затем проехать на Дальний Восток и в Сибирь, на Родину, но развернувшиеся события задержали его заграницей» (цит. по: Суматохина Л.В. Горький и писатели Сибири. С. 33). ⁴¹⁵ Вероятно, письмо было приурочено к этой дате.

⁴¹⁶ Гребенщиков Г.Д. Письма (1907–1917). Книга первая. С. 111.

⁴¹⁷ Там же.

⁴¹⁸ Там же. С. 110–111.

танн[ого] Людмилой Николаевной между строк»⁴¹⁹. Нам представляется, что, помимо чисто психологической сложности объявления членам семьи о разрыве, причина могла заключаться в отсутствии обдуманного «патерналистского» сценария, который сложился позднее. Наставления сыну содержатся в более позднем письме, от 5 апреля 1931 г. Гребенщиков, перечисляя свои достижения, предлагает Анатолию «пойти вместе для хорошей созидательной работы для интересной идеи великого будущего, просто, наконец, для твоей собственной радости в жизни»⁴²⁰.

Анатолий не принял предложения отца. Это позволяет интерпретировать отчетливость патерналистского сценария в случае со Степаном Бескидом и стремление обрести в его лице «наследника» как компенсаторные по отношению к драматически прерванным отношениям с родным сыном. Об этом же свидетельствует и более раннее письмо Гребенщикова С.С. Митусову (от 28 января 1926 г.), в котором литератор просил «приласкать и духовно помочь моему сыну Анатолию», поясняя эту просьбу так: «Я <...> помогаю материально, но духовное мое влияние на сына парализовано десятью годами разлуки» сстуя на «парализацию» «духовного влияния» гребенщиков предполагает для своего сына миссию посредника (или, в рерихианской терминологии писателя, — «гонца») между «Алатасом» и Россией: «М<ожет> б<ыть>, он с своей стороны поможет Вам в распространении наших изданий

⁴¹⁹ Там же. С. 106. Вместе с этим Гребенщиков, находясь за границей, неоднократно ходатайствовал о выезде первой жены и сына из России. Писатель настойчиво просил об этом Горького (см.: Суматохина Л.В. М. Горький и писатели Сибири. С. 34–35). Кроме того, 27 августа 1920 г. он писал П.Б. Струве, вошедшему в состав Правительства Юга России: «Между тем на родине, в Сибири, у меня маленький сын. Преодолевая все превратности судьбы, я берегу свою персону именно для двух особ – для литературы и для сына, пути к которому отрезаны вот уже четвертый год» (И.А. Бунин и Г.Д. Гребенщиков. Переписка. С. 258). Любопытно, что обращаясь за помощью к Струве («я обращаюсь к Вам теперь уже как к министру: Вы многое можете сделать»; Там же. С. 259), Гребенщиков делает акцент на юном возрасте сына («маленький сын»), тогда как годом ранее, желая ободрить жену, пишет: «Мой милый Толик! Какой он, наверное, большой теперь и говорит, наверное, басом» (Гребенщиков Г.Д. Письма (1907–1917). Книга первая. С. 112).

⁴²⁰ Гребенщиков Г.Д. Письмо Анатолию Гребенщикову [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://umedia.lib.umn.edu/node/469097 (дата обращения: 13. 12. 2016).

⁴²¹ ГМИЛИКА. ОФ. Ед. хр. 56739/576. Л. 1.

⁴²² Ср. «правила Жизни», призванные оказывать активное «духовное влияние» на С. Бескида.

среди молодежи»⁴²³. Как мы видели, аналогичную, хотя и менее масштабную, роль литературного сотрудника писатель планировал отвести Бескиду.

Гребенщиковский сценарий потерпел неудачу, оставшись не воплощенным в жизнь в той степени, в какой этого хотелось писателю, поскольку Бескид не разделил связывавшихся с ним планов⁴²⁴. Через два года после получения письма Бескид приехал в Лейкленд⁴²⁵, где встретил радушный прием («Георгий Дмитриевич добрый такой был ко мне. Мы с ним трудились»⁴²⁶), однако вскоре снова уехал «в Свято-Владимирскую семинарию при Колумбийском университете»⁴²⁷. В целом этот не реализованный в полной мере «патерналистский» сценарий должен был предоставить писателю более обоснованную возможность трансляции собственных идей. В конечном счете, наиболее эффективным инструментом трансляции мессианских идей стала постройка деревни в США Чураевка, характеризовавшейся Гребенщиковым как «скит» русской культуры, обсуждению чего и будет посвящена следующая глава.

⁴²³ Там же. Л. 1–1об.

⁴²⁴ Однако инерция, заложенная в этом сценарии, продуцирует мифологизирующие описания некоторых исследователей. Так, В. Росов, комментируя совместную фотографию Гребенщикова и Бескида, натурализует их «родственную» связь: «Лица рядом, одно к другому. И теперь еще раз не могу не поразиться похожести этих двух на первый взгляд неродных людей. Неродных по крови, но душевно, обликом они, точно, отец и сын» (Росов В.А. Белый Храм на высоких горах: Очерки о русской эмиграции и сибирском писателе Георгии Гребенщикове. С. 47).

⁴²⁵ Любопытна мотивировка этого приезда: «После войны я поехал сначала в Гарвард, а затем в Йельский университет. <...> Трудно было поступить учиться. Тогда решил: поеду снова к Георгию Дмитриевичу во Флориду» (Там же. С. 56).

⁴²⁶ Бескид не поясняет, о каких именно совместных трудах идет речь.

⁴²⁷ Росов В.А. Белый Храм на высоких горах: Очерки о русской эмиграции и сибирском писателе Георгии Гребенщикове. С. 56.

Глава 3. Чураевка как текст-палимпсест: символизация повседневности внутри ретроутопического проекта

3.1. Чураевка как автоцитата: от хронотопа к топониму

География строительных инициатив Г.Д. Гребенщикова включала Алтай, Крым, Карпаты, Казахстан, Францию⁴²⁸, Германию, США (4, 298–299; ср.: 4, 475). Стремление претворять в жизнь собственные проекты было присуще писателю на протяжении всей его деятельности. В его письме И.А. Бунину от 22 февраля 1921 г. содержится такая автохарактеристика: «я "кулак" с мужицкой тягою к земле и <...> кроме всего, привык из пустяков вещественных делать нечто материально стоящее»⁴²⁹. В 1927 г. Гребенщиков писал одному из корреспондентов:

Овладел английским языком, овладел автомобилем, живу среди лесов и гор, над рекою, дом строил сам, теперь сам строю для других и буду строить дальше <...> строю в Америке, чтобы научиться строить в лучшей из стран мира – в Сибири (4, 475).

Примерно в это же время в лекции «О красоте» Гребенщиков акцентировал свой практический опыт, используя отсылку к евангельской притче о домах, построенных на песке и на камне⁴³⁰: «я смею вас уверить, что имею опыт делового человека и свою проповедь строю на хорошем каменном фундаменте»⁴³¹.

⁴²⁸ Об основании Гребенщиковым во Франции коммуны Ла Фавьер см.: Сирота О.С. Проблемы сохранения и развития русской культуры в условиях эмиграции первой волны: культурно-просветительская деятельность и литературное творчество Г.Д. Гребенщикова. С. 30 и сл.; Санникова А.А. Чураевка как идеал русской общины (культурно-просветительская деятельность Г.Д. Гребенщикова). С. 19–20.

⁴²⁹ И.А. Бунин и Г.Д. Гребенщиков. Переписка. С. 236.

⁴³⁰ Ср.: «всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне» (Матф. 7: 24). Гребенщиков соотносит свою проповедь с проповедью Христа, следуя стратегии риторической автопроекции на фигуру и биографию Христа, начатой четвертью века ранее в статье «Перед судом фарисеев».

 $^{^{431}}$ ГМИЛИКА. ОФ. 699/2. Л. 3. Здесь характерно также то, что значимость «проповеди» писателя нетривиальным образом обеспечивается его «деловым» опытом, а не духовным авторитетом.

Основываясь на подобных высказываниях писателя, А.А. Санникова интерпретирует строительство Чураевки как «своего рода *"генеральную репетицию" будущего культурного строительства в Сибири*⁴³². Можно сказать, что такими «репетициями» были все многочисленные строительные инициативы писателя. Поэтому, чтобы полнее понять символическую специфику Чураевки, стоит предварительно остановиться на некоторых проектах, предшествовавших ей, и рассмотреть их в перспективе тех символических задач, которые ставил перед ними сам Гребенщиков.

В 1910—1911-х гг., на которые пришлись две экспедиции в долины рек Убы и Бухтармы, Гребенщиков внимательно изучал опыт сектантов и старообрядцев (которых он тоже называл «сектантами»). Этот ранний интерес стимулировался не только надеждами, которые возлагал на молодого этнографа Г.Н. Потанин⁴³³. Гребенщикова интересовал жизнестроительный опыт сектантов и раскольников — прежде всего начинающего этнографа интересовал у искателей Беловодья опыт построения общины, которая не равнялась бы трудовой артели, а могла стать частью глобального утопического проекта.

В очерке «Алтайская Русь» (1914), обозначенном автором как «истори-ко-этнографический», Гребенщиков комплиментарно описывает уклад и «семейную и общественную этику» алтайских сектантов. «[В] семье всегда царили примерное миролюбие и созидательный дружный труд»; «[п]ри таком семейном укладе <...> жизнь <...> протекала в мире и благоденствии, управляемая исключительно человечностью <...> и той простотой нравов, которая не создавала хитрых узлов и условностей, но крепко связывала всех в одну общую семью-коммуну» (1, 530, 531). Этот уклад, игнорирующий сложность культурных «условностей» и гарантирующий защиту от «развра-

 $^{^{432}}$ Санникова А.А. Чураевка как идеал русской общины (культурно–просветительская деятельность Г.Д. Гребенщикова). С. 23.

⁴³³ Подробнее об этнографических экспедициях Гребенщикова и специфике его отношения к старообрядцам см.: Черняева Т.Г. Г.Д. Гребенщиков о старообрядцах Алтая // Язык и культура Алтая. Барнаул. 2001. С. 8–26.

щенности» культурой, обусловливал существование общины как коллективного тела:

Десяток и полтора детей от родных и братьев не знали между собою никакого различия, точно это были дети одной матери и одного отца»; «в баню <...> ходили всей семьей, не исключая сынов и снох, дочерей и взрослых парней, однако же дурным инстинктам не было места, и брак, хотя не скрепленный церковью, освящался редкой взаимной преданностью и доверием (1, 530).

Характерен этот поиск Гребенщиковым именно внецерковных моделей построения общины. При этом его отношение к старообрядцам и сектантам было скорее амбивалентным, нежели абсолютно апологетическим. Не разделяя их религиозных идей, беллетрист-этнограф внимательно изучал типы общинного устройства⁴³⁴. Любопытно также, что в начале 1910-х гг. Гребенщиков переписывался с обитательницами женского старообрядческого монастыря, находившегося в Горном Алтае⁴³⁵.

Этот этнографический опыт, опыт взгляда на народ «извне», был необходим Гребенщикову в свете стремления создать собственную общину. По справедливому замечанию исследователя, целью статей и лекций Гребенщикова, его этнографических экспедиций «было пробудить интерес к уникальному опыту "жизнестроительства" беглецов-раскольников в суровых природных условиях Сибири» Но в первую очередь такой интерес испытывал сам писатель 37, уже в середине 1900-х обдумывавший план организации общины.

⁴³⁴ Ср. позднейшую манифестацию, содержащуюся в письме старообрядке В. Колесниковой от 9 февраля 1956 г.: «[Я] совсем не старообрядец, только уважаю всех верующих в Господа Бога, а как они молятся, это дело их души и сердца. У нас, на Алтае, много разных верующих, и со всеми у меня была дружба, и ко мне все относились терпимо, даже допускали в свои дома и преломляли со мною хлеб-соль» (Георгий Гребенщиков. Из эпистолярного наследия (1924–1957). С. 87).

⁴³⁵ Урманов К. Письма к А.Л. Коптелову // Литературное наследство Сибири. Т. 8. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1988. С. 121 (Коммент.).

 $^{^{436}}$ Письма Г.Д. Гребенщикова к Н.К. Рериху в Рукописном отделе ИРЛИ (1925 г.) / Публ., предисл. и прим. А.А. Санниковой // Ежегодник РО ИРЛИ РАН на 2005—2006 гг. / Отв. ред. Т.С. Царькова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 975.

⁴³⁷ О причинах пристального внимания интеллектуалов к «народу» и, в особенности, к сектам с их подчас радикальными и экзотическими социальными практиками см.: Эткинд А. Хлыст: Секты, литература и революция. С. 60–67.

Первая подобная попытка Гребенщикова – уже упоминавшийся «Проект устава Алтайской сельскохозяйственной артели» 1907 г. – отличалась полнотой и тотальностью регламентации, присущей, что характерно, не только жанру устава, но и метажанру утопии. Регламентация охватывала критерии отбора в артель («только сознательны[е], честны[е], здоровы[е] телом и духом и безусловно грамотны[e]» люди (133)⁴³⁸); условия исключения из артели («леность к труду», грубость, пьянство); продолжительность рабочего дня (8 часов) и выходные («[в]оскресенье и двунадесятые праздники» (137)); описание дней отдыха, заполненных «полезными развлечениями»: чтение, игра на музыкальных инструментах (134). Четким указаниям подвергается в ставе и «духовный уклад жизни», что, по мнению Гребенщикова, должно обеспечить прочное существование общины. Помимо этого, в «Проекте» (ст. 3) появляется важный мотив аполитичности артели. «Членам рекомендуется не поднимать в артели или вне ее каких-либо горячих споров на политические темы, а тем более, всякие демонстративные выступления против властей – совершенно не допускаются» (131). Объясняется такая жесткая табуированность любых политических выступлений и жестов интересами артели («чтобы не дать повод к прекращению ее деятельности»). Таким образом, уже в одной из первых статей «Проекта» Гребенщиков размежевывается с радикальными сектантскими и старообрядческими дискурсами и практиками, а ргіогі предполагающими более или менее резкую оппозиционность власти.

С конца 1910—х гг. лейтмотивом статей и публичных выступлений писателя постепенно становится идея объединения людей в свободном общинном физическом и интеллектуальном труде, направленном на преображение мира. Так, в очерке «Покаяние» (1919) Гребенщиков писал:

⁴³⁸ Здесь, как и в целом ряде других примеров, видна характерная для утопии Гребенщикова «наивность» построений, соединяющаяся с вполне конкретными практическими планами. Так, затрагивая принципиально важный для утопического дискурса вопрос о собственности и материальных отношениях внутри общины, Гребенщиков пишет, что «[о]собенно выдающиеся умы, характеры или специальности будут вознаграждаться отношением товарищей, но не материальными преимуществами», а в третьем примечании к «Проекту» утверждает: «сомневаться в быстром подъеме благосостояния артели – было бы наивным малодушием» (135, 141).

Народ, если он хочет быть здоровым и сытым, уважающим себя, не должен ходить к барскому крыльцу с поклоном, но пусть облагородит свои дела и напряжет все силы и вместо взаимной грызни и разрушений пусть скорей объединяется, организуется и принимается за труд (3, 385).

Переехав в 1924 г. в Америку, Гребенщиков год спустя приобрел землю в штате Коннектикут и «на треть своими руками» (5, 374) построил на берегу реки Помпераг «русскую деревню» под названием Чураевка ⁴³⁹. Изначально Чураевка задумывалась как поселок для русских эмигрантов ⁴⁴⁰. Однако довольно скоро замысел обрел более глобальные масштабы, и уже содержал, как указывает Гребенщиков в начале 1930-х гг. в «Плане по Чураевке» признаки корпорации, которая должна была сочетать элементы коммерчески эффективной организации и культурной общины ⁴⁴².

первая роль Чураевки — это роль трудового и культурного центра, откуда должна подаваться полезным людям действительная материальная помощь, но не на благотворительных началах, а на началах взаимно-выгодной кооперации. Самопомощь и взаимопомощь — вот ее первые лозунги⁴⁴³.

Однако постепенно коммерческая составляющая была элиминирована символическими задачами утопического характера — любопытно, что машинописи «Плана по Чураевке» пассаж о Чураевке как коммерческой структуры зачеркнут.

В позднейшей статье-манифесте «Что такое Чураевка?» (1952), принципиальное значение которой подтверждается скрупулезностью и обилием правок ее машинописного текста, Гребенщиков предлагает развернутую апофа-

⁴³⁹ Подробнее о создании Чураевки см., в частности: Азаров Ю.А. Основатель Чураевки. С. 265–291. Роль Чураевки в контексте культуртрегерской деятельности Гребенщикова обсуждается в работах: Санникова А.А. Чураевка как идеал русской общины (культурнопросветительская деятельность Г.Д. Гребенщикова); Сирота О.С. Проблемы сохранения и развития русской культуры в условиях эмиграции первой волны: культурнопросветительская деятельность и литературное творчество Г.Д. Гребенщикова. С. 45 и сл. Чистяков В.Д. Русская деревня Чураевка в 1999 году / Публ., вступ. сл. и примеч. В.М. Крюкова // Вестник Томского гос. ун-та. 2003. № 277. С. 239.

⁴⁴¹ Архивная опись предположительно датирует этот документ началом 1930-х гг. Но содержание текста (заявление о намерении Гребенщикова «[в] 1931 году <...> совершить поездку по странам Европы и Азии») позволяет утверждать, что написан он был не позднее 1930 г.

⁴⁴² См.: ГМИЛИКА. ОФ. Ед. хр. 699/11. Л. 1-2.

⁴⁴³ Там же. Л. 1.

тическую интерпретацию Чураевки. По его мнению, это не «дачный уголок»; не «чье-то частное имение»; «не только живописный уголок природы»; «не только деревенька, где как бы мимоходом для раздумья и труда опнулись русские изгнанники»; она не «основана для наживы на земельной спекуляции»; не равняется «дома[м] и сад[ам]»; не равнозначна «ее теперешне[му] населени[ю], изменчиво[му] и преходяще[му], включая и основоположников»; «то, что на огне не горит, в воде не тонет и ржавчиною и травою забвения не покрывается»; «несокрушим[а] и для истребителей свободного мышления неуловим[а]» (6, 396). Дополнительный религиозно-мистический оттенок сообщался замыслу тем, что Чураевка должна была воплощать в жизнь рериховскую идею «Практической Школы жизни» 444. В геополитическом же смысле деревня виделась Гребенщикову основой «взаимной корпорации» Сибири и США (с установлением «непосредственной связи» «через Берингов пролив»)⁴⁴⁵ или даже объединения (в том числе, географического) России и Америки через соединение «Американской Аляски» и «Всероссийской Сибири»⁴⁴⁶.

Глобальность и универсализм гребенщиковского замысла выражались и в том, что впоследствии предполагалось создание «Молодых Чураевок» «во всех странах мира, где только есть русская молодежь» ⁴⁴⁷. Этот замысел отчасти был осуществлен. В Уругвае была создана община «Новый Израиль». Как указывает А.А. Санникова, «[в]лияние личности и идей Г.Д. Гребенщи-

 $^{^{444}}$ ГМИЛИКА. ОФ. Ед. хр. 699/11. Л. 1.

⁴⁴⁵ Гребенщиков Г.Д. Моя Сибирь. С. 89, 88.

⁴⁴⁶ ГМИЛИКА. ОФ. Ед. хр. 699/2. Л. 6. По мнению Гребенщикова, «главное, что принадлежит прозорливому гению Петра Великого, — это его первая космическая мысль о том, что земли Америки и земли Сибири должны быть где-то соединены материком и что рано или поздно эти две великие державы — Россия и Америка — должны иметь общие интересы в Аляске и Сибири, быть может, в целях соединения для общемировой культуры»; «и мы теперь знаем, что <...> две величайшие страны — Аляска и Сибирь — ждут свое блестящее будущее именно от культурного соединения двух великих народов-строителей» (Гребенщиков Г.Д. Моя Сибирь. С. 45, 46).

⁴⁴⁷ ГМИЛИКА. ОФ. Ед. хр. 699/11. Л. 2. Здесь символические и практические задачи также были неразрывно соединены: «[Т]ак как в наш материалистический век в самом прогрессе имеет громадное значение торговля, то как Главная Чураевка, так и молодые должны развивать торговые дела» (Там же).

кова на становление и развитие этой религиозной общины <...> было очень велико, <...> на собраниях А.А. Поярков [многолетний лидер общины. – А.Г.] читал адресованные ему письма Г.Д. Гребенщикова» 448 . В Харбине, крупнейшем центре русской эмиграции, работало литературное объединение «Молодая Чураевка». Одному из членов этого объединения Гребенщиков писал: «[К]ак прекрасно складываются мысли вашего руководителя А. А-ча [Алексея Алексеевича Ачаира. – А.Г.] о "всемирной сибирской связи, о всемировой Чураевке"» (4, 355). Это послание свидетельствует о крайне амбициозном намерении Гребенщикова создать «всемировую Чураевку», т.е. «сеть» центров русской эмиграции, которая могла бы решить задачу транслирования гребенщиковских (и рериховских – в рецепции Гребенщикова) идей. Любопытно, что впоследствии «молодые чураевцы», уехавшие из Харбина в Шанхай, создали в 1933 г. объединение «Шанхайская Чураевка», куда входило большинство членов харбинского объединения 449. Но авторы этого круга отдалялись от гребенщиковских идей, постепенно приходя к установке на эстетический эскапизм, резко противоположный взглядам писателя⁴⁵⁰.

В «Плане по Чураевке» Гребенщиков пишет, что Чураевка «[я]ви[ла]сь на свет по милости Алатаса» и «по масштабу является младшею его сотрудницей» Сбозначая вспомогательность и, соответственно, вторичность деревни по отношению к издательству, писатель задает перспективу восприятия Чураевки как литературоцентричного пространства, в котором быт всецело подчинен символическим задачам — написанию и печатанию собственных и чужих идеологически близких сочинений, концептуализированных в качестве «вестников» новой культуры.

⁴⁴⁸ Санникова А.А. Чураевка как идеал русской общины (культурно-просветительская деятельность Г.Д. Гребенщикова). С. 26.

⁴⁴⁹ См.: Хисамутдинов А. Русский литературный Шанхай // Вопросы литературы. 2013. № 3. С. 81.

⁴⁵⁰ К концу Второй мировой войны они «представляли себя "островом", который являлся "своеобразным уходом от действительности, изоляцией от мира, в котором грохотали бомбы и рвались снаряды, и выли сирены, и остро пахло кровью"» (Там же. С. 82). ⁴⁵¹ ГМИЛИКА. ОФ. Ед. хр. 699/11. Л. 1.

В силу своего литературоцентризма утопический проект Гребенщикова, наиболее полно манифестированный в Чураевке, предполагал и продуцировал «олитературивание» (или — шире — символизацию) чураевского быта. В результате чего последний, подвергшись тотальной символизации, переставал быть собственно бытом, т.е. «обычн[ым] протекание[м] жизни в ее реально-практических формах»⁴⁵².

Помимо апофатических определений, Гребенщиков характеризовал Чураевку как «примечании[е], жив[ую] иллюстраци[ю] к неизданным еще томам» романа «Чураевы» и «реплик[у] Чураевки алтайской, пусть и отражен[ой] в кривом зеркале» В «Проекте первого широкого обращения к широким слоям общества», написанном в июне 1928 г. и предназначенном для разъяснения задач Чураевки, указывалось, что «для продолжения своей Эпопеи [романа «Чураевы». — А.Г.] автор уединился в диком лесу штата Коннектикут над рекою Помперагом» Троп деревни как произведения искусства дополнялся метафоризацией романа как архитектурного сооружения. В «Истории рукописи романа "Чураевы"» Гребенщиков писал: «Начатый в горах Алтая в 1913 году, роман был окончательно построен и закончен во время великой войны» (3, 435).

Заметим, что подобное «переворачивание» миметических отношений искусства и реальности, достигающееся в описанном случае за счет двух вза-имосвязанных метафор: деревни как произведения искусства и романа как архитектурного сооружения, — было актуально для Гребенщикова еще до вы-

⁴⁵² Лотман Ю.М. Введение: Быт и культура // Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII − начало XIX века). С. 10. Именно такая тотальная символизация повседневности является, как отмечает современная исследовательница, причиной разрушения утопических сообществ. См.: Димке Д. Жизнь по законам искусства: утопическое зрение и героические сообщества (на примере Коммуны юных фрунзенцев) [Электронный ресурс] // Социология власти. 2012. № 4–5. Режим доступа: http://socofpower.ranepa.ru/darya-dimke.-zhizn-po-zakonam-iskusstva-utopicheskoe-zrenie-i-geroicheskie-soobcshestva-na-primere-kommuny-yunyh-frunzencev/ (дата обращения: 26.02.2016).

⁴⁵³ Гребенщиков Г. В просторах Америки // Новый журнал. 1943. № 4. Цит. по: Азаров Ю.А. Основатель Чураевки. С. 287–288.

⁴⁵⁴ ГМИЛИКА. ОФ. Ед. хр. 699/9. Л. 2.

хода в свет «Братьев», первого романа эпопеи «Чураевы». В письме Л.Н. Клейнборту от 2 декабря 1915 г. Гребенщиков обозначает причину своей «влюбленности» в природу следующим образом:

Предлагали мне в лесные смотрители. Это мне нравилось. Я очень хотел иметь службу в лесу. Ведь я уже читал и Толстого, и выписывал журнал "Север", Мордовцева и Данилевского прочел – влюбился в природу навсегда⁴⁵⁵.

Писатель, родившийся в Горном Алтае, знаменитом красотой природного ландшафта, называет в качестве источника своей любви к природе прочитанные литературные тексты, т.е. кодирует реальность с помощью литературы (в терминологии Ю.М. Лотмана⁴⁵⁶), отводя литературному тексту роль психологического протонарратива — «эмоциональной матриц[ы], задающей нормы переживания»⁴⁵⁷.

Таким образом, палимпсестный характер Чураевки был обусловлен разноплановыми символическими задачами этого «скита» и соответствующей этим задачам ориентацией его на разнородные претексты: скит Сергия Радонежского и Ясная Поляна Л. Толстого (см. об этом в специальных разделах диссертации), Беловодье⁴⁵⁸ из народных утопических легенд, собственный многотомный роман «Чураевы». При этом палимпсестность Чураевки (и, соответственно, жизнетекста Гребенщикова в целом) отчетливо свидетельствует о модернистской природе⁴⁵⁹ жизнестроительства писателя, сложно соче-

⁴⁵⁵ Гребенщиков Г.Д. Письма (1907–1917). Книга вторая. С. 38.

⁴⁵⁶ См.: Лотман Ю.М. Сцена и живопись как кодирующие устройства культурного поведения человека начала XIX столетия // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: «Искусство-СПБ», 2000. С. 636–645.

 $^{^{457}}$ Зорин А. Понятие «литературного переживания» и конструкция психологического протонарратива. С. 14.

⁴⁵⁸ 7 сентября 1927 г. Гребенщиков писал А. Ачаиру: «когда придёт время — а оно, быть может, близко — и когда будет необходимо, я оставлю Чураевку здесь, на Помпераге, поставлю её сердцевину на колеса походной таратайки или на крылья аэроплана, быть может, сделаю её неуловимым Беловодьем, только символом для единения культурных сил» («Полно охватить всю Сибирскую Русь». Переписка Г. Гребенщикова и А. Ачаира / предисловие и публикация В.А. Росова [Электронный ресурс] // Новый журнал. 2009. № 256. С. 239–263. Режим доступа: http://www.aryavest.com/work.php?workid=16 (дата обращения: 18. 09. 2015)).

⁴⁵⁹ О палимпсесте как фундаменте модернистских жизнестроительных экспериментов см.: Матич О. Эротическая утопия: Новое религиозное сознание и fin de siecle в России. С. 29, 31, 216–218.

тавшейся с настойчивыми декларациями мировоззренческого и эстетического традиционализма, которые мы рассматривали в предыдущих главах.

Чураевский хронотоп в романе «Братья» предстает как идиллический 460: жители деревни исполнены религиозного рвения, трудолюбивы, их мир очерчен кругом жестких старообрядческих запретов как в бытовой (табу на употребление табака, чая), так и в этической (ригористическое порицание смеха как «дьявольского» проявления человеческой природы) сферах.

Однако уже во втором романе «Веления земли» описаны радикальные мировоззренческие и поведенческие перемены жителей деревни, произошедшие сразу после смерти Фирса Чураева. Приметой секуляризации становится меняющийся быт: в главном чураевском доме появляется самовар; нынешний хозяин дома курит; в молельне устраивается хлев⁴⁶¹.

Профанизация чураевского хронотопа, чья иллюзорная сакральность в значительной степени поддерживалась его герметизмом⁴⁶², обусловлена мотивом «родового греха», носителем которого является (квази-)патриарх Фирс Чураев⁴⁶³. Американская Чураевка, задуманная в качестве «культурного скита» и «деревни-сада» и позиционировавшаяся Гребенщиковым под рериховским влиянием как «только попутный этап на пути построения Храма» (5, 374), недвусмысленно отсылала к топосу рая. Нам представляется, что сакральный хронотоп, который не был создан в художественном творчестве, спустя 10 лет, в условиях социокультурных (Первая мировая и Гражданская

⁴⁶⁰ О пространственной организации романа см.: Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX века: Особенности становления и развития региональной литературной традиции. С. 269 и сл.

⁴⁶¹ Гребенщиков Г.Д. Чураевы: Веления Земли. Роман. Трубный глас. Роман. С. 157.

⁴⁶² См.: Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX — начала XX века: Особенности становления и развития региональной литературной традиции. С. 270. Этот герметизм был нарушен уже в «Велениях земли», когда один из братьев — Викул — пересек границы чураевской ойкумены, отправившись (самовольно, без отцовского благословения) в Москву, где уже находился отправленный туда отцом для обучения его младший брат Василий. Симптоматично, что Москва описывается в романе как пространство греха, замещая в этом качестве Петербург, традиционно фигурировавший в русской литературе как «нечистое место» (Там же. С. 281–286).

⁴⁶³ См.: Закаблукова Т.Н. Семейная хроника как сюжетно-типологическая основа романов «Чураевы» Г.Д. Гребенщикова и «Угрюм-река» В.Я. Шишкова. С.54 и сл.

войны, разрушение Российской империи и т.д.) и биографических (эмиграция, разлука с первой женой и единственным сыном) потрясений и травм породил реактуализацию идеи построения «земного рая». Поэтому попытка создать в реальности идиллический локус носила отчетливо компенсаторный характер. Это усложнялось вопросом самоидентификации, остро стоявшим перед писателем в эмиграции, поэтому «[п]остройка <...> скита Чураевка может быть интерпретирована <...> как попытка ощутить себя внутри исконного историко-культурного пространства» ⁴⁶⁴. Об этом же свидетельствуют «русские» названия чураевских дорог и улиц – Russian Village Rd., Tolstoy Lane, Kiev Drive⁴⁶⁵. «Сохранность» сибирской идентичности в США Гребенщикову обеспечивали, таким образом, не только эмигрантская ностальгия и желание вернуться в «родное» культурное поле, но и попытка своеобразного дискурсивного синтеза Алтайского и чураевского (американского) пространств, усиленная схожестью их ландшафтно-климатических условий. Гребенщиков создает синтетический образ Алтая и Америки: Чураевка иногда описывается как «алтайская Русь в Америке», иногда же писатеель, как бы «забывая» или игнорируя расстояние между двумя локусами, максимально «сближает» их в одном дискурсивном конструкте: «звезды по ночам, как в детстве < ... > Как близко где-то тут Алтай!» (4, 302).

А. Ассман отмечает, что американский «[н]ациональный миф требовал от каждого иммигранта отказаться от собственного происхождения и своей истории, чтобы целиком посвятить себя общему национальному проекту» 466. Несколько иной позиции придерживается Эрик Хобсбаум, отмечавший, что в период «массового производства традиций», наиболее интенсивно охвативший Европу и США между 1870 и 1917 гг., решение задачи «создания» американцев включало в себя не только поощрение следования иммигрантами «ритуалам, знаменующим историю нации», но и «поглощение» «"наци[ей]"

⁴⁶⁴ Анисимов К.В. Сибирская литература и проблема авторского самоопределения. С. 17.

⁴⁶⁵ См.: Чистяков В.Д. Чистяков В.Д. Русская деревня Чураевка в 1999 году. С. 240.

 $^{^{466}}$ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. С. 273.

коллективны[х] ритуал[ов] иммигрантов»⁴⁶⁷. В любом случае, Гребенщиков, активно занимавшийся в Чураевке «изобретением традиций», удачно вписывался в американскую культурную парадигму. Он стремился инкорпорировать в рамки американского мифа одну из ключевых составляющих ядерной мифологемы сибирского текста — изображение Сибири как рая⁴⁶⁸, в отличие от ранних репрезентаций Сибири (прежде всего рассматривавшегося в первой главе программного стихотворения «Моя отчизна»), в которых им был актуализирован противоположный компонент этой мифологемы — изображение Сибири как беспросветного «локуса страданий».

Уже в год своего приезда в Америку Гребенщиков в целой серии текстов разрабатывал топос «американской Руси» ⁴⁶⁹ и его различные вариации, такие как «американский Алтай», «чураевская Русь». В очерке «Горною тропинкой (Из Американских очерков)» он пишет о том, что «многие пришедшие в Америку беглецы или изгнанники <...> скоро забывают свою родину и отдаются этим просторам, как ласковой родной земле» (4, 411)⁴⁷⁰. Здесь же содержится элегическая зарисовка о том, как автор «в одном месте <...> услышал звоны ботал − то паслись коровы в лесу. Совершенно так, как на Алтае» (4, 412). А в одном из «Писем из Америки» 1924 г. (письмо № 2 «Новые берега») Гребенщиков изображает «феерически красивое зрелище»: «внизу течет широкая река, вся в пышных зеленокудрых горах, а за рекою синемаревые, как на Алтае, а за ними лазурное небо, вспененное облаками» (4, 407).

⁴⁶⁷ Hobsbawm E. Mass-Producing Traditions: Europe, 1870–1914 // The Invention of Tradition / Ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 279–280.

⁴⁶⁸ Об элементах, формирующих синтагматику сибирского текста, писал К.В. Анисимов, расширяя соответствующий мотивно-образный «словарь», предложенный В.И. Тюпой. См.: Анисимов К.В. Парадигматика и синтагматика сибирского текста русской литературы (Постановка вопроса). С. 64 и сл.

⁴⁶⁹ Любопытно, что утопическая идея объединения Америки и России развивалась в это время и некоторыми американскими «левыми» интеллектуалами (Эткинд А.М. Толкование путешествий: Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М., 2001.С. 174–175).

⁴⁷⁰ Ср. в письме «Новые берега» (из цикла очерков «Письма из Америки»): «[М]не, знающему широту и вольность молодой страны Сибирь, берега Америки почуялись сродни» (4, 401).

По замечанию А. Ассман, в современном мире «конструирование новых коллективных идентичностей происходит либо ниже уровня нации, либо выше» 471. Конструкт «американской Руси», совмещающий на хронологической оси американскую современность и мифологизированное прошлое «Руси»⁴⁷², стал одним из инструментов формирования «воображаемого сообщества» – сначала в пределах Чураевки, затем, согласно универсалистскому замыслу Гребенщикова, в глобальном масштабе. Чураевка должна была стать местом интеграции русских эмигрантов: «Как бы ни был мал ее материальный масштаб, она уже влечет к себе сердца многих избранных Русских, разбросанных по всему миру»⁴⁷³. Таким образом, в США Гребенщиков конструировал коллективную идентичность одновременно и ниже (групповая идентичность чураевской диаспоры, «русских американцев»), и выше (идентичность в рамках универсалистского проекта) уровня нации. Второй аспект позволяет говорить о наднациональном характере воображаемого сообщества, обдумывавшегося писателем, поскольку «[н]ация, – как пишет Б. Андерсон, – воображается ограниченной, потому что даже самая крупная из них <...> имеет конечные, хотя и подвижные границы, за пределами которых находятся другие нации. Ни одна нация не воображает себя соразмерной со всем человечеством»⁴⁷⁴.

По мнению Б. Андерсона, «[c]ообщества следует различать не по их ложности / подлинности, а по тому стилю, в котором они воображаются»⁴⁷⁵.

 $^{^{471}}$ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. С. 273.

⁴⁷² Ср. интерпретацию О.С. Сироты, акцентирующей внимание лишь на одном аспекте этого конструирования: «Чураевка — это реконструкция культурной модели утраченной русской "почвы", наполненная туманными, многоплановыми, глобальными и частными, вещными или символическими воспоминаниями, попытка воссоздания духовной атмосферы далекой России» (Сирота О.С. Проблемы сохранения и развития русской культуры в условиях эмиграции первой волны: культурно-просветительская деятельность и литературное творчество Г.Д. Гребенщикова. С. 51).

⁴⁷³ ГМИЛИКА. ОФ. Ед. xp. 699/11. Л. 1.

⁴⁷⁴ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В.Г. Николаева. М.: «КАНОН-пресс-ц»; «Кучково поле», 2001. С. 32.

⁴⁷⁵ Там же. С. 31

Чураевское утопическое сообщество, создаваемое Гребенщиковым, воображалось в архаическом ключе. Это способствовало превращению проекта автора «Чураевых», являвшегося утопией памяти, утопией, обращенной в прошлое (и во многом наследующей в этом смысле проекту «общего дела» Н.Ф. Федорова (проекта), в ухронию. По логике Гребенщикова, апеллирующего к мифологической (циклической) модели времени, конечной целью реализации трудового утопического проекта должна стать организация настоящего по идеальным моделям, находящимся (а на самом деле, в значительной степени «изобретаемым» автором проекта) в прошлом, в мифологизированной отечественной истории. Иначе говоря, будущее должно сомкнуться с прошлым, как бы «повторить» его, минуя настоящее.

В теоретических построениях Гребенщикова Чураевка концептуализировалась как локус с «остановившимся» временем (схожий с Чураевкой в романе «Братья» до последовавшего после конфликта Василия с отцом разрушения хронотопической структуры). Построенную в Чураевке часовню прп. Сергия Радонежского писатель характеризовал как «мое духовное убежище от страшных и проклятых лет смуты» (5, 379) и «место встречи» «Древней Руси» и «Новой Америки»: «Наша студия (большая комната в типографском теремке, построенном точно в древненовгородском стиле) будет переполнена» «избранными американцами» (собрания для которых организовывались в Чураевке; 5, 380).

Возникший в результате всех этих дискурсивных усилий ретроутопический эффект был отмечен наблюдателями. Так, Петр фон Берг, приезжавший в Чураевку на лето, спустя многие годы вспоминает: «Я жил в двух мирах — жил в Америке зимой, осенью, весной, а летом <...> — в России, потому что Чураевка <...> была как Россия. Это была Россия старая»; «Это какое-то бы-

⁴⁷⁶ Х. Гюнтер точно указывает на присущем Федорову своеобразном сочетании «культурны[х] механизм[ов] утопического мышления и памяти прошлого <...>». «У Федорова, – продолжает учёный, – утопический проект, обычно сопровождаемый вытеснением прошлого, возникает именно в целях сохранения памяти» (Гюнтер Х. По обе стороны утопии: Контексты творчества А. Платонова. С. 31).

ло магическое царство»⁴⁷⁷. В то же время чураевцами была безошибочно подмечена декоративность быта «культурного скита»⁴⁷⁸. Так, другой житель Чураевки — В.Н. Чистяков — зафиксировал стремление многих своих соседей придать собственным домам «русский вид». В качестве примера он приводит установку архитектором и скульптором В.Н. Успенским возле собственного дома 13-футовой каменной статуи былинного богатыря Святогора в честь будущего тысячелетия Крещения Руси⁴⁷⁹.

Ориентируя топоним на хронотоп, Гребенщиков переворачивал миметические отношения между искусством и жизнью⁴⁸⁰, подчиняя реальность принципам искусства. Неудивительно поэтому, что столь радикальный способ взаимодействия реальности и текста вызывал рецептивные затруднения, прочитываясь не всеми, включая даже и жителей Чураевки, невольно упрощавших ситуацию. Так, в воспоминаниях В.Д. Чистякова содержится характерная ошибка: по его мнению, Гребенщиков назвал деревню Чураевкой «в память о месте своего рождения на Алтае»⁴⁸¹. Любопытный пример, обратный этому, содержится в работе современного исследователя, который характеризует Чураевку как деревню, построенную «в соответствии с описанием жизни вольных казачьих деревень в Сибири»⁴⁸². Такая интерпретация (в целом верная), в противоположность чистяковской, несколько радикализует ситуацию, поскольку Чураевка не была в буквальном смысле «выстроена» по модели романного локуса (старообрядческой, а не казачьей, деревни), хотя и

⁴⁷⁷ Гурьянов А. «Толкай телегу к звездам...». М.: «Русский путь», 2011.

⁴⁷⁸ Любопытно, что Гребенщиков опасался этой «декоративности», являющейся своеобразным побочным эффектом консервации прошлого. Так, 3 сентября 1944 г. он писал: «Роль русской церкви для меня, как писателя, не только бытовое декоративное прошлое, не только обрядовый сантимент» (Росов В.А. Георгий Гребенщиков: Письма И.Н. и Л.А. Коварским (1940–1963) // Алтайский текст в русской культуре. Вып. 3. С. 163).

⁴⁷⁹ Чистяков В.Д. Русская деревня Чураевка в 1999 году. С. 240. Ср. самолет «Илья Муромец», изобретенный в 1910-х гг. другим будущим жителем Чураевки, авиаконструктором И.И. Сикорским – другом и единомышленником Г.Д. Гребенщикова, жертвовавшим на чураевские нужды значительные суммы.

⁴⁸⁰ См.: Ауэрбах Э. Мимесис: Изображение действительности в западноевропейской литературе / Пер. с нем. А.В. Михайлова. М.: Прогресс, 1976.

⁴⁸¹ Чистяков В.Д. Русская деревня Чураевка в 1999 году. С. 239.

⁴⁸² Кукулин И. «Внутренняя постколонизация»: формирование постколониального сознания в русской литературе 1970–2000-х годов. С. 903.

испытала его несомненное влияние. В данном случае художественный текст выступил по отношению к реальности не просто в качестве кодирующего устройства, но стал особого рода претекстом, меняя привычное для реалистической эстетики миметическое соотношение реальности и «подражающего» ей искусства. В результате этого деревня, основанная Гребенщиковым в штате Коннектикут, стала своеобразной автоцитатой по отношению к его собственному роману, работа над которым продолжалась и после возникновения Чураевки.

Объявленная Гребенщиковым и его сподвижниками «русским культурным скитом», Чураевка была призвана обеспечивать связь разных временных пластов, осуществлять диахроническую преемственность русской культурной традиции и современности, одновременно с этим соединяя «Русь» и Америку в дискурсивном конструкте «Американской Руси». Но всего этого оказалось недостаточно для манифестации Чураевки в качестве пространства, которое должно было стать не только символическим центром русской эмиграции, но и центром «возрожденной» русской культуры в мировом масштабе. Для осуществления такой реставрационной утопии были востребованы интертекстуальные связи этой недавно построенной в Америке эмигрантской деревни с наиболее авторитетными для ее основателя локусами русской культуры — скитом Сергия Радонежского и толстовской Ясной Поляной.

3.2. Чураевка и Ясная Поляна: реализация толстовской модели литературного быта

Гребенщиковская ориентация на Л.Н. Толстого не ограничивалась той ролью, которую автор «Чураевых» отвел великому романисту в процессе формирования собственного персонального писательского мифа. «Русская деревня» Чураевка в плане литературного быта была устроена по модели Ясной Поляны. В одной из поздних работ Б.М. Эйхенбаум, обсуждая литературные стратегии Толстого, отмечал, что его «уход <...> от журналов, с их

редакционной суетой и полемикой» позволил ему сохранить писательскую власть. Толстой «сделал свою Ясную Поляну неприступной литературной крепостью, а себя — литературным магнатом, не зависящим от редакторов, издателей, книжного рынка и пр.»⁴⁸³.

«Литературной крепостью», подобной Ясной Поляне, была для Гребенщикова Чураевка с находившимся в ней издательством «Алатас». «Литературным магнатом» Гребенщиков не был (издательство работало в убыток и привело семью к экономическому краху⁴⁸⁴), но «Алатас» обеспечивал писателю автономность и независимость от издательской конъюнктуры и цензуры. Самостоятельно издавая и распространяя учительные публицистические тексты типа «Писем с Помперага», Гребенщиков получал возможность печатной проповеди, адресаты которой находились на разных континентах.

Подобный способ литературного существования был по определению антииституциональным. «Ясная Поляна противосто[яла] редакциям как особая, враждебная и архаистическая форма литературного быта и производства» Устройство гребенщиковской Чураевки было еще более архаичным: писатель строил типографию, самостоятельно добывая материалы; функции ближайшего сотрудника Гребенщикова выполняла его супруга Татьяна Денисовна Которая, подобно Софье Андреевне Толстой, была переписчицей, секретарем и издателем книг мужа (супруги совместно печатали книги на линотипе) и помогала вести его литературные дела, что делает совпадения литературной стратегии и сопутствующего ей литературного быта еще более разительными.

⁴⁸³ Эйхенбаум Б.М. Писательский облик М. Горького. С. 113.

⁴⁸⁴ В совместном обращении супруги Гребенщиковы так характеризовали писали свой издательский опыт: «Не только о каких-либо доходах не могло быть речи, особенно от издания нами книг, но убытки были так велики, что пришлось много лет работать на стороне, чтобы выплатить чрезмерные долги» (ГМИЛИКА. ОФ. Ед. хр. 663/40. Л. 1).

⁴⁸⁵ Эйхенбаум Б.М. Писательский облик М. Горького. С. 111.

⁴⁸⁶ Сходную роль в судьбе Гребенщикова играла и первая жена писателя, которая, по точному замечанию Т.Г. Черняевой, «была его верной помощницей в литературных делах» в первоначальный — сибирский — период его карьеры (Гребенщиков Г.Д. Письма (1907—1917). Книга вторая. С. 106).

В отношении архаичного устройства Чураевки Гребенщиков максимально претворил в реальность толстовские идею «опрощения» 487 и проповедь необходимости труда, связав воедино его «крестьянскую» и «аристократическую» разновидности. Глубокая аналогия между Толстым и Гребенщиковым состояла также в том, что оба разрабатывали анти-«интеллигентские» проекты 488, целью которых было уже не бытовое, а культурное, интеллектуальное «опрощение». По воспоминаниям чураевцев, кроме собственных книг и трудов своих единомышленников, Гребенщиков, как и Толстой, печатал в своей типографии «Азбуку». Как отмечает Б.М. Эйхенбаум, «Азбука» Толстого «скрыва[ла] в себе систему лечения от всевозможных вредных "интеллигентских" идей: общественных, естественнонаучных, исторических и пр.» 189. Гребенщиков, которого «[м]ироустроительные проекты Л.Н. Толстого» интересовали «не меньше, чем его художественное наследие» 190, как уже говорилось выше, также прибегал к медикализации литературных методов и течений.

В то же время «Азбука с начальными молитвами по обычному переводу» имела ряд принципиальных отличий от толстовской «Азбуки». Вопервых, Гребенщиков, в отличие от Толстого, не был составителем книги,

⁴⁸⁷ Ср. экспликацию идеи «опрощения» в предсмертной речи главного героя рассказа Гребенщикова «В бору» Бобыля: «Впрочем, мне, подлецу, так и надо: я всю жизнь свою тоже насиловал других, мысль человеческую насиловал... Всем пытался навязать свои идеи и убеждения, проповедовал цивилизацию... И только сейчас понял, что людям нужен только чистый воздух и солнышко... Хе, хе... Маленький шалашик где-нибудь в бору!..» (Гребенщиков Г.Д. В бору [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://grebensch.narod.ru/forest.htm (дата обращения: 15.012015)).

⁴⁸⁸ Анти-«интеллигентские» выпады Гребенщикова лежали и в области оппозиции слово vs/ дело, внутри которой он регулярно и настойчиво приписывал интеллигенции неспособность к действию. В «Плане по Чураевке» он заявлял, что «все, начиная с самого тяжелого труда и кончая отдыхом, должно быть насыщено строительским творчеством, чтобы многое, что будет давать миру в книге Алатас как-то претворялось бы в жизнь и слово превращалось бы в дело. Ибо раз и навсегда с интеллигентской проблемой: "Что делать" – должно быть покончено» (ГМИЛИКА. ОФ. 699/11. Л. 1).

⁴⁸⁹ Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой. Семидесятые годы. Л.: Художественная литература, 1974. С. 36. Говоря о «системе лечения», Эйхенбаум использует метафорику позднего Толстого.

⁴⁹⁰ Царегородцева С.С. Роман Г.Д. Гребенщикова «Чураевы» в социокультурном контексте эпохи. С. 127.

первоначально напечатанной в типографии Свято-Троицкого монастыря (Джорданвилль) по благословению митрополита Анастасия, первоиерарха Русской Зарубежной Церкви. Во-вторых, «Азбука», перепечатываемая Гребенщиковым, была написана на церковнославянском языке, состояла из религиозных текстов (молитвы, тропари, паремии и т.д.) и была предназначена для желающих «учиться чтению церковных книг» 491, тогда как Толстой в период создания своей книги уже находился в конфронтации с Церковью.

Очевидно, однако, что в обоих случаях «Азбука» играла важную идеологическую роль. По справедливому замечанию Н. Осиповой,

любая азбука становится идеологическим продуктом в силу того, что это первая книга, первый опыт получения информации о мире в печатном виде.

Носителем новой идеологии толстовскую "Азбуку" делают, во-первых, ориентация на максимально широкий круг читателей, во-вторых, упрощение и "обнуление" социальной лестницы 492 .

То же можно сказать и об «Азбуке», издававшейся Гребенщиковым. Например, Татьяна Чистякова, в детстве жившая с родителями в Чураевке, вспоминает, что в гребенщиковской типографии печаталась «Азбука», по которой она училась читать, впоследствии читая по ней церковные тексты на службах в чураевской часовне⁴⁹³.

И, наконец, еще одно важное отличие состояло в том, что толстовский педагогический проект, частью которого была «Азбука», стал для его автора «особым методом решения литературных проблем»⁴⁹⁴. «Азбука» Толстого была «демонстраци[ей] и против "образцовых писателей", и против литературных традиций», превратив Ясную Поляну «в школу не столько для детей,

⁴⁹¹ ГМИЛИКА. ОФ. Ед. хр. 15643/15. Л. 27.

⁴⁹² Осипова Н. Азбука Л.Н. Толстого как идеологический проект // Лотмановский сборник. Вып. 4. / Ред. Л.Н. Киселева, Т.Н. Степанищева. М.: ОГИ, 2014. С. 344.

⁴⁹³ Гурьянов А. «Толкай телегу к звездам...». Любопытно, что её отец В.Д. Чистяков называет среди книг, напечатанных в чураевской типографии, «поучительн[ую] Хрестомати[ю]» И.А. Сикорского (Чистяков В.Д. Чистяков В.Д. Русская деревня Чураевка в 1999 году. С. 240). По всей видимости, речь идет о «Психологической хрестоматии», автор которой, известный психиатр и общественный деятель Иван Сикорский, придерживался, как и сам Гребенщиков, традиционалистских взглядов. Эта книга четко вписывается в типологический ряд учительных «компендиумов», издававшихся в Чураевке.

⁴⁹⁴ Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой. Семидесятые годы. С. 65.

сколько для самого Толстого»⁴⁹⁵. Гребенщиков же не преследовал печатанием «Азбуки» никаких эстетических задач, ограничиваясь идеолого-педагогическими соображениями.

Идеологическая зависимость Гребенщикова от яснополянского классика не заканчивалась и внедрением «Азбуки». Трудовая община, способы организации которой Гребенщиков обдумывал с середины 1900-х гг., должна была быть организована наподобие «улья». В «Плане по Чураевке» появляется троп «трудового улья» восходящий, вероятно, к соответствующему топосу из романа «Война и мир»⁴⁹⁶. Любопытно, однако, что в толстовском романе, по замечанию А.М. Ранчина, «"роевая" жизнь пчел – символ естественной человеческой жизни»⁴⁹⁷. Гребенщиков же обращается к топосу улья, обдумывая утопический план, т.е. вполне «искусственную» (и в этом качестве дихотомическую к «естественному» ходу жизни) конструкцию. Гребенщиков утверждает, что система труда в Чураевке должна быть построена таким образом, чтобы

именно в практике каждого дня должно быть проводимо Великое Учение о Новой лучшей Жизни. И даже не преподавание, не учительство, но самая система трудового улья должна быть так продумана, чтобы это направляло всех к Общине⁴⁹⁸.

Кроме того, создатель Чураевки реципирует толстовскую метафору, однако своим пафосом активного делания его проект наследует прежде всего теории «общего дела» Федорова, резко расходясь с толстовской проповедью «неделания» Федоров считал, что толстовское «учение на недумание и неделание» ведет к «учению <...> о разъединении», которое противоположно

⁴⁹⁵ Там же. С. 66.

 $^{^{496}}$ См.: Толстой Л.Н. Война и мир // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 11. М.: ГИХЛ, 1940. С. 329–331.

⁴⁹⁷ Ранчин А.М. Символика в «Войне и мире»: из опытов комментирования книги Л.Н. Толстого // Ранчин А.М. Перекличка Камен: Филологические этюды. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 100.

⁴⁹⁸ ГМИЛИКА. ОФ. Ед. хр. 699/11. Л. 1.

⁴⁹⁹ В этом контексте важно, что и сам Федоров резко критиковал идею «неделания». См. об этом: Никитин В. «Богоискательство» и богоборчество Толстого // Прометей: Истори-ко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей» / Сост. Ю. Селезнев. Т. 12. М.: Молодая гвардия, 1980. С. 129.

супраморализму Федорова. Помимо этого, автор «Философии общего дела» критически отзывался о толстовском отношении к центральному для него вопросу о братстве:

До сих пор, сколько нам известно, никто (а менее всего Толстой), не дал себе труда подумать о том, в чем заключается суть братства, хотя ни о чем не было так много говорено, и особенно Толстым, как о братстве⁵⁰⁰.

С.С. Царегородцева справедливо указывает, что «[ц]ентральные герои Гребенщикова строили свои судьбы, учитывая проект "общего дела" Н.Ф. Федорова», а «религиозная <...> проповедь Толстого сначала притягивала писателя-сибиряка, а затем отталкивала»⁵⁰¹.

Итак, на протяжении нескольких десятилетий после смерти Толстого его алтайский «ученик» решал задачу быть «властителем дум» теми же средствами, что и яснополянский «учитель». Чураевка строилась как реплика Ясной Поляны. Эта миметичность не только прочитывалась на уровне символизации быта, но и была эксплицирована: одна из чураевских дорог была названа Tolstoy lane⁵⁰², а большая площадка, находившаяся посреди деревни, именовалась «Ясной Поляной»⁵⁰³.

Дополнительная символическая связь Чураевки с Ясной Поляной, помимо этой литературоцентричной («толстовской») топографии, обеспечивалась тем фактом, что Гребенщиков приобрел землю у сына Толстого — Ильи Львовича, который в одном из документов назван «пионером Чураевки» 504.

Развивая уже отмеченную разницу биографических текстов Толстого и Гребенщикова, отметим, что их жизнестроительные проекты имели различную прагматику и подчас полярно противоположную семантику. Так, Гребенщиков инвертировал один из центральных сюжетов толстовского жизнетекста: в отличие от писателя-графа, пытавшегося «опроститься», стать «му-

⁵⁰⁰ Федоров Н.Ф. Философия общего дела. С. 746, 498, 746.

 $^{^{501}}$ Царегородцева С.С. Роман Г.Д. Гребенщикова «Чураевы» в социокультурном контексте эпохи. С. 88, 128.

⁵⁰² Чистяков В.Д. Русская деревня Чураевка в 1999 году. С. 240.

 $^{^{503}}$ Гурьянов А. «Толкай телегу к звездам...».

⁵⁰⁴ ГМИЛИКА. ОФ. Ед. хр. 685/80. Л. 1.

жиком», «мужик», крестьянин Гребенщиков предпринял максимальные усилия для того, чтобы стать писателем, т.е. достигнуть традиционно «дворянского» статуса⁵⁰⁵. Иначе говоря, если поздний Толстой шел по пути «опрощения», то Гребенщиков, напротив, выбрал траекторию «усложнения» (до полного преодоления) репертуара традиционных биографических сценариев крестьянства. Любопытно при этом, что Толстой в короткой дневниковой записи от 20 марта 1909 г. определил молодого прозаика как народника: «Интеллигент-калмык, литератор, возвращающийся к земле» ⁵⁰⁶. Тем самым автор «Войны и мира» невольно упростил случай Гребенщикова, описывая его в рамках классической парадигмы, внутри которой «возвращаться к земле» может только «интеллигент» (по траектории культура – природа) и не может «крестьянин». Тогда как в неклассической парадигме (см. 1.1.) крестьянин, не имевший прежде возможности для перемещения по полю культуры, начинает (пусть и ограниченно) двигаться в оба направления по траектории природа – культура – природа ⁵⁰⁷.

«Толстовский текст» стал важнейшим субстратом жизнетекста Гребенщикова. Жизнестроительный сценарий Гребенщикова включал в себя как следование толстовской модели, так и полемику с ней или даже негативную идентификацию по отношению к классику, дававшую писателю «из народа» энергию для формирования оригинального текста биографии. Однако статус «духовного лидера» русской эмиграции (в условиях ее напряженного религиозного поиска), которым Гребенщикова все чаще наделяли его единомыш-

 $^{^{505}}$ Ср.: Толстоноженко О.А. Карьерная траектория писателя-автодидакта на рубеже XIX—XX веков: Георгий Гребенщиков.

 $^{^{506}}$ Толстой Л.Н. Дневник 1909 г. // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 57. М., 1952. С. 40.

⁵⁰⁷ Отметим, что сам Толстой с определенного момента включился в эту неклассическую парадигму, декларируя позицию «крестьянского ученика». В статье «Так что же нам делать?» (1882–1885) он писал: «За всю мою жизнь два русских мыслящих человека имели на меня большое нравственное влияние и обогатили мою мысль и уяснили мне мое миросозерцание. Люди эти были не русские поэты, ученые, проповедники, – это были два живущие теперь замечательных человека, оба всю жизнь работавшие мужицкую работу, – крестьяне Сютаев и Бондарев» (Толстой Л.Н. Так что же нам делать? // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 25. М., 1937. С. 386). Ср. более раннюю (1862 г.) статью «Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?».

ленники и корреспонденты⁵⁰⁸, и символические задачи, стоявшие перед Чураевкой, обусловили проекции деревни не только на Ясную Поляну, но и на скит Сергия Радонежского.

3.3. Чураевка как реплика скита Сергия Радонежского

По справедливому замечанию В.М. Живова, область «жизн[и] святых и их жити[й]» «теснее всего связана с трансплантацией литературных сюжетов в жизнь»; в то же время этот аспект является очевидной лакуной в изучении жизнестроительных практик⁵⁰⁹. В данном параграфе нас будет интересовать несколько иной, но связанный с отмеченной проблемой случай, – рецепция жизнетекста Сергия Радонежского Г.Д. Гребенщиковым.

Отмеченная исследователями насущная потребность представителей литературы эмиграции в автоописаниях⁵¹⁰ любопытным образом сопрягается с жизнестроительными практиками: автопроекции на тех или иных авторитетных предшественников (писателей, музыкантов, художников или святых), выступающих в качестве моделей для самоопределения эмигранта, в этом случае напряженно балансируют на грани жизнестроительства. Эта характерная взаимосвязь отчетливо просматривается и в случае Гребенщикова.

Как уже отмечалось, в разные периоды Гребенщиков ориентировался на различные поведенческие модели, как хронологически близкие (Г.Н. Потанин, Л.Н. Толстой, М. Горький), так и дистанцированные во времени. Говоря о последних, необходимо отметить, что в сознании писателя центральное место занимала рефлексия жизне- и культуростроительного опыта Сергия Ра-

⁵⁰⁸ См., в частности, стихотворения М. Дорожинской, А. Ли, Л. Тульпы, помещенные Гребенщиковым в «Радонеге» (см.: Гребенщиков Г.Д. Чураевы: Лобзание змия. Роман. Радонега. Статьи. Воспоминания. С. 264–267). В стихотворении Александра Ли Гребенщиков и его супруга даже названы «Рыцарями Святого Духа» (Там же. С. 267).

 $^{^{509}}$ Живов В.М. Post scriptum к поэтике бытового поведения и к посвященному ей «круглому столу». С. 127.

 $^{^{510}}$ См., например: Анисимова Е.Е. Б.К. Зайцев и В.А. Жуковский: реактуализация классики как фактор идентичности писателя-эмигранта // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2011. № 11 (113). С. 142–148.

донежского — святого, которому отведено «центральное место в тысячелетней истории христианской святости на Руси»⁵¹¹. Наиболее интенсивно писатель обращался к фигуре святого в американский период своей жизни — начиная с 1924 г. Сергию Радонежскому целиком посвящена книга «Радонега»⁵¹² (1938) и отдельные письма публицистической книги «Гонец. Письма с Помперага», вышедшей в 1928 г., а также публичные лекции, публицистические статьи и часть обширного эпистолярия. Кроме того, проекции на фигуру Преподобного Сергия интенсифицированы в структуре образа главного героя романа «Чураевы» Василия (см. об этом 1.3.).

Но центральный пример рецепции жизнетекста Сергия Радонежского лежал не в области художественного или публицистического творчества, а в сфере жизнестроительства. Ключевым жизнестроительным жестом в рамках реализации описанной выше утопической концепции Гребенщикова стала постройка часовни Святого Сергия Радонежского. Знаменательно, что в то же время чураевская часовня строилась как «замена» московского храма Христа Спасителя. По словам писателя, замысел часовни возник именно после этого события и после уничтожения колоколов Троице-Сергиевой Лавры. Как указывает Гребенщиков в «Радонеге», часовня была заложена 3 мая 1930 г., окончена же работа была в конце лета этого же года⁵¹³. Однако если троице-сергиевские колокола действительно были сброшены до начала строительства чураевской часовни (в январе 1930 г.), то храм Христа Спасителя

⁵¹¹ Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Том II. Три века христианства на Руси (XII–XIV вв.). М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 346.

⁵¹² Согласно авторской интерпретации, слово «Радонега» «происходит от древних русских понятий, столь созвучных и даже дополняющих друг друга»: «Радуница», «Радуга», «Радость», которые «логически и символически» связываются друг с другом посредством слова «Радонеж» (Гребенщиков Г.Д. Чураевы: Сто племен с единым. Роман. Океан багряный. Роман. С. 181–182). Об идеологических функциях подобного рода этимологизирования и инспирированной им историографии, направленной, как правило, на обоснование не чуждого Гребенщикову тезиса о древности русских языка и истории, см.: Богданов К.А. Раса, Россия, бог Ра и этруски // Богданов К.А. Переменные величины: Погода русской истории и другие сюжеты. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 78 и сл.

⁵¹³ Гребенщиков Г.Д. Чураевы: Сто племен с единым. Роман. Океан багряный. Роман. С. 257. Любопытно, что «[в] дальнейшем, по примеру Чураевки, часовня Сергия Радонежского была открыта в 1934 году при Музее Рериха в Нью-Йорке» (Тушине Е. Белый камень Алтая (Гребенщиков и Рерих). С. 58).

был взорван 5 декабря 1931 г. Этот анахронизм позволяет предположить, что Гребенщиков в 1938 г., работая над текстом «Радонеги», сознательно или неосознанно (забыв последовательность событий) допустил ошибку, постфактум обозначая разрушение московской святыни в качестве символического импульса к основанию чураевской часовни.

Так или иначе, согласно комментариям писателя, небольшая часовня, построенная в американском лесу, должна была символически «заместить» важнейший русский православный храм, актуализируя логику translatio imperii, лежащую в основе чрезвычайно актуальной для Гребенщикова доктрины «Москва — Третий Рим», острая полемика вокруг которой развернулась в среде русского зарубежья в 1920—1930-е гг. 514. В самой идее translatio imperii уже заложена идея «перемещения» святости: месато, куда «переносится» сакральный центр христианского мира, сакрализуется самим фактом этого «переноса» 515. Необходимо также учесть, что «[с]вятой человек в некотором смысле сам являет собой святое место, т.е. представляет собой средоточие святости» 516. Как известно, многочисленные примеры придания «сакральн[ой] энергии[и], присущ[ей] первообразам» путем перенесения названий или сходства планировки являет история XVII в. 517. Нетрудно заметить, что и этот феномен, и неразрывно связанное с ним появление в области литературы автоагиографических сочинений (подробнее см. 1.3.), являющиеся

⁵¹⁴ См. об этом: Синицына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М.: «Индрик», 1998. С. 35–41. Проекции формулы «Москва – Третий Рим» на современную ситуацию (Там же. С. 39), свойственные интеллектуалам диаспоры (в диапазоне от С. Булгакова, Н. Бердяева и Г. Флоровского до «сменовеховцев»), предпринимал и Гребенщиков, предельно интенсифицировав их в структуре образа Василия Чураева, которому и в данном случае привычно отданы наиболее значимые для автора размышления.

 $^{^{515}}$ См.: Синицына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). С. 238.

⁵¹⁶ Успенский Б.А. Дуалистический характер русской средневековой культуры // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры», 1994. С. 296.

⁵¹⁷ Об этом, а также библиографию по теме см.: Ранчин А.М. Автобиографические повествования в русской литературе XVI – XVII вв. (*Повесть* Мартирия Зеленецкого, *Записка* Елеазара Анзерского, *Жития* Аввакума и Епифания): проблема жанра. С. 446–447 (прим. 604).

манифестациями общего феномена сакрализации быта (происходившими в культуре второй половины XVI - XVII столетий), были принципиально значимы для жизнестроительных практик основателя Чураевки.

Гребенщиков концептуализирует Чураевку как локус, в котором осуществилась своеобразная трансмиссия «Святой Руси» – в очерке 1936 г. «Поклон родной земле» (входящем в цикл «Святая Русь») он пишет: «один из <...> осколков моей Матери, Св<ятой> Руси и Церкви, я принес и в эти чуждые холмы»⁵¹⁸. Позднее в статье «Что такое Чураевка» он утверждает, что «Чураевка является символом того, самого святого, что должно неугасимо теплиться в душе и сердце каждого, особенно в душе тех, кто знает, почему когда-то Русь называлась Святою» (6, 397)⁵¹⁹. Такая концептуализация отчетливо связана с отмеченным выше стремлением сохранить собственную идентичность в условиях эмиграции с помощью как дискурсивного, так и практического конструирования «своего» («русского») пространства в Америке. И эта связь между непрекращающимся ностальгически окрашенным поиском идентичности русского писателя и обращением к концепту «Святая Русь» очень точно коррелирует с ее семантическим потенциалом и изначальной прагматической задачей. Как убедительно показал В.М. Живов, идеологический конструкт «Святая Русь появляется с концом средневековья как своего рода ностальгическая идентичность», а позднейшие «[м]ногочисленные <...> попытки приписать самосознание "Святой Руси" русскому средневековью <...> основаны на анахроническом смешении понятий и возникают в рамках все той же ностальгической ретроспекции»⁵²⁰.

 $^{^{518}}$ Гребенщиков Г.Д. Чураевы: Лобзание змия. Роман. Радонега. Статьи. Воспоминания. С. 279.

⁵¹⁹ Ср. мечтательное восклицание в «Радонеге»: «[К]ак было бы чудесно, если бы во всех странах мира, где есть русские люди, возникли бы хотя бы самые скромные, самые бедные часовенки, посвященные Имени Св. Сергия, и в них затеплились бы огоньки неугасимых лампад. А Сам преподобный укажет дальнейшие пути ко благу и снова поможет светлому и уже незакатному возрождению Святой Руси, ныне несомненно вступающей на великий путь служения всему потрясенному человечеству» (Там же. С. 270).

 $^{^{520}}$ Живов В.М. Два пространства русского средневековья и их позднейшие метаморфозы [Электронный ресурс] // Отечественные записки. 2004. № 5. Режим доступа:

Такая сложная и многоступенчатая семиотическая процедура позволяла Гребенщикову решить сразу несколько задач. Акцентируя одновременно две проекции (на храм Христа Спасителя и на скит Сергия), он усиливал идею «трансплантации» знаковых ортодоксальных святынь символическим инкорпорированием центрального православного святого в американский локус (путем основания часовни, копирующей ту, что была основана несколькими веками ранее Сергием Радонежским под Москвой (это причудливым образом удваивало сакральность Чураевки, работая на решение ее магистральной символической задачи — стать «деревней-садом» и «скитом русской культуры». В утопической перспективе такой «перенос» русских святынь в Америку (ср. разрабатывавшийся Гребенщиковым топос «Американской Руси») укладывался в рамки гребенщиковской концепции особой связи и будущего «слияния» России и Америки — основание в Америке часовни, «замещающей» разрушенный в СССР храм, стало жизнестроительным жестом, в миниатюре демонстрирующим возможность такой связи.

Несмотря на то, что Гребенщиков активно апеллировал к имени православного святого в многочисленных автоописаниях и избрал его биографию⁵²³ в качестве модели для собственного жизнетекста, в своих религиозных взглядах он, как уже отмечалось выше, очевидно выходил за пределы христианской ортодоксии. Неизбежным следствием подобной рецепции становились более или менее серьезные семантические искажения и реинтерпретации претекста. Так, например, об эклектичной природе часовни говорит

http://www.strana-oz.ru/2004/5/dva-prostranstva-russkogo-srednevekovya-i-ih-pozdneyshie-metamorfozy (дата обращения: 05.01.2016).

⁵²¹ Впрочем, как мы старались показать в 3.1., этот локус и самим Гребенщиковым, и его соратниками концептуализировался и репрезентировался исключительно в качестве «русского».

⁵²² Росов В.А. Белый Храм на высоких горах: Очерки о русской эмиграции и сибирском писателе Георгии Гребенщикове. С. 29.

⁵²³ Отдельного исследования заслуживает вопрос о том, какие именно сведения о жизни святого стали объектом рецепции гребенщиковским жизнетекстом – и, в частности, в какой мере сочетались те или иные редакции «Жития» Сергия, известные писателю, с агиобиографией Б. Зайцева и другими источниками (в том числе и мифологизированным образом святого, создававшимся в близкой Гребенщикову рерихианской среде).

тот факт, что она была выполнена по проекту Н. Рериха⁵²⁴, чьи религиозные взгляды и художественная практика, как уже говорилось ранее, находятся в резко конфликтных отношениях с ортодоксальным христианством. Помимо этого, по рериховским рисункам была выполнена отделка дверей⁵²⁵, и, что наиболее характерно, автор «Цветов Мории» расписывал иконостас⁵²⁶. Более того, еще за три года до постройки часовни, в сентябре 1927 г., Гребенщиков наставлял А. Ачаира: «изучите жизнь Св. Сергия Радонежского, хотя бы по Ключевскому и по Борису Зайцеву, и Вам тогда станет ясно, что подвиг строителя Русской Общины Сергия есть тот же путь, которым шёл космически-неподражаемый Общинник Будда. И лишь тогда станет во весь рост великий приход и подвиг Христа, истинное учение которого до наших дней не было применено в действительной жизни. И немногим из нас предстоит нести прекрасный подвиг насаждения царствия Божия на земле»⁵²⁷. Постановка в один ряд Сергия Радонежского и Будды, традиционная для оккультно-теософских доктрин, где они уравниваются как «махатмы», вполне красноречиво свидетельствует о синтетическом характере религиозного дискурса Гребенщикова и продиктованной им концептуализации Чураевки.

Неудивительно поэтому, что внимание Гребенщикова к фигуре Сергия Радонежского напрямую связано с влиянием идей семьи Рерихов, уделявших этому святому исключительное внимание⁵²⁸. Сам Гребенщиков в письме Н.К. и Е.И. Рерихам от 20 июня 1925 г. отмечал трудовой подвиг Сергия в каче-

⁵²⁴ Гребенщиков писал: «В осуществлении идеи о часовне помог главным образом известный русский художник академик Н.К. Рерих. <...> Он же набросал и рисунок часовни, по которому она была <...> построена» (Гребенщиков Г.Д. Чураевы: Лобзание змия. Роман. Радонега. Статьи. Воспоминания. С. 258).

⁵²⁵ Тушине Е. Белый камень Алтая (Гребенщиков и Рерих). С. 58.

⁵²⁶ Росов В. Часовня св. Сергия Радонежского // Рериховский вестник. Публикации – сообщения – исследования. Вып. 4 (1991, январь–декабрь). СПб.; Извара; Барнаул; Горно-Алтайск, 1992. С. 56–57.

⁵²⁷ «Полно охватить всю Сибирскую Русь». Переписка Г. Гребенщикова и А. Ачаира. / предисловие и публикация В.А. Росова [Электронный ресурс] // Новый журнал. 2009. № 256. С. 239–263. Режим доступа: http://www.aryavest.com/work.php?workid=16 (дата обращения: 18.09.2015).

⁵²⁸ См.: Письма Г.Д. Гребенщикова к Н.К. Рериху. С. 988; Царегородцева С.С. Роман Г.Д. Гребенщикова «Чураевы» в социокультурном контексте эпохи. С. 106.

стве недостижимого образца: «всегда ношу в себе образ Сергия, трудившегося так, как нам и мечтать не приходится» (4, 470)⁵²⁹. Такое внимание оккультных мыслителей (и вслед за ними Гребенщикова) к древнерусскому святому вполне укладывалось в культурный контекст эпохи, поскольку «общей тенденцией второй половины 1920-х — начала 1930-х становится осовременивание религиозной проблематики, связанное с прагматической направленностью теософских поисков эмиграции»⁵³⁰.

Конструирование биографических и исторических связей с мифологизированным и сакрализованным прошлым⁵³¹ («Православная Русь», «Дом Пресвятой Богородицы» как основа для «возрождения» «Великой Будущей России»⁵³²) было важно не только в контексте определения статуса Чураевки, но и в связи с обсуждавшейся выше проблемой самоидентификации Гребенщикова. Тем любопытнее, что впоследствии Гребенщиков, как кажется, все еще решая проблему самоопределения, наряду с регулярными декларациями своей «сибирской» идентичности, максимально радикализовал идею наследования скиту Сергия. В статье «Что такое Чураевка?» (1952) он пишет:

Идея Чураевки — это тяжкий молитвенный вздох отшельников и строителей потаенных древних русских скитов, когда иго монгольское удушало русскую душу»; «чтобы понять, что такое Чураевка, — прочтите одну из наших книг: Радонега, это о том, почему и, как и какое имел влияние в тягчайшие времена Игумен Святой Руси, Пр. Сергий, и почему построилась наша часовня. А потом прочтите и другие наши книги. Прочтите все, что можете, для того, чтобы приобщиться духом и сердцем к нашим задачам, а потом, может, и к самим действиям (6, 396, 398).

⁵²⁹ Гребенщиков постоянно (в первую очередь – в «Радонеге») характеризовал Сергия Радонежского именно как «строителя». См., например: Гребенщиков Г.Д. Чураевы: Лобзание змия. Роман. Радонега. Статьи. Воспоминания. С. 182.

⁵³⁰ Пономарев Е. Россия, растворенная в вечности. Жанр житийной биографии в литературе русской эмиграции. С. 95.

⁵³¹ К началу 1930-х обозначение связей с классической светской культурой прошлого (прежде всего – с Л. Толстым) уже не решало задач Гребенщикова. Закономерно поэтому, что в «Радонеге» он пишет: «В те полуграмотные времена он [Сергий Радонежский. – А.Г.] был сильнее великих князей, просвещеннее Льва Толстого, дальновиднее современного Ганди» (Гребенщиков Г.Д. Чураевы: Лобзание змия. Роман. Радонега. Статьи. Воспоминания. С. 223).

 $^{^{532}}$ Гребенщиков Г.Д. Чураевы: Сто племен с единым. Роман. Океан багряный. Роман. С. 185, 183.

С помощью этого риторического хода основатель «деревни-сада» устанавливал уже не диахроническую связь преемственности, а синхроническую связь идентичности: Чураевка, по Гребенщикову, не наследует традиции «потаенных русских скитов», она и есть такой «древний скит» (имя Сергия в цитированном пассаже прямо не называется, однако оно легко читается в парафразе «строители древних скитов» времен татаро-монгольского ига), а Сергий Радонежский стоит «во главе всех нас [деятелей Чураевки. – А.Г.] <...> и надзирает за нашими делами и мыслями» (6, 397).

В процессе манифестации «русскости» «культурного скита», особым образом связанного с Сергием Радонежским, важную роль играли многочисленные и многолюдные чураевские праздники, внутри которых фигуре древнерусского святого уделялось особое внимание: в его честь совершались молебны, а возле часовни по окончании праздников устраивались пикники ⁵³³. Эти праздники уместно рассматривать как «символические спектакли» (Р. Уортман), бывшие частью «изобретенных традиций» и игравших важную роль в процессе интеграции конструируемого Гребенщиковым ретроутопического «воображаемого сообщества» ⁵³⁴.

Настойчивые проекции на фигуру Сергия Радонежского служили также задаче укрепления Гребенщикова в статусе «духовного лидера» русской эмиграции. Писатель «подсвечивал» собственный жизнетекст житийной биографией святого, отводя себе роль строителя анклава «новой» культуры (в то же время, согласно построениям автора «Радонеги», целиком основанной на традициях, заложенных Сергием) во временном контексте, который описывался им как рифма к эпохе татаро-монгольского ига.

Как уже говорилось, в 1920 – 1930-е гг. в эмигрантской культуре становится «новое житие», представлявшее собой смешение агиографии и белле-

⁵³³ Сохранились описания праздников, программы и приглашения. См.: ГМИЛИКА. ОФ. Ед. хр. 663/4; 663/25; 663/27; 663/28; 663/29; 663/30; 663/31; 16634/040; 16634/043.

⁵³⁴ Эти праздники любопытным образом коррелируют с литературными юбилеями Гребенщикова (см. 1.1): в обоих случаях репрезентация осуществлялась экстралитературными средствами, призванными оказывать мощное комплексное (в первую очередь – визуальное) воздействие на реципиентов.

тристики. Это жанровое новообразование было обусловлено идеологическими причинами: эмигрантская культура должна была «[н]еустанно напоминать о <...> духовной мощи» «канувшей в лету Великой России», в чем состояла новая «миссия русской эмиграции» 535. В этой же традиции создавалась «Радонега», выполнявшая идентичные функции 536, центральная из которых, как нам представляется, состояла в максимально рельефном сопоставлении двух временных пластов (эпохи Сергия и рубежа 1920–1930-х гг.) и менее эксплицированно, но не менее отчетливо — двух фигур: Сергия Радонежского и Г. Гребенщикова. Это также вполне укладывалось в контуры описанной Е. Пономаревым жанрово-стилевой традиции, поскольку важной чертой агиобиографии стал «анализ древнего жития, выделяющий сущность происходящего, транспонирующий древний текст на современное сознание» 537.

Постепенно усиливая проекции Чураевки на скит Сергия Радонежского, Гребенщиков рассчитывал и на последующую рецепцию, «цитирование» собственного (цитатного на грани центонности) жизнетекста. Это создает еще один обертон в интересующем нас комплексе проблем. В.Н. Топоров, описывая взаимодействие Сергия и его сподвижников, указывал: «Братия смотрела на жизнь Сергия и посильно подражала ему и через это приближалась и к Богу» Сходная рецептивная установка работала и в случае Гребенщикова, с той разницей, что здесь в миметическую цепочку: ученик — свя-

⁵³⁵ Там же. С. 93.

⁵³⁶ В 1925 г., за тринадцать лет до «Радонеги», появилась агиобиография Б. Зайцева «Преподобный Сергий Радонежский». Характерно при этом, что Е.И. Рерих в книге «Знамя Преподобного Сергия Радонежского» (1934), непосредственно после тезиса о том, что «сибирский писатель Георгий Гребенщиков в лекциях своих, посвященных Преподобному Сергию, знаменательно связывает это великое имя с Сибирью, со славным строительством и неутомимостью», приводит обильные выписки из книги Зайцева (Рерих Е. Знамя Преподобного Сергия Радонежского. Минск: «СангитаСтрой», 2013. С. 104–108).

⁵³⁷ Пономарев Е. Россия, растворенная в вечности. Жанр житийной биографии в литературе русской эмиграции. С. 94. Характерно, что задачу «Радонеги» Гребенщиков определял так: «[О]пираясь на примеры прошлого, как бы вынести некий урок для будущего» (Гребенщиков Г.Д. Чураевы: Лобзание змия. Роман. Радонега. Статьи. Воспоминания. С. 192). ⁵³⁸ Топоров В.Н. Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Том ІІ. Три века христианства на Руси (ХІІ–ХІV вв.). С. 429.

той — Бог, где святой должен «напоминать» ученику о Боге⁵³⁹, добавлялось еще одно звено — учитель. Задача такого учителя, роль которого отводил себе Гребенщиков, — актуализировать в сознании ученика (или создать его впервые) образ Сергия, который, в свою очередь, «напомнит» ученику о Христе.

По точной формулировке В.И. Тюпы, «мимесис не рассказывает, а показывает, имитирует»⁵⁴⁰. Факт такой миметической демонстрации рефлексировался самим писателем, который писал И.А. Бунину 28 октября 1937 г.:

Часовня эта мое духовное убежище от страшных и проклятых наших лет смуты, лжи и взаимной клеветы, взаимного предательства Эта часовня не только место молитвы и уединения: она миссионерствует сама собой. В ней теплится неугасимая лампада, дверь открыта по субботам и воскресеньям, и никогда не бывавшие в церкви люди приходят сперва для любопытства, а потом тайком от спутников приходят посидеть, побыть наедине, иногда вспомнить детство и Россию и поплакать. А главное, посвящена она имени Преподобного Сергия Радонежского, значит, с напоминанием истории утверждения Русской Державности <...>» (5, 379).

Таким образом, роль миссионера, которая, как правило, сводится к набору функций проповедника и катехизатора (чтение проповедей, знакомство с Библией и патристической литературой и т.д.), в данном случае реализовывалась гораздо более радикально. В качестве инструмента этой миметической «проповеди» выступили жизнетекст Гребенщикова, выстраиваемый им с оглядкой на житие Сергия Радонежского, а также «культурный скит» Чураевка, «миссионерствующий сам собой».

⁵³⁹ Ср. идею «подражания Христу» как идеалу для всякого христианина, наиболее полно сформулированную в авторитетном теологическом трактате Фомы Кемпийского «О подражании Христу».

⁵⁴⁰ Тюпа В.И. Нарратив и другие регистры говорения // Narratorium. 2011. №1–2. Режим доступа: http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2027584 (дата обращения: 19. 09. 2015).

Заключение

Судьба Г.Д. Гребенщикова уникальна во многих отношениях. Автор многотомного монументального романа «Чураевы» был не только писателем, но и религиозным мыслителем-утопистом, общественным деятелем, строителем. Фигура литератора-самоучки, родившегося в Горном Алтае и закончившего свою жизнь профессором американского университета, автоматически предстает перед современным читателем в виде «нового Ломоносова». Однако для полноценного понимания писательской карьеры и биографии Гребенщикова в целом необходима реконструкция социально-культурных механизмов эпохи и генезиса жизнестроительной активности писателя, распространившейся и на символические практики, и на сферу повседневности.

Жизнестроительство Г.Д. Гребенщикова было рассмотрено в настоящей работе с различных методологических позиций. Была собрана и классифицирована литература вопроса, включающая работы исследователей, отзывы критиков, поэтов и писателей, касающихся широкого спектра аспектов жизнестроительства автора «Чураевых».

На протяжении всей полувековой писательской карьеры Гребенщиков конструировал собственную литературную биографию, в пресуппозиции которой лежал персональный миф о писателе «из народа». Этот постоянно редактируемый мифо-биографический нарратив, рассчитанный на признание его литератором «из крестьян», завоевавшим свое место в поле литературы, несмотря на разнообразные географические и социальные препятствия, стал ключевым идеологическим инструментом писателя. Формируя и постоянно редактируя этот нарратив, с прагматической точки зрения призванный обосновать претензии сибирского литератора на особое место в литературном процессе эпохи, Гребенщиков стремился контролировать его незыблемость, интерпретируя любые попытки демифологизации как проявления социальной «травли» со стороны враждебной к выходцу из социальных низов интеллигенции. С ранних произведений структурообразующим элементом иден-

тичности писателя «из народа» стала идеологема врага, наиболее рельефно прописанная в знаковой статье 1909 г. «Перед судом фарисеев». В этой же статье появился отчетливый трикстерский троп и соответствующая сюжетообразующая метафорическая антитеза, изображавшая писательский путь из провинции «в культуру» как движение от «тьмы» к «свету». В дальнейшем эта дихотомия репрезентировалась уже не только на уровне метафорики литературных текстов, но и в виде соответствующей иконографии литературных юбилеев Гребенщикова, выполнявших функцию символических «рубежей» его писательской карьеры.

В ранний период творчества Гребенщиков, колебавшийся между достигнутым статусом известного сибирского писателя и потенциальным положением столичного литератора, оказался в маргинальной социокультурной позиции, что отразилось в биолого-органицистских описаниях себя как «растения», насильственно «пересаженного» в «неестественную» культурную «почву». После нескольких неудачных попыток войти в литературное поле столицы, он сделал выбор в пользу идентичности писателя «из крестьян». Это определило дискурсивную стратегию ресентимента, обусловившего, в частности, специально акцентировавшийся уже в произведениях 1900–1910-х гг. мотив одиночества протагониста, его отверженности от культурной элиты, реактуализированный после 1920 г., когда писатель эмигрировал из советской России. В своей последней книге «Егоркина жизнь», синтезировавшей жанровые признаки автобиографической повести и агиографии, Гребенщиков инкорпорировал в структуру писательского мифа элементы поэтики жития-мартирия.

Другую стратегию автомифотворчества Гребенщикова определило стремление вписать собственную фигуру в контекст «большой» культурной традиции. Решая эту задачу, писатель конструировал собственную литературную генеалогию, обозначая преемственность по отношению к представителям пантеона литературы Сибири (Г.Н. Потанин) и классического канона русской литературы (прежде всего – А.С. Пушкин и Л.Н. Толстой). Процесс

автоканонизации Гребенщикова включал в себя противоположные стадии — от настойчивых обозначений преемственности и наследования (вплоть до полной идентификации) до негативного самоопределения. Так, писатель регулярно сопоставлял свой главный роман «Чураевы» с «Войной и миром», а собственный жизнетекст — с толстовским. Итогом стала концептуализация «Чураевых» в качестве «народного» аналога толстовского романа и риторическое отталкивание от жизнетекста классика как квази-крестьянского. Результатом литературной самоканонизации должна была стать легитимация особого статуса Гребенщикова в поле литературы (как и в ранний — сибирский — период). Однако эта цель в полной мере не была достигнута — эмигрантской критикой (3. Гиппиус, Г. Струве, Д. Святополк-Мирский) Гребенщикову было отведено место во втором ряду современной словесности.

В Америке Гребенщиков использовал широко разработанную в истории русской культуры модель провинциального (или находящегося за пределами России) писателя, транслирующего мессианский дискурс (старец Филофей, Н.В. Гоголь, А.И. Солженицын). В начале 1920-х гг., следуя стандартной для представителей «первой волны» эмиграции логике, Гребенщиков колебался между самоопределениями «изгоя» и «избранника». Вскоре, описывая эмиграцию как «культурную экспансию», которую осуществляют «изгнанники», писатель контаминировал эти автохарактеристики. В1930-х гг. с помощью самоописаний «изгоя», «чужого» в эмигрантской среде Гребенщиков удваивал семантику собственного изгнанничества.

Еще одной сферой реализации жизнестроительных стратегий Г.Д. Гребенщикова стали многочисленные утопические проекты. Уже в 1907 г., находясь на Алтае, Гребенщиков обдумывал возможность создания Алтайской сельскохозяйственной артели. Намерений реализации утопических проектов путем создания коммуны, общины или «культурного скита» писатель не оставил и в дальнейшем. Оказавшись в 1924 г. США, писатель, под непосредственным влиянием оккультно-теософского учения семьи Рерихов, начал активно работать над созданием универсалистского утопического проекта, наследующего также утопиям Н.Ф. Федорова и Л.Н. Толстого. В 1925 г. Гребенщиков начал строить в штате Коннектикут деревню, которая затем получила название Чураевка (идентичное названию алтайской старообрядческой деревни из романа «Чураевы») и стала центральной манифестацией жизнестроительства писателя в целом.

Механизм жизнестроительства Г.Д. Гребенщикова предполагал ориентацию как на литературные произведения, так и на жизнетексты. Так, Чураевка, которая, по мнению литератора, должна была стать не просто поселком русских эмигрантов в Америке, но и коммерческой корпорацией, и «скитом», центром «возрожденной» русской культуры, и точкой, в которой может произойти геополитическое и символическое объединение России и Америки. В силу этих разноплановых практических и символических задач, Чураевка была одновременно спроецирована на художественный текст (одноименный романный хронотоп) и на два важнейших для Гребенщикова локуса русской культуры: толстовскую Ясную Поляну и скит Сергия Радонежского. Результатом этого стала тотальная текстуализация быта деревни, функционировавшей как сложно устроенный палимпсестный семиотический объект.

Радикальность и своеобразие случая Гребенщикова состояли в том, что он попытался в прямом смысле построить Россию прошлого не только дискурсивными (как у большинства эмигрантов «первой волны»), но и практическими средствами, соединив утопию с ухронией. Это достигалось самыми разными средствами: от «русской» топографии (Russian Village Rd., Tolstoy Lane, Kiev Drive, Ясная Поляна) до постройки в Чураевке часовни прп. Сергия Радонежского, «замещавшей», согласно поздним интерпретациям Гребенщикова, разрушенный в Москве храм Христа Спасителя. Одновременно с этим в публицистике, письмах и публичных лекциях Гребенщикова разрабатывался топос «Американской Руси», подчиненный аналогичному ретроутопическому принципу дискурсивного и повседневно-практического совмещения разных хронологических пластов и географических локусов: сопровождавшегося «изобретенными» традициями мифологизированного националь-

ного прошлого и подвергающегося утопической «русификации» американского настоящего.

Можно резюмировать, что ретроутопический жизнестроительный проект Гребенщикова был реализован, хотя и не в той степени, в какой это планировалось писателем. С одной стороны, успешность реализации подтверждается активной рецепцией гребенщиковских идей, в разной степени повлиявших на подобные утопические поселения и литературнохудожественные объединения в других центрах русской эмиграции (община «Новый Израиль» в Уругвае, харбинская «Молодая Чураевка»). С другой стороны, чаяниям Гребенщикова о глобальном объединении культурных сил русской эмиграции в Чураевке не суждено было сбыться.

Разумеется, изучение жизнестроительства Г.Д. Гребенщикова не может считаться завершенным. В более подробном и системном исследовании нуждается рецепция жизнестроительных жестов основателя Чураевки. Представляется актуальным изучение Гребенщикова в перспективе «деревенской про-Автора «Егоркиной зы». жизни» связывают c писателями-«неопочвенниками» разноуровневые типологические переклички, лежащие в областях поэтики, жизнестроительства и идеологии. Неслучайно В.Г. Распутин отзывался о Гребенщикове как о «гигант[е] литературы, гигант[е] мысли», «могучесть» которого «не оставляет» его⁵⁴¹. Продуктивным представляется также сопоставительный анализ трудовой утопии Гребенщикова с советскими утопическими проектами А. Богданова, А. Гастева, А. Чаянова с его «Путешествием моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» и других авторов, большинство из которых испытали, как и Гребенщиков, влияние «философии общего дела» Н.Ф. Федорова; исследование синтеза утопического и антиутопического метажанров в структуре романа «Чураевы» в жизнестроительной перспективе.

⁵⁴¹ Шишина Р. Гонец [Электронный ресурс]. Барнаул, 2010. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=DUKg-knlejs (дата обращения: 25.10.2015).

Список использованных источников и литературы

Источники

- 1. [Б.п.] Азбука с начальными молитвами по обычному переводу // ГМИЛИКА. ОФ. Ед. хр. 15643/15.
- 2. Бунин И.А. Дневник 1917–1918 гг. [Электронный ресурс] / И.А. Бунин. Режим доступа: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_1900-1.shtml (дата обращения: 04.02.2016).
- Георгий Гребенщиков. Из эпистолярного наследия (1924–1957) / Г.Д. Гребенщиков / Сост. Корниенко В.К. Барнаул: ГМИЛИКА; ОАО «Алтайский Дом Печати», 2008. 172 с.
- 4. Гоголь Н.В. Собр. соч.: в 7 т. / Н.В. Гоголь / Под общ. ред. С.И. Машинского и М.Б. Храпченко. М.: Художественная литература, 1976—1979.
- Гребенщиков Г.Д. Моя отчизна / Г.Д. Гребенщиков // Семипалатинский листок. – 1906. – № 16. – 18 июня. – С. 2.
- 6. Гребенщиков Г.Д. Перед судом фарисеев / Г.Д. Гребенщиков // Омское слово. -1909. -№ 19. -18 января. С. 3.
- 7. Гребенщиков Г.Д. О красоте, 1926(?) / Г.Д. Гребенщиков // ГМИЛИ-КА. ОФ. Ед. хр. 699/2.
- 8. Гребенщиков Г.Д. Письмо С.С. Митусову, 1926 / Г.Д. Гребенщиков // ГМИЛИКА. ОФ. Ед. хр. 56739/576.
- 9. Гребенщиков Г.Д. Чураевка. Проект обращения к «широким слоям общества», 1928 / Г.Д. Гребенщиков // ГМИЛИКА. ОФ. Ед. хр. 699/9.
- 10. Гребенщиков Г.Д. Список лиц, купивших земельные участки в Чураевке, 1920-е / Г.Д. Гребенщиков // ГМИЛИКА. ОФ. Ед. хр. 685/80.
- 11. Гребенщиков Г.Д. План по Чураевке, нач. 1930-х / Г.Д. Гребенщиков // ГМИЛИКА. ОФ. Ед. хр. 699/11.

- 12. Гребенщиков Г.Д. Русские в далеком Уругвае (Из переписки с в рассеянии сущими), 1937 / Г.Д. Гребенщиков // ГМИЛИКА. ОФ. Ед. хр. 56739/147.
- 13. Гребенщиков Г.Д. Рождение Христа, 1940-е / Г.Д. Гребенщиков // ГМИЛИКА. ОФ. Ед. хр. 56739/512.
- 14. Гребенщиков Г.Д. Письмо отцу Иннокентию, 1945 / Г.Д. Гребенщиков // ГМИЛИКА. ОФ. Ед. хр. 16754/1.
- 15. Гребенщиков Г.Д. О писателе, редакторе и читателе, 1940–1950-е / Г.Д. Гребенщиков // ГМИЛИКА. ОФ. Ед. хр. 56739/149.
- 16. Гребенщиков Г.Д. «Волнуемся как море-океан... По поводу все того же фильма "Война и мир" Толстого», 1956 / Г.Д. Гребенщиков // ГМИЛИКА. ОФ. Ед. хр. 56739/144.
- 17. Гребенщиков Г.Д. Письмо к госпоже Сегал, 1956 / Г.Д. Гребенщиков // ГМИЛИКА. ОФ. Ед. хр. 519/61.
- 18. Гребенщиков Г.Д. Письмо к неустановленному лицу, 1956 / Г.Д. Гребенщиков // ГМИЛИКА. ОФ. Ед. хр. 519/8.
- 19. Гребенщиков Г.Д. Посвящение и издательское предисловие к повести «Егоркина жизнь», 1956 / Г.Д. Гребенщиков // ГМИЛИКА. ОФ. Ед. хр. 416/4.
- 20. Гребенщиков Г.Д. Моя Сибирь / Г.Д. Гребенщиков. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 214 с.
- 21. Гребенщиков Г.Д. Чураевы: Братья Чураевы. Роман в трех частях. Спуск в долину. Роман / Г.Д. Гребенщиков. Барнаул: [Б.и.], 2006. 384 с.
- 22. Гребенщиков Г.Д. Чураевы: Веления Земли. Роман. Трубный глас. Роман / Г.Д. Гребенщиков. Барнаул: [Б.и.], 2006. 288 с.
- 23. Гребенщиков Г.Д. Чураевы: Сто племен с единым. Роман. Океан багряный. Роман / Г.Д. Гребенщиков / Г.Д. Гребенщиков. Барнаул: [Б.и.], 2007. 384 с.

- 24. Гребенщиков Г.Д. Чураевы: Лобзание змия. Роман. Радонега. Статьи. Воспоминания / Г.Д. Гребенщиков. Барнаул: [Б.и.], 2007. 352 с.
- 25. Гребенщиков Г.Д. Письма (1907–1917). Книга первая / Г.Д. Гребенщиков / Составитель, автор предисловия и примечаний (при участии В.К. Корниенко и К.В. Анисимова) Т.Г. Черняева. Бийск: Издательский Дом «Бия», 2008. 170 с.
- 26. Гребенщиков Г.Д. Письма (1907–1917). Книга вторая / Г.Д. Гребенщиков / Составитель, автор предисловия, примечаний (при участии В.К. Корниенко и К.В. Анисимова), указателя имен, Хроники жизни и творчества Т.Г. Черняева. Бийск: Издательский Дом «Бия», 2010. 200 с.
- 27. Гребенщиков Г.Д. Собрание сочинений: В 6 т. / Г.Д. Гребенщиков / сост., подг. текста, вступ. ст. Т.Г. Черняевой. Барнаул: Издательский Дом «Барнаул», 2013.
- 28. Г.Д. Гребенщиков и Г.Н. Потанин: диалог поколений (письма, статьи, воспоминания, рецензии) / составитель, автор вступ. статьи, примеч. Т.Г. Черняева. Барнаул, 2008. 212 с.
- 29. Гребенщиков Г.Д. В бору [Электронный ресурс] / Г.Д. Гребенщиков. Режим доступа: http://grebensch.narod.ru/forest.htm (дата обращения: 15.01.2016).
- 30. Гребенщиков Г.Д. Джаксы джигит [Электронный ресурс] / Г.Д. Гребенщиков. Режим доступа: http://grebensch.narod.ru/zhigit.htm (дата обращения: 15.01.2016).
- 31. Гребенщиков Г.Д. Кто есть мы [Электронный ресурс] / Г.Д. Гребенщиков. Режим доступа: http://grebensch.narod.ru/who_are_we.htm (дата обращения: 12. 12. 2016).
- 32. Гребенщиков Г.Д. Письмо Анатолию Гребенщикову [Электронный ресурс] / Г.Д. Гребенщиков. Режим доступа: http://umedia.lib.umn.edu/node/469097 (дата обращения: 13. 12. 2016).

- 33. Гребенщиков Г.Д. Сережа Есенин [Электронный ресурс] / Г.Д. Гребенщиков. Режим доступа: http://esenin.ru/o-esenine/vospominaniia/grebenshchikov-g-d-serezha-esenin (дата обращения: 10.01.2016).
- 34. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / Ф.М. Достоевский. Л.: Наука, 1972–1990.
- 35. «Егоркина жизнь», авт. Георгий Гребенщикв, исп. Борис Лапин [Электронный ресурс] / Б. Лапин. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=OxCwqvbr_EU (дата обращения: 02.02. 2016).
- 36. И.А. Бунин и Г.Д. Гребенщиков. Переписка / Вступит. ст., публ. и примеч. В.А. Росова // С двух берегов: Русская литература XX в. в России и за рубежом / Под ред. Р. Дэвис, В.А. Келдыш. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 220–276.
- 37. Лист рекламный по организации чествования Г.Д. Гребенщикова по случаю 25-летия литературной и общественной деятельности, 1930. ГМИЛИКА. ОФ. Ед. хр. 18072.
- 38. Обращение Г.Д. и Т.Д. Гребенщиковых к русским эмигрантам в Америке с просьбой помочь в ремонте часовни Преподобного Сергия Радонежского в Чураевке, 1950. ГМИЛИКА. ОФ. Ед. хр. 663/40.
- 39. Письма Г.Д. Гребенщикова к Н.К. Рериху в Рукописном отделе ИР-ЛИ (1925 г.) / Публ., предисл. и прим. А.А. Санниковой / Г.Д. Гребенщиков // Ежегодник РО ИРЛИ РАН на 2005–2006 гг. / Отв. ред. Т.С. Царькова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 975–992.
- 40. «Полно охватить всю Сибирскую Русь». Переписка Г. Гребенщикова и А. Ачаира / предисловие и публикация В.А. Росова // Новый журнал. 2009. № 256. С. 239–263 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.aryavest.com/work.php?workid=16 (дата обращения: 18.09.2015).

- 41. Пригласительный билет на манифестацию дружбы между американским и русским народами в Чураевке, 1951. ГМИЛИКА. ОФ. Ед. хр. 712/045.
- 42. Росов В.А. Георгий Гребенщиков: Письма И.Н. и Л.А. Коварским (1940–1963) // Алтайский текст в русской культуре: Материалы третьей региональной научно–практической конференции / под ред. Т.Г. Черняевой, Н.В. Халиной. Барнаул, 2006. Вып. 3. С. 159–172.
- 43. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. / Л.Н. Толстой. М.: ГИХЛ, 1928–1958.
- 44. Торопова Н. Письмо Г.Д. Гребенщикову, 1932. ГМИЛИКА. ОФ. Ед. хр. 56739/395.
- 45. Урманов К. Письма к А.Л. Коптелову / К. Урманов // Литературное наследство Сибири. Т. 8. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1988. С. 120–125.
- 46. Чистяков В.Д. Русская деревня Чураевка в 1999 году / Публ., вступ. сл. и примеч. В.М. Крюкова / В.Д. Чистяков // Вестник Томского гос. ун-та. 2003. № 277. С. 239–241.
- 47. Черняева Т.Г. Письмо Г.Д. Гребенщикова А.Н. Белослюдову / Т.Г. Черняева // Алтайский текст в русской культуре. Вып. 1. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 105–114.

Теоретико-методологическая литература

- 48. Аверинцев С.С. Ангелы / С.С. Аверинцев // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Рос. энциклопедия, 1994. Т. 1. С. 76—78.
- 49. Агамбен Д. Свидетель / Пер. с ит. О. Дубицкой // Агамбен Д. Ното sacer. Что остается от Освенцима: архив и свидетель. М.: Европа, 2012. С. 13–41

- 50. Азадовский К.М. Путь Александра Добролюбова // Учёные записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 459. Творчество А.А. Блока и русская культура XX века. Блоковский сб. III. Тарту, 1979. С. 121–146.
- 51. Азадовский К.М. Николай Клюев творец и мифотворец // Азадовский К.М. «Гагарья судьбина» Николая Клюева. СПб.: Инапресс, 2004. С. 7–88.
- 52. Акимова Н.Н. Булгарин и Гоголь (литературная биография и литературная репутация) / Н.Н. Акимова // Русская литература. 1996. № 3.
 С. 3–18.
- 53. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В.Г. Николаева. М.: «КАНОН-пресс-ц»; «Кучково поле», 2001. 288 с.
- 54. Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX начала XX века: Особенности становления и развития региональной литературной традиции / К.В. Анисимов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 304 с.
- 55. Анисимов К.В. Парадигматика и синтагматика сибирского текста русской литературы (Постановка вопроса) / К.В. Анисимов // Сибирский текст в русской культуре: Сб. статей / Под ред. А.П. Казаркина, Н.В. Серебренникова. Томск, 2007. Вып. 2 С. 60–76.
- 56. Анисимов К.В. Климат как «закоснелый сепаратист». Символические и политические метаморфозы сибирского мороза / К.В. Анисимов // Новое литературное обозрение. 2009. № 99. С. 98–114.
- 57. [Анисимов К.В.] От редактора / К.В. Анисимов // Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: коллективная монография / отв. ред. К.В. Анисимов. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2010. С. 3–6.
- 58. Арлаускайте Н. Поэтика частного пространства Марины Цветаевой: пространство неповседневности [Электронный ресурс] / Н. Арлаускайте // Новое литературное обозрение. 2004. №. 68. Режим доступа:

- <u>http://magazines.russ.ru/nlo/2004/68/arl7.html</u> (дата обращения: 26.12.2015).
- 59. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
- 60. Ауэрбах Э. Мимесис: Изображение действительности в западноевропейской литературе / Пер. с нем. А.В. Михайлова. М.: Прогресс, 1976. 560 с.
- 61. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Пер. с фр. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
- 62. Берг М. Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе / М. Берг. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 342 с.
- 63. Богданов К.А. В поисках народности: свое как чужое / К.А. Богданов // Богданов К.А. О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 105–145.
- 64. Богданов К.А. Раса, Россия, бог Ра и этруски / К.А. Богданов // Богданов К.А. Переменные величины: Погода русской истории и другие сюжеты. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 73–95.
- 65. Богомолов Н.А. Этюд об ахматовском жизнетворчестве / Н.А. Богомолов // Богомолов Н.А. От Пушкина до Кибирова: Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 323—331.
- 66. Бурдье П. Поле литературы / Пер. с фр. М. Гронаса // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 22–87.
- 67. Васильев В.К. Сюжетная типология русской литературы XI–XX веков (Архетипы русской культуры): учеб. пособие. Ч. І / В.К. Васильев. Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2005. 243 с.

- 68. Вдовин А., Лейбов Р. Хрестоматийный тексты: русская поэзия и школьная практика XIX столетия / А. Вдовин, Р. Лейбов // Acta Slavica Estonica IV. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение, IX. Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон / Под. ред. А. Вдовина, Р. Лейбова. Тарту: University of Tartu Press, 2013. С. 7—34.
- 69. Велижев М.Б., Лавринович М.Б. Сусанинский миф: становление канона / М.Б. Велижев, М.Б. Лавринович // Новое литературное обозрение. 2003. № 63. С. 186–205.
- 70. Винокур Г.О. Биография и культура. Изд. 2-е, испр. и доп. / Г.О. Винокур. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 86 с.
- Гаспаров М.Л. Овидий в изгнании / М.Л. Гаспаров // Публий Овидий Назон. Скорбные элегии. Письма с Понта / Изд. подг. М. Л. Гаспаров, С. А. Ошеров. М.: Наука, 1979. С. 189–224.
- 72. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе / Л.Я. Гинзбург. М.: IN-TRADA, 1999. 411 с.
- 73. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. А.Д. Ковалева. М.: «КАНОН-пресс-ц»; «Кучково поле», 2000. 304 с.
- 74. Гройс Б.Е. Утопия и обмен / Б.Е. Гройс. М.: ЗНАК, 1993. 374 с.
- 75. Гронас М. Диссенсус. Война за канон в американской академии 80-х 90-х годов // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 6–18.
- 76. Гронас М. Безымянное узнаваемое, или Канон под микроскопом / М. Гронас // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 68–88.
- 77. Гудков Л. К проблеме негативной идентификации / Л. Гудков // Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 262–299.

- 78. Гудков Л. Идеологема «врага» / Л. Гудков // Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997—2002 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 552—649.
- 79. Гюнтер Х. По обе стороны утопии: Контексты творчества А. Платонова / Х. Гюнтер. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 216 с.
- 80. Дебрецени П. Житие Александра Болдинского (канонизация Пушкина в советской культуре) / Пер. с англ. М.Б. Кутеевой // Современное американское пушкиноведение. Сборник статей / Ред. У.М. Тодд III. СПб.: Академический проект, 1999. С. 87–107.
- 81. Димке Д. Жизнь по законам искусства: утопическое зрение и героические сообщества (на примере Коммуны юных фрунзенцев) [Электронный ресурс] / Д. Димке // Социология власти. 2012. № 4—5. Режим доступа: http://socofpower.ranepa.ru/darya-dimke.-zhizn-pozakonam-iskusstva-utopicheskoe-zrenie-i-geroicheskie-soobcshestva-na-primere-kommuny-yunyh-frunzencev/ (дата обращения: 26.02.2016).
- 82. Дмитриев А.Н. Русский формализм и перспективы социологического изучения литературы / А.Н. Дмитриев // Проблемы социального и гуманитарного знания. Сборник научных работ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. Вып. II. С. 367—398.
- 83. Добренко Е. Музей революции: советское кино и сталинский исторический нарратив / Е. Добренко. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 424 с.
- 84. Дубин Б. «Кровавая» война и «великая» победа [Электронный ресурс] / Б. Дубин // Отечественные записки. 2004. № 5. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/oz/2004/5/2004_5_5.html#t10 (дата обращения: 20.12.2006).
- 85. Дубин Б. Идея «классики» и ее социальные функции / Б. Дубин, Н. Зоркая // Дубин Б. Классика, после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 9–42.

- 86. Дубин Б. Классика, после и вместо: О границах и формах культурного авторитета / Б. Дубин // Дубин Б. Классика, после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 99–107.
- 87. Дубин Б.В. Классик звезда модное имя культовая фигура: О стратегиях легитимации культурного авторитета / Б.В. Дубин // Культ как феномен литературного процесса: Автор, текст, читатель. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 324—330.
- 88. Егоров Б.Ф. Книги Ю.М. Лотмана о Пушкине / Б.Ф. Егоров // Русская литература. 1994. № 1. С. 227—233.
- 89. Живов В. Первые русские литературные биографии как социальное явление: Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков / В. Живов // Новое литературное обозрение. 1997. № 25. С. 24—83.
- 90. Живов В.М. Иван Сусанин и Петр Великий. О константах и переменных в составе исторических персонажей / В.М. Живов // Новое литературное обозрение. 1999. № 38. С. 51–65.
- 91. Живов В.М. Маргинальная культура в России и рождение интеллигенции / В.М. Живов // Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 685–704.
- 92. Живов В.М. Два пространства русского средневековья и их позднейшие метаморфозы [Электронный ресурс] / В.М. Живов // Отечественные записки. 2004. № 5. Режим доступа: http://www.strana-oz.ru/2004/5/dva-prostranstva-russkogo-srednevekovya-i-ih-pozdneyshie-metamorfozy (дата обращения: 05.01.2016).
- 93. Живов В.М. Post scriptum к поэтике бытового поведения и к посвященному ей «круглому столу» / В.М. Живов // Новое литературное обозрение. 2006. № 82. С. 122–128.

- 94. Жилякова Н.В. Рецепция русской классики в томской дореволюционной журналистике / Н.В. Жилякова. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. 208 с.
- 95. Жолковский А. К технологии власти в творчестве и жизнетворчестве Ахматовой / А. Жолковский // Lebenskunst Kunstleben. Жизнетворчество в русской культуре XVIII–XX вв. / Hrsg. Shamma Shahadat. München: Verlag Otto Sagner, 1998. С. 193–210.
- 96. Жолковский А. Страх, тяжесть, мрамор (Из материалов к жизнетворческой биографии Ахматовой) / А. Жолковский // Wiener Slawistischer Almanach.— 1998. Bd. 36. С. 119—154.
- 97. Жолковский А.К. ПЕСНИ ЖЕСТЫ МУЖСКОЕ ЖЕНСКОЕ. О поэтической прагматике Анны Ахматовой / А.К. Жолковский, Л.Г. Панова // Жолковский А.К. Поэтика за чайным столом и другие разборы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 217–241.
- 98. Загидуллина М.В. Мифы о литературных феноменах. К вопросу о методологии изучения / М.В. Загидуллина // Челябинский гуманитарий. $2012. N \cdot 4$ (21). С. 24—33.
- 99. Земсков В. Литературный пантеон: автор и произведение в межкультурной коммуникации / В. Земсков // Литературный пантеон: национальный и зарубежный. М.: Наследие, 1999. С. 7–19.
- 100. Зенкин С. «Классика» и «современность» / С. Зенкин // Литературный пантеон: национальный и зарубежный. М.: Наследие, 1999. С. 32–44.
- 101. Зенкин С. Гуманитарная классика: между наукой и литературой // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании / С. Зенкин. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 281–293.
- 102. Зенкин С.Н. От текста к культу / С.Н. Зенкин // Культ как феномен литературного процесса: Автор, текст, читатель. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 133—140.

- 103. Зенкин С. Теория писательства и письмо теории (Филология после Бурдье) / С. Зенкин // Работы о теории: Статьи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 44–54.
- 104. Зенкин С. Открытие «быта» русскими формалистами / С. Зенкин // Зенкин С. Работы о теории: Статьи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 305–324.
- 105. Зорин А. Новые аспекты старых проблем / А. Зорин // Вопросы литературы. 1985. № 7. С. 208—219.
- Зорин А. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России последней трети XVIII первой трети XIX века / А. Зорин. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 416 с.
- 107. Зорин А. Понятие «литературного переживания» и конструкция психологического протонарратива / А. Зорин // История и повествование: Сборник статей / Под ред. Г.В. Обатнина и П. Песонена. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 12–27.
- 108. Зорин А.Л. Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII начала XIX века / А.Л. Зорин. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 568 с.
- 109. Иглтон Т. Теория литературы: Введение / Пер. с англ. Е. Бучкиной под ред. М. Маяцкого и Д. Субботина. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. 296 с.
- 110. Иоффе Д. Жизнетворчество русского модернизма sub specie semioticae. Историографические заметки к вопросу типологической реконструкции системы «жизнь текст» / Д. Иоффе // Критика и семиотика. $2005. N \ge 8. C. 126-179.$
- 111. Каспэ И. Классика как коллективный опыт: литература и телесериалы / И. Каспэ // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 452–489.

- 112. Киселева Л.Н. Становление русской национальной мифологии в николаевскую эпоху (сусанинский сюжет) / Л.Н. Киселева // Лотмановский сборник. Вып. 2. М.: РГГУ, 1997. С. 279–302.
- 113. Коцонис Я. Как крестьян делали отсталыми: Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России 1861–1914 / Авторизов. пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 320 с.
- 114. Кукулин И. «Внутренняя постколонизация»: формирование постколониального сознания в русской литературе 1970–2000-х годов / И. Кукулин // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 846–909.
- 115. Кураев А.В. Сатанизм для интеллигенции. О Рерихах и православии: В 2 т. / А.В. Кураев. М.: Изд-во Московского Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2006.
- 116. Лавров А.В. Мифотворчество «аргонавтов» / А.В. Лавров // Миф фольклор литература. Л.: Наука, 1978. С. 137 170.
- 117. Левитт М. Пушкин в 1899 году / Пер. с англ. М.Б. Кутеевой // Современное американское пушкиноведение. Сборник статей / Ред. У.М. Тодд III. СПб.: Академический проект, 1999. С. 21–41.
- 118. Левкиевская Е.Е. Русская идея в контексте исторических мифологических моделей и механизмы их образования / Е.Е. Левкиевская // Современная российская мифология / Сост. М.В. Ахметова. М.: РГГУ, 2005. С. 175–206.
- 119. Левченко Я.С. Другая наука: Русские формалисты в поисках биографии / Я.С. Левченко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 304 с.
- 120. Липовецкий М. Трикстер и «закрытое общество» / М. Липовецкий // Новое литературное обозрение. 2009. №. 100. С. 224–245.

- 121. Лотман Ю.М. Бытовое поведение и типология культуры в России XVIII в. / Ю.М. Лотман // Культурное наследие Древней Руси (Истоки. Становление. Традиции). М.: Наука, 1976. С. 292–297.
- 122. Лотман Ю.М. Литературный быт / Ю.М. Лотман // Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 194–195.
- 123. Лотман Ю.М. Введение: Быт и культура / Ю.М. Лотман // Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII начало XIX века). СПб.: «Искусство-СПБ», 1994. С. 5–16.
- 124. Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни // Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII начало XIX века) / Ю.М. Лотман. СПб.: «Искусство-СПБ», 1994. С. 331–384.
- 125. Лотман Ю.М. Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) / Ю.М. Лотман // Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб.: «Искусство-СПБ», 1997. С. 804–816.
- 126. Лотман Ю.М. О понятии пространства в русских средневековых текстах / Ю.М. Лотман // Лотман Ю.М. О русской литературе СПб.: «Искусство-СПБ», 1997. С. 112–117.
- 127. Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина / Ю.М. Лотман // Лотман Ю.М. Карамзин. СПб: «Искусство-СПБ», 1997. С. 10–310.
- 128. Лотман Ю.М. Сцена и живопись как кодирующие устройства культурного поведения человека начала XIX столетия / Ю.М. Лотман // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: «Искусство-СПБ», 2000. С. 636–645.
- 129. Лотман Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя / Ю.М. Лотман // Лотман Ю.М. Пушкин. СПб.: «Искусство-СПБ», 2000. С. 21–184.

- 130. Лотман Ю.М. «Изгой» и «изгойничество» как социальнопсихологическая позиция в русской культуре преимущественно допетровского периода («Свое» и «чужое» в истории русской культуры) / Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. — СПб.: «Искусство-СПБ», 2002. — С. 222—232.
- 131. Лоунсбери Э. «Кровно связанный с расой»: Пушкин в афроамериканском контексте / Э. Лоунсбери // Новое литературное обозрение. 1999. № 37. С. 229–251.
- 132. Магомедова Д.М. «Я один... и разбитое зеркало...»: литературные маски Сергея Есенина (Статья первая) [Электронный ресурс] / Д.М. Магомедова // Новый филологический вестник. 2005. № 1. Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/ya-odin-i-razbitoe-zerkalo-literaturnye-maski-sergeya-esenina-statya-pervaya (дата обращения: 25.112015).
- 133. Магомедова Д.М. «Я один... и разбитое зеркало...»: Литературные маски Сергея Есенина (Статья вторая) [Электронный ресурс] / Д.М. Магомедова // Новый филологический вестник. 2006. № 2. Режим доступа: http://slovorggu.ru/nfv2006_1_2_pdf/07Magomedova.pdf (дата обращения: 25.11.2015).
- 134. Майофис М. Воздвижение Акрополя: структура и функции арзамасского литературного канона / М. Майофис // Майофис М. Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815 1818 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 531—599.
- 135. Матич О. Суета вокруг кровати: утопическая организация быта и русский авангард / Пер. с англ. И.Д. Прохоровой // Литературное обозрение. 1991. № 11. С. 80–84.
- 136. Матич О. Эротическая утопия: Новое религиозное сознание и fin de siecle в России / Авторизов. пер. с англ. Е. Островской. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 400 с.

- 137. Махов А.Е. Сад демонов Hortus daemonum: Словарь инфернальной мифологии Средневековья и Возрождения / А.Е. Махов. М.: INTRADA, 1998. 320 с.
- 138. Мелетинский Е.М. Культурный герой / Е.М. Мелетинский // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Рос. энциклопедия, 1994. Т. 2. С. 25–28.
- 139. Минц З.Г. Понятие текста и символистская эстетика / З.Г. Минц // Минц З.Г. Поэтика русского символизма. СПб.: «Искусство-СПБ», 2004. С. 97–102.
- 140. Неклюдов С.Ю. Структура и функции мифа / С.Ю. Неклюдов // Современная российская мифология / Сост. М.В. Ахметова. М.: РГГУ, 2005. С. 9–26.
- 141. Панченко А.М. Русский поэт, или Мирская святость как религиозно-культурная проблема / А.М. Панченко // Звезда. – 2002. – № 9. – С. 140–147.
- 142. Паперно И. Пушкин в жизни человека Серебряного века / И. Паперно // Cultural Mythologies of Russian Modernism from Golden Age to the Silver Age / Ed. by B. Gasparov, R. Hughes, and I. Paperno. Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press, 1992. P. 19–51.
- 143. Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский человек эпохи реализма / Авторизов. пер. с англ. Т.В. Казавчинской. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 208 с.
- 144. Песков А.М. Вводные замечания / А.М. Песков // Песков А.М.
 «Русская идея» и «русская душа»: Очерки русской историософии. –
 М.: ОГИ, 2007. С. 7–8.
- 145. Песков А.М. «Кто меня судьею поставил?»: Пророческая парадигма / А.М. Песков // Песков А.М. «Русская идея» и «русская душа»: Очерки русской историософии. М.: ОГИ, 2007. С. 9–13.
- 146. Плюханова М.Б. К проблеме генезиса литературной биографии / М.Б. Плюханова // Ученые записки Тартуского государственного уни-

- верситета. Выпуск 683. Литература и публицистика. Проблемы взаимодействия. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1986. С. 122–133.
- Плюханова М. Б. О национальных средствах самоопределения личности: самосакрализация, самосожжение, плавание на корабле / М.Б. Плюханова / М.Б. Плюханова / Из истории русской культуры. Т. 3: XVII начало XVIII века. 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 380–459.
- 148. Пономарев Е. Россия, растворенная в вечности. Жанр житийной биографии в литературе русской эмиграции / Е. Пономарев // Вопросы литературы. 2004. № 1. С. 84–111.
- 149. Проскурин О.А. Литературные скандалы пушкинской эпохи / О.А. Проскурин. М.: ОГИ, 2000. 367 с.
- 150. Разувалова А. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов / А. Разувалова. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 616 с.
- 151. Ранчин А.М. «Дети дьявола»: убийцы страстотерпца / А.М. Ранчин // Ранчин А.М. Вертоград Златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 121–127.
- 152. Ранчин А.М. Автобиографические повествования в русской литературе XVI XVII вв. (Повесть Мартирия Зеленецкого, Записка Елеазара Анзерского, Жития Аввакума и Епифания): проблема жанра / А.М. Ранчин // Ранчин А.М. Вертоград Златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 233–247.
- 153. Ранчин А.М. Символика в «Войне и мире»: из опытов комментирования книги Л.Н. Толстого / А.М. Ранчин // Ранчин А.М. Перекличка Камен: Филологические этюды. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 93–103.

- 154. Рейтблат А.И. Как Пушкин вышел в гении (О литературной репутации Пушкина) / А.И. Рейтблат // Рейтблат А.И. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 51–69.
- 155. Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту: Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX века / А.И. Рейтблат // Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 11–248.
- 156. Рейтблат А.И. «Роман литературного краха» в русской литературе конца XIX начала XX века / А.И. Рейтблат // Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 317–329.
- 157. Рейтблат А.И. «... что блестит»? (Заметки социолога) / А.И. Рейтблат // Новое литературное обозрение. 2002. № 53. С. 241–251.
- 158. Рейтблат А.И. Русская литература как социальный институт / А.И. Рейтблат // Рейтблат А.И. Писать поперек: Статьи по биографике, социологии и истории литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 11—32.
- 159. Рейтблат А.И. Биографируемый и его биограф (к постановке проблемы) / А.И. Рейтблат // Рейтблат А.И. Писать поперек: Статьи по биографике, социологии и истории литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 179—188.
- 160. Рейтблат А.И. Буренин и Надсон: как конструируется миф / А.И. Рейтблат // Рейтблат А.И. Писать поперек: Статьи по биографике, социологии и истории литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 323–338.
- 161. Ронен О. Серебряный век как умысел и вымысел. 2-е изд., испр. /
 О. Ронен. М.: ОГИ, 2000. 152 с.

- 162. Синицына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.) / Н.В. Синицына. М.: «Индрик», 1998. 416 с.
- 163. Смирнов И. О метапозиции. Провинция / И. Смирнов // Звезда. 2003. № 11. С. 216—220.
- 164. Смирнов И.П. Странничество и скитальчество в русской культуре/ И. Смирнов // Звезда. 2005. № 5. С. 205–212.
- 165. Смирнов И.П. О Древнерусской культуре, русской национальной специфике и логике истории / И.П. Смирнов // Смирнов И.П. Мегаистория. К исторической типологии культуры. М.: Аграф, 2000. С. 197–446.
- 166. Топоров В.Н. Муха / В.Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Рос. энциклопедия, 1994. Т. 2. С. 188.
- Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре.
 Том ІІ. Три века христианства на Руси (XII–XIV вв.) / В.Н. Топоров. –
 М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 864 с.
- 168. Тынянов Ю.Н. Литературный факт / Ю.Н. Тынянов // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 255–270.
- 169. Тюпа В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы / В.И. Тюпа // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.
- 170. Тюпа В.И. Мифопоэтика сопряжения художника и жизни [Электронный ресурс] / В.И. Тюпа // Новый филологический вестник. 2011. № 2. Режим доступа: http://www.slovorggu.ru/nfv2011_3_18_pdf/11Tjupa.pdf (дата обращения: 25.11.2015).
- 171. Тюпа В.И. Нарратив и другие регистры говорения [Электронный ресурс] / В.И. Тюпа // Narratorium. 2011. №1–2. Режим доступа:

- http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2027584 (дата обращения: 19. 09. 2015).
- 172. Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I / Авторизов. пер. с англ. С.В. Житомирской. М.: ОГИ, 2004. 605 с.
- 173. Успенский Б.А. Дуалистический характер русской средневековой культуры / Б.А. Успенский // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры», 1994. С. 254–297.
- 174. Федотов Г.П. Святые Древней Руси / Г.П. Федотов. М.: ТЕРРА; «Книжная лавка РТР», 1997. 224 с.
- 175. Фицпатрик Ш. Срывайте маски!: Идентичность и самозванство в России XX века / Пер. с англ. Л.Ю. Пантиной. М.: РОССПЭН, 2011.
 375 с.
- 176. Хансен-Леве О. Концепции «жизнетворчества» в русском символизме начала века / О. Хансен-Леве // Блоковский сборник. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1998. Т. 14. С. 57–85.
- 177. Худенко Е.А. Жизнетворчество Мандельштама, Зощенко, Пришвина 1930—1940-х гг. как метатекст / Е.А. Худенко. Дисс. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2012. 390 с.
- 178. Хуттунен Т. Имажинист Мариенгоф: Денди. Монтаж. Циники / Т. Хуттунен. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 272 с.
- 179. Чистов К.В. Русская народная утопия (генезис и функция социально-утопических легенд) / К.В. Чистов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 528 с.
- 180. Чмыхало Б.А. Литературный регионализм: Учебное пособие по спецкурсу / Б.А. Чмыхало. Красноярск: КГПИ, 1990. 80 с.
- 181. Чмыхало Б.А. Молодая Сибирь: Регионализм в истории русской литературы. Красноярск: КГПИ, 1992. 200 с.

- 182. Шацкий Е. Традиция. Обзор проблематики / Пер. с польск. М.И. Леньшиной // Шацкий Е. Утопия и традиция. М.: Прогресс, 1990. С. 205–435.
- 183. Эйхенбаум Б.М. Пушкин и Толстой / Б.М. Эйхенбаум // Эйхенбаум Б.М. О прозе. Л.: Художественная литература, 1969. С. 167–184.
- 184. Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой. Семидесятые годы / Б.М. Эйхенбаум. Л.: Художественная литература, 1974. 360 с.
- 185. Эйхенбаум Б.М. Литературный быт / Б.М. Эйхенбаум // Эйхенбаум Б.М. Мой временник. Маршрут в бессмертие. М.: Аграф, 2001. С. 49–59.
- 186. Эйхенбаум Б.М. Писательский облик М. Горького / Б.М. Эйхенбаум // Эйхенбаум Б.М. Мой временник. Маршрут в бессмертие. М.: Аграф, 2001. С. 112–118.
- 187. Эко У. Сотвори себе врага / Пер. с ит. М. Визеля // Эко У. Сотвори себе врага. И другие тексты по случаю. М.: ACT: CORPUS, 2014. С. 11–38.
- 188. Эконен К. Миметический кризис: Конструирование жизни, пола и авторства в символистском жизнетворчестве / К. Эконен // Эконен К. Творец, субъект, женщина: Стратегии женского письма в русском символизме. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 104–150.
- 189. Эткинд А.М. Толкование путешествий: Россия и Америка в травелогах и интертекстах / А.М. Эткинд. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 496 с.
- 190. Эткинд А. Хлыст: Секты, литература и революция / А.М. Эткинд. Изд. 2-е, сокр. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 644 с.
- 191. Якобсон Р.О. Статуя в поэтической мифологии Пушкина / Р.О. Якобсон // Якобсон Р.О. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С. 145–181.

- 192. Brooks J. Russian Nationalism and Russian Literature: The Canonization of the Classics / J. Brooks // Nation and Ideology. Essays in honor of Wayne S. Vucinich / Ed. by I. Banac, J. Ackerman, and R. Szporluk. N.Y.: Columbia University Press, 1981. P. 315–330.
- 193. Brooks J. When Russia Learned to Read. Literacy and Popular Literature, 1861–1917 / J. Brooks. Princeton: Princeton University Press, 1988. 450 p.
- 194. Creating Life. The Aesthetic Utopia of Russian Modernism / Ed. by I. Paperno and J. D. Grossman. Stanford: Stanford University Press, 1994. 288 p.
- 195. Hobsbawm E. Introduction: Inventing Traditions // The Invention of Tradition / E. Hobsbawm / Ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 1–14.
- 196. Hobsbawm E. Mass-Producing Traditions: Europe, 1870–1914 // The Invention of Tradition / E. Hobsbawm / Ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 263–307.
- 197. Lebenskunst Kunstleben. Жизнетворчество в русской культуре XVIII–XX вв. / Hrsg. Shamma Shahadat. München: Verlag Otto Sagner, 1998. 229 р.
- 198. Paperno I. Introduction / I. Paperno // Creating Life. The Aesthetic Utopia of Russian Modernism / Ed. by I. Paperno and J. D. Grossman. Stanford: Stanford University Press, 1994. P. 1–11.

Литература о творчестве Г.Д. Гребенщикова

- 199. Азаров Ю.А. Основатель Чураевки / Ю.А. Азаров // Азаров Ю.А. Диалог поверх барьеров. – М.: Совпадение, 2005. – С. 265–291.
- 200. Александр Ширяевец. Из переписки 1912—1917 гг. / А. Ширяевец // Публ., подг. текста, предисл. и примеч. Ю.Б. Орлицкого, Б.С. Соколова, С.И. Субботина // de visu. 1993. № 3 (4). С. 5–42.

- 201. Анисимов К.В. Сибирская литература и проблема авторского самоопределения / К.В. Анисимов // Материалы научно-практической конференции преподавателей, аспирантов и студентов филологического факультета. Красноярск: Изд-во КГПУ, 1997. С. 11–19.
- 202. Анисимов К.В. Сибирский областнический роман: от «Тайжан» к «Чураевым» / К.В. Анисимов // Филологические страницы: Сборник статей. Вып. 1. Красноярск: КГПУ, 1999. С. 20–33.
- 203. Анисимов К.В. Старообрядчество и областничество / К.В. Анисимов // Филологические страницы: Сборник статей. Вып. 1. Красноярск: КГПУ, 1999. С. 33–47.
- 204. Анисимов К.В. Сибирское областничество и творчество Г. Д. Гребенщикова: к интерпретации некоторых мотивов романа «Чураевы» (1-я часть) / К.В. Анисимов // Алтайский текст в русской культуре: материалы науч. семинара. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. Вып. 2. 2004. С. 18—27.
- 205. Анисимов К.В. Бунинские оценки современников и современности в исторический ретроспективе: о художественных механизмах антиутопического сознания / К.В. Анисимов // Русский проект исправления мира и художественное творчество XIX–XX веков: колл. монография / отв. ред. Н.В. Ковтун. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. С. 165–204.
- 206. Анисимов К.В. Литературный канон и осколки имперского нарратива в начале XX в. (случай И.А. Бунина) / К.В. Анисимов // Уральский исторический вестник. –2013. –№ 1 (38). С. 78–83.
- 207. Анисимов К.В. «Грамматика любви» И.А. Бунина: текст, контекст, смысл / К.В. Анисимов. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. 148 с.
- 208. Анисимова Е.Е. Б.К. Зайцев и В.А. Жуковский: реактуализация классики как фактор идентичности писателя-эмигранта / Е.Е. Аниси-

- мова // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2011. № 11 (113). С. 142–148.
- 209. Анисимова Е.Е. Творчество В.А. Жуковского в рецептивном сознании русской литературы первой половины XX века / Е.Е. Анисимова. Дисс. ... д-ра филол. наук. Красноярск, 2015. 492 с.
- 210. Воробьева О.В. Культурно-просветительская деятельность общественных объединений Русской Америки XX века [Электронный ресурс] / О.В. Воробьева. Режим доступа: http://jurnal.org/articles/2010/hist7.html (дата обращения: 15.01.2016).
- 211. Ганичев В. Возвращение на родину / В. Ганичев // Гребенщиков Г.Д. Чураевы: Братья Чураевы. Роман в трех частях. Спуск в долину. Роман. Барнаул, 2006. С. 5–6.
- 212. Гачева А.Г. Федоров Н.Ф. / А.Г. Гачева // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918—1940. Т.4. Всемирная литература и русское зарубежье. — М.: РОССПЭН, 2006. — С. 431—441.
- 213. Герасимова А. Время Георгия Гребенщикова пришло [Электронный ресурс] / А. Герасимова. Режим доступа: http://dixipressmos.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=8 http://dixipressmos.php?option=content&view=article&id=8 http://dixipressmos.php?option=content&view=article&id=8 http://dixipressmos.php?option=content&view=article&id=8 http://dixipressmos.php.nu/ http://dixipressmos.php.nu/ http://dixipressmos.php.nu/ http://dixipressmos.php.nu/ http:
- 214. Гончаров С.А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте / С.А. Гончаров. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1997. 340 с.
- 215. Забелин П. В. Философское наследие Г. Д. Гребенщикова: поиски Василия Чураева / П.В. Забелин // Культурное наследие Алтая. Барнаул: Алтайское кн. издательство, 1992. С. 87–89.
- 216. Закаблукова Т.Н. Мотив «блудного сына» в романе-эпопее Г.Д. Гребенщикова «Чураевы» / Т.Н. Закаблукова // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. Вып. 3. С. 12–17.

- 217. Закаблукова Т.Н. Семейная хроника как сюжетнотипологическая основа романов «Чураевы» Г.Д. Гребенщикова и «Угрюм-река» В.Я. Шишкова / Т.Н. Закаблукова. Дисс. ... канд. филол. наук. – Красноярск, 2008. – 188 с.
- 218. Клейнборт Л. Беллетристы-самоучки / Л. Клейнборт // Современный мир. 1916. –№ 1. С. 160–178.
- 219. Казаркин А.П. Сибирская областная эпопея / А.П. Казаркин // Сибирский текст в русской культуре. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2002. С. 63–77.
- 220. Казаркин А.П. Георгий Гребенщиков и областничество / А.П. Казаркин // Вестник Томского гос. ун-та. -2004. -№ 282. C. 290–294.
- 221. Казаркин А.П. Жанровый контекст романа «Чураевы» / А.П. Казаркин // Алтайский текст в русской культуре: материалы науч. семинара. Вып. 2. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 7–18.
- 222. Казаркин А.П. Литературная классика Сибири: подход к дефиниции / А.П. Казаркин // Сибирский текст в русской культуре: Сб. статей. Вып. 2 / Под ред. А.П. Казаркина, Н.В. Серебренникова. Томск: Издво Том. ун-та, 2007. С. 32–43.
- 223. Казаркин А.П. Возвращение Георгия Гребенщикова / А.П. Казаркин // Наш современник. 2010. № 8. С. 277–281.
- 224. Казаркин А.П. Завершающий текст областничества (о книге Георгия Гребенщикова «Моя Сибирь») / А.П. Казаркин // Областническая тенденция в русской философской и общественной мысли: К 150-летию сибирского областничества / Отв. ред. А.В. Малинов. СПб.: Изд. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2010. С. 79–83.
- 225. Коростелев О.А. Гребенщиков / О.А. Коростелев // Русские писатели XX века: Биографический словарь / гл. ред. и сост. П.А. Николаев. М.: Большая российская энциклопедия; Рандеву-АМ, 2000. С. 210–211.

- 226. Крайний А. Полет в Европу / А. Крайний // Литература русского зарубежья: Антология. Т. 1. Кн. 2 / Сост. В.В. Лавров. М.: «Книга», 1990. С. 366–373.
- 227. Леонов В.Н. Культурологическая концепция Г.Д. Гребенщикова / В.Н. Леонов. Дисс. ... канд. культур. наук. Барнаул, 2003. 141 с.
- 228. Лепехин М.П. Гребенщиков / М.П. Лепехин // Русские писатели: XX век: в 2 ч.: биоблиографический словарь. Ч. І. А–Л / Под ред. Н.Н. Скатова. М.: Просвещение, 1998. С. 393–397.
- 229. Листов В.С. Легенда о черном предке / В.С. Листов // Легенды и мифы о Пушкине: Сборник статей / Под ред. М.Н. Виролайнен. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1995. С. 54–65.
- 230. Лотман Ю.М. Письмо Б.Ф. Егорову / Ю.М. Лотман // Русская литература. 1994. № 1. С. 233—235.
- 231. Львов-Рогачевский В. Великое ожидание (Обзор современной литературы) / В. Львов-Рогачевский // ГМИЛИКА. ОФ. Ед.хр. 15533/61.
- 232. Макаров А.А. Гребенщиков Г.Д. / А.А. Макаров // Писатели русского зарубежья (1918–1940). Справочник. Часть 1 / ред. Николюкин А.Н. – М.: ИНИОН АН СССР, 1994. С. – 172–175.
- 233. Макаров А.А. Гребенщиков Г.Д. / А.А. Макаров // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). Т. 1. Писатели русского зарубежья / гл. ред. Николюкин А.Н. М., 1997. С. 143–144.
- 234. Макарова Е.А. Формирование переселенческого дискурса в публицистическом творчестве Н.М. Ядринцева / Е.А. Макарова // Областническая тенденция в русской философской и общественной мысли: К 150-летию сибирского областничества / Отв. ред. А.В. Малинов. СПб.: Изд. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2010. С. 92–115.
- 235. Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. Т. 4. Новые дополнения к алфавитному

- указателю псевдонимов. Алфавитный указатель авторов / И.Ф. Масанов. М.: Издательство Всесоюзной книжной палаты, 1960. 558 с.
- 236. Мейлах М. Поэзия и власть / М. Мейлах // Лотмановский сборник. [Вып.] 3. / ред. Л.Н. Киселева, Р.Г. Лейбов, Т.Н. Фрайман. М.: ОГИ, 2004. С. 717–743.
- 237. Мельников Н. Незамеченный писатель / Н. Мельников // Яновский В.С. Поля Елисейские: Книга памяти. М.: Астрель, 2012. С. 5–28.
- 238. Немировский И.В. Творчество Пушкина и проблема публичного поведения поэта / И.В. Немировский. СПб.: Гиперион, 2003. 352 с.
- 239. Никитин В. «Богоискательство» и богоборчество Толстого / В. Никитин // Прометей: Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей» / Сост. Ю. Селезнев. Т. 12. М.: Молодая гвардия, 1980. С. 113–138.
- 240. Осипова Н. Азбука Л.Н. Толстого как идеологический проект / Н. Осипова // Лотмановский сборник. Вып. 4. / Ред. Л.Н. Киселева, Т.Н. Степанищева. М.: ОГИ, 2014. С. 335–348.
- 241. Очерки русской литературы Сибири. Т. 1. Дореволюционный период. Новосибирск: Наука, 1982. –608 с.
- 242. Очерки русской литературы Сибири. Т. 2. Советский период. Новосибирск: Наука, 1982. – 632 с.
- 243. Примочкина Н. «Первым своим учителем считаю М. Горького» (М. Горький и Георгий Гребенщиков: к истории литературных отношений) / Н. Примочкина // Новое литературное обозрение. 2001. № 48. С. 146–156.
- 244. Примочкина Н.Н. «В небрежном отношении не повинен» (Г. Гребенщиков) / Н.Н. Примочкина // Примочкина Н.Н. Горький и писатели русского зарубежья. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 137–150.
- 245. Рерих Е. Знамя Преподобного Сергия Радонежского / Е. Рерих. Минск: «СангитаСтрой», 2013. 128 с.

- 246. Рерих Е.И., Рерих Н.К., Асеев А.М. «Оккультизм и Йога». Летопись сотрудничества. Сборник. Т. І. 1931—1954 / Е.И. Рерих, Н.К. Рерих, А.М. Асеев. М.: Издательство «Сфера» Российского Теософского общества, 1996. 512 с.
- 247. Родионов А. Георгий Гребенщиков: «Все равно укочую на Алтай» [Электронный ресурс] / А. Родионов// Сибирские огни. 2003. № 3. Режим доступа: http://www.sibogni.ru/content/georgiy-grebenshchikov-vse-ravno-ukochuyu-na-altay (дата обращения: 20.01.2016).
- 248. «Родная речь»: Алтайский писатель Георгий Гребенщиков [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=peYT7WWSW2A (дата обращения: 02.02.2016).
- 249. Росов В. Часовня св. Сергия Радонежского / В. Росов // Рериховский вестник. Публикации сообщения исследования. Вып. 4 (1991, январь—декабрь). СПб.; Извара; Барнаул; Горно-Алтайск, 1992. С. 56–57.
- 250. Росов В.А. Белый Храм на высоких горах: Очерки о русской эмиграции и сибирском писателе Георгии Гребенщикове / В.А. Росов. СПб.: Алетейя, 2004. 120 с.
- 251. Сандлер С. Воспоминания в Михайловском / Пер. с англ. Т. Бабенышевой // Современное американское пушкиноведение. Сборник статей / Ред. У.М. Тодд III. СПб.: Академический проект, 1999. С. 69–86.
- 252. Санникова А.А. Чураевка как идеал русской общины (культурно—просветительская деятельность Г.Д. Гребенщикова) / А.А. Санникова // Алтайский текст в русской культуре: Материалы третьей региональной научно-практической конференции / под ред. Т.Г. Черняевой, Н.В. Халиной. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. Вып. 3. С. 18–28.
- 253. Святополк-Мирский Д.П. Современная русская литература (1881–1925) / Д.П. Святополк-Мирский // Святополк-Мирский Д.П.

- История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / Пер. с англ. Р. Зерновой. 4-е изд. Новосибирск: «Свиньин и сыновья», 2009. С. 453–803.
- 254. Селиверстов С.В. Историко-цивилизационные представления Г.Д. Гребенщикова: Европа, Азия, Сибирь / С.В. Селиверстов // Верхнее Прииртышье в XVII–XXI вв.: Сб. науч. ст. Новосибирск: Параллель, 2009. С. 130–145.
- 255. Серебренников Н.В. Опыт формирования областнической литературы / Н.В. Серебренников. Дисс. ... д-ра филол. наук. Великий Новгород, 2005. 361 с.
- 256. Сирота О.С. Проблемы сохранения и развития русской культуры в условиях эмиграции первой волны: культурно-просветительская деятельность и литературное творчество Г.Д. Гребенщикова / О.С. Сирота. Дисс. ... канд. культур. наук. М., 2007. 204 с.
- 257. Смирнов К. Новое имя в ряду великих писателей (Несколько страниц жизни и посмертной судьбы человека, который мог бы стать первым русским лауреатом Нобелевской премии) / К. Смирнов // Открытая школа. 1997. № 3. С. 44–46.
- 258. Соколов Д. В. Гребенщиков Георгий Дмитриевич / Д.В. Соколов // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья, 1918-1940 / гл. ред. Николюкин. М., 1997–2002. М.: РОССПЭН, 2002. Т. 3: Книги. С. 175–177.
- 259. Струве Γ. Русская литература в изгнании. Опыт исторического обзора зарубежной литературы / Γ. Струве. Paris: YMCA-Press, 1984.
 426 с.
- 260. Суматохина Л.В. М. Горький и писатели Сибири / Л.В. Суматохина. М.: ИНФРА-М, 2013. 237 с.
- 261. Тиме Г. Изгнание как путешествие: русский взгляд Другого (1920-е годы) / Г. Тиме // Беглые взгляды: Новое прочтение русских травелогов певрой трети XX века: Сборник статей / Под ред. В.-С.

- Кисселя, Г. Тиме. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 235–246.
- 262. [Толстой А.Н.] Ненужная книга (Георгий Гребенщиков, «Чураевы», роман) / А.Н. Толстой // Накануне (Литературное приложение). 1922. 18 июня. С. 10.
- 263. Толстоноженко О.А. Карьерная траектория писателя-автодидакта на рубеже XIX–XX веков: Георгий Гребенщиков [Электронный ресурс] / О.А. Толстоноженко // Молодежь и наука: сборник материалов. Красноярск, 2014. Режим доступа: http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2014/directions.html (дата обращения: 01.09.2015).
- 264. Толстоноженко О.А. Провинциальный писатель и столичная литературная среда: проблемы адаптации и рефлексии (случаи И.А. Бунина, Г.Д. Гребенщикова, И.Е. Вольнова) / О.А. Толстоноженко // Материалы 53-й Международной студенческой конференции МНСК-2015: Литературоведение. Новосибирск, 2015. С. 38–39.
- 265. Толстоноженко О.А. Провинциальный интеллигент в столице: рефлексия травмы в раннем творчестве Г.Д. Гребенщикова / О.А. Толстоноженко // Алтайский текст в русской культуре: сборник статей / под. ред. М.П. Гребневой. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. Вып. 6. С. 342–357.
- 266. Тушине Е. Белый камень Алтая (Гребенщиков и Рерих) / Е. Тушине // Рериховский вестник. Публикации сообщения исследования. Вып. 4 (1991, январь—декабрь). СПб.; Извара; Барнаул; Горно-Алтайск, 1992. С. 57—58.
- 267. Федоров Н.Ф. Философия общего дела / Н.Ф. Федоров. М.: Эксмо, 2008. 752 с.
- 268. Фидлер Ф.Ф. Из мира литераторов: Характеры и суждения / Ф.Ф. Фидлер. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 864 с.
- 269. Хисамутдинов А. Русский литературный Шанхай / А. Хисамутдинов // Вопросы литературы. 2013. № 3. С. 68–86.

- 270. Царегородцева С.С. Г.Д. Гребенщиков: Грани судьбы и творчества / С.С. Царегородцева. Усть-Каменогорск: [Б.и.], 2003. 165 с.
- 271. Царегородцева С.С. Роман Г.Д. Гребенщикова «Чураевы» в социокультурном контексте эпохи / С.С. Царегородцева. Дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2005. 182 с.
- 272. Черняева Т.Г. Гребенщиков-этнограф / Т.Г. Черняева // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Вып. IV. Барнаул: . 2001. С. 54–61.
- 273. Черняева Т.Г. Г.Д. Гребенщиков о старообрядцах Алтая / Т.Г. Черняева // Язык и культура Алтая. Барнаул: , 2001. С. 8–26.
- 274. Черняева Т.Г. Начало творческой биографии Г.Д. Гребенщикова / Т.Г. Черняева // Алтайский текст в русской культуре. Вып. 1. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 36—47.
- 275. Черняева Т. Г. Георгий Гребенщиков: начало пути / Т.Г. Черняева // Бийский Вестник. Барнаул. 2003. № 1. С. 74–96.
- 276. Черняева Т.Г. Гребенщиков о Льве Толстом / Т.Г. Черняева // Алтайский текст в русской культуре. Вып. 2. Барнаул, 2004. С. 60–74.
- 277. Черняева Т.Г. Творчество Г.Д. Гребенщикова: сибирский период: учебное пособие / Т.Г. Черняева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. 47 с.
- 278. Черняева Т.Г. «Обнимаю Вас как преданный сын Ваш»: Георгий Гребенщиков и Григорий Николаевич Потанин / Т.Г. Черняева // Г.Д. Гребенщиков и Г.Н. Потанин: диалог поколений (письма, статьи, воспоминания, рецензии) / составитель, автор вступ. статьи, примеч. Т.Г. Черняева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. С. 5–44.
- 279. Черняева Т.Г. Хроника жизни и творчества Г.Д. Гребенщикова / Т.Г. Черняева // Гребенщиков Г.Д. Письма (1907–1917). Книга вторая / Составитель, автор предисловия, примечаний (при участии В.К. Корниенко и К.В. Анисимова), указателя имен, Хроники жизни и творче-

- ства Т.Г. Черняева. Бийск: Издательский Дом «Бия», 2010. С. 142–184.
- 280. Чмыхало Б.А. Литературно–критическая борьба в сибирских изданиях начала XX в. / Б.А. Чмыхало. Красноярск: КГПИ, 1987. 80 с.
- 281. Шишина Р. Гонец [Электронный ресурс] / Р. Шишина. Барнаул, 2010. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=DUKg-knlejs (дата обращения: 25.10.2015).
- 282. Ядринцев Н.М. [Начало романа «Тайжане»] / Н.М. Ядринцев / публ. И.Ф. Юшина, коммент. Н.В. Серебренникова // Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: коллективная монография / отв. ред. К.В. Анисимов. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2010. С. 224–232.
- 283. Якимова Л.П. Творчество Г. Гребенщикова в новом социальноисторическом контексте / Л.П. Якимова // Известия СО РАН. История, филология и философия, 1993. – Вып. 3. – С. 56–61.
- 284. Яновский В.С. Поля Елисейские: Книга памяти / В.С. Яновский.
 М.: Астрель, 2012. 479 с.
- 285. Яновский Н.Н. Повесть о детстве и отрочестве («Егоркина жизнь» Георгия Гребенщикова) / Н.Н. Яновский // Гребенщиков Г. Егоркина жизнь: главы из повести / публикация, примечания и послесловие Н.Н. Яновского // Сибирские огни. 1984. № 12. С. 110—115.
- 286. Яновский Н.Н. Писатели Сибири: Избранные статьи / Н.Н. Яновский. М.: Современник, 1988. 494 с.
- 287. Яновский Н.Н. Гребенщиков Георгий Дмитриевич / Н.Н. Яновский // Яновский Н.Н. Материалы к словарю «Русские писатели Сибири XX века». Новосибирск: ИД «Горница», 1997. С. 51–52.
- 288. Яранцев В. «Ступени к храму» Василия Чураева / В. Яранцев // Алтай. 2007. № 1. С. 169–173.